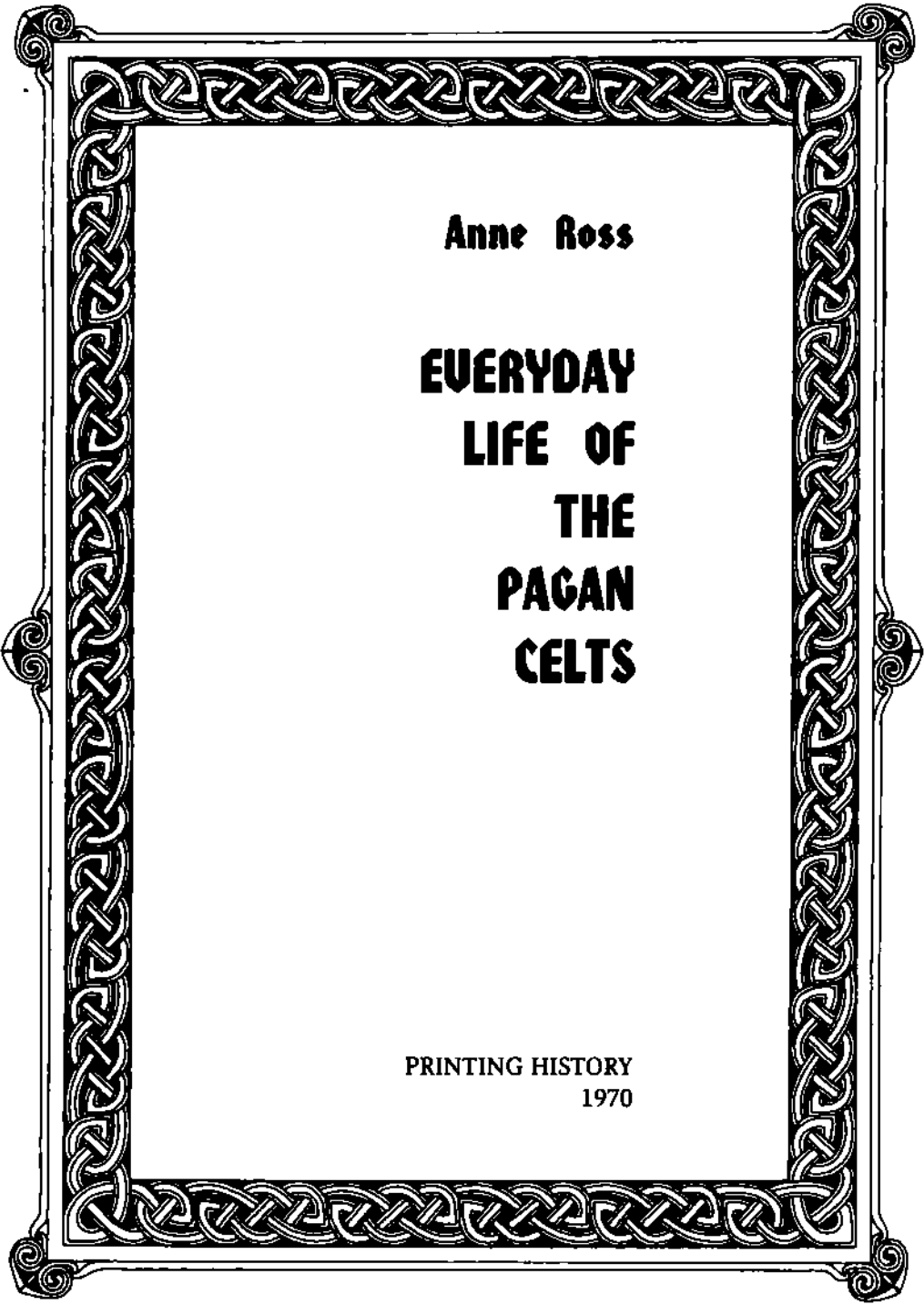

Anne Ross

**EVERYDAY
LIFE OF
THE
PAGAN
CELTS**

PRINTING HISTORY
1970

Научный редактор
Иванов С. В.

Росс Анна

Р76 Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. Пер. с англ.
С. В. Иванова. — СПб.: Евразия, 2004. — 288 с. ISBN 5-8071-0155-3

Книга Анны Росс «Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху» представляет собой весьма смелую попытку нарисовать картину повседневной реальности кельтского общества с момента его зарождения и до момента полной христианизации. Реконструируя картину повседневной жизни кельтских народов, английский историк использует весь арсенал известных науке источников от археологических данных и наблюдений античных авторов, до аутентичной литературной традиции, имеющей, впрочем, более позднее происхождение. Тем не менее, в этой работе чуть ли не впервые последовательно рассматриваются такие аспекты кельтской культуры как военное дело, оружие и боевая техника, охота, различные игры, музыка и специфически-кельтские музыкальные инструменты. В связи с описанием социальной структуры английская исследовательница реконструирует также внешний облик и особенности одежды различных социальных слоев кельтского мира и дает описание кельтского дома той эпохи. Не обходит она своим вниманием и ставшие уже традиционными для кельтологии темы религии, литературы, законотворчества и искусства в древних кельтах, но и в этом случае акценты расставляются скорее на повседневной стороне жизни, что позволяет Анне Роз представить читателю весьма живую картину кельтской древности. Богатый иллюстративный материал, которым оснащена книга, только усиливает впечатление, создаваемое автором, и помогает читателю погрузиться в загадочный мир древних кельтов.

**ББК 63.3(0)2/63.5
УДК 931**

Предисловие редактора

Книга Анны Росс «Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху» представляет собой смелую попытку осветить основные аспекты жизни кельтского общества с момента его зарождения до полной христианизации.

Эта картина, по словам самого автора, основывается на трех источниках информации: археологических данных, наблюдениях античных авторов и аутентичной литературной традиции. Мы не будем пересказывать авторский эпилог, в котором Анна Росс объясняет причины, заставившие ее отдать предпочтение тем или иным сторонам кельтской культуры. Не будем мы останавливаться и на подробностях, интересных для специалистов. Обратим внимание лишь на некоторые фундаментальные вопросы, представляющие собой «стержень», на котором строится все изложение.

На страницах этой книги часто можно в той или иной форме встретить утверждение, что ирландская литературная традиция является «окном в Железный век». Ныне такое заявление вряд ли найдет единодушную поддержку со стороны кельтологов. Несомненно, в ирландских сагах мы найдем отрывки, согласующиеся с данными археологии и напоминающие описания античных писателей, и тем не менее нельзя не учитывать хотя бы тот факт, что первая дошедшая до нас рукопись, содержащая ирландские сказания, датируется XII веком — иными словами, отстоит от нижней границы временного периода, который рассматривает Анна Росс, по меньшей мере на 7 столетий. Возможно, некоторые произведения, особенно правоведческие трактаты и стихотворные отрывки, могут восходить к оригиналам VII и VIII веков, но и в этом случае они создавались уже в христианскую эпоху и записывались в христианских скрипториях. Кроме того, нельзя сбрасывать

со счетов и прагматические аспекты — многие реалии, тонкости политической и экономической ситуации отражают обстановку, сложившуюся именно во время фиксации литературной традиции, а иногда являются следствием «политического заказа» или желания угодить тому или иному высокому покровителю или правящей династии. И уж во всяком случае совершенно недопустимо целиком и полностью проецировать отображенную в сагах действительность на эпоху кельтской культурной общности.

Так, например, сегодня вряд ли кто-нибудь согласится с тем, что конфликт между Ульстером и Коннахтом, описываемый в великом эпосе «Похищение быка из Куальнге», напрямую соотносится с напряженными отношениями различных волн переселенцев в Ирландию и, таким образом, различных этнических групп. Скорее признание получила более взвешенная точка зрения, согласно которой эта напряженность отражает политическую борьбу различных династий за господствующее положение в Ирландии уже в христианскую эпоху, а выдающаяся роль, приписываемая Ульстеру и его героям, объясняется тем, что эпос был занесен на бумагу в одном из северных культурных центров, зависящих от покровительства определенной ветви правящего рода.

И, наконец, не следует забывать, что христианская ученость в Ирландии не исключала хорошего знания античной литературной традиции, реминисценции и прямые цитаты из которой, по мнению некоторых исследователей, можно найти в ирландских произведениях.

Если ирландское общество подверглось радикальному влиянию со стороны христианства, то кельты в Британии и на континенте до этого испытали еще и мощнейшее воздействие римской культуры, в связи с чем некоторые аспекты их жизни, например, религиозные представления, практически не поддаются точному анализу.

Впрочем, все вышесказанное ни в коей мере не умаляет основного достоинства предлагаемой вниманию читателя книги. Теоретические выкладки зачастую не производят яркого впечатления, а своей сухостью даже навевают скуку. Задача Анны Росс состояла в том, чтобы нарисовать живую и увлекательную картину жизни древних кельтов, по возможности придерживаясь научных стандартов своего времени, и с этой задачей, как увидит читатель, автор прекрасно справился.

Предисловие

«Не долго пришлось дожидаться вознице Фер Диада — вскоре увидел он чудесную пятиугольную колесницу о четырех колесах, что стремительно и неудержимо неслась к ним, направляемая искусной рукой. То была колесница героических деяний с зеленым пологом, остовом спереди узким, высоким, как меч, и несравненным для подвигов ратных.

Две лошади влекли колесницу, быстрые, скачущие, широкоухие, прекрасные и неудержимые, широкогрудые с сердцем горячим, раздувающимися ноздрями, высоким пахом, огромными копытами, тонкими ногами, дивные, резвые. Одна из них, серая, крутобедрая и длинногривая, неслась частыми скачками. О бок с ней была черная лошадь со вьющейся гривой, стремительным шагом, могучей спиной. Подобны соколу, настигающему добычу в ветренный день, подобны жестоким порывам весеннего ветра, что дует в долине мартовским днем, подобны обезумевшему оленю, впервые спугнутому собаками, были кони в колеснице Кухулина, что, казалось, неслись по сверкающим, жгучим камням, так, сотрясаясь, дрожала земля от неистовой скачки»*.

Этот отрывок переведен с ирландского, одного из кельтских языков. Он взят из эпоса «Похищение быка из Куальнге» (*Táin Bó Cúailnge*), записанного в христианскую эпоху, но, по сути, относящегося к героическому веку, в котором жили языческие кельтские племена. Тон приведенного отрывка прекрасно передает все

* Перевод по изданию: Похищение быка из Куальнге, М. 1985, С. 245; пер. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. Далее — Похищение.

ощущения и острые чувственные впечатления этих беспокойных варваров. В нем проявляется тонкая и обстоятельная наблюдательность, с которой они рассматривали природу и живые существа и которая явилась одним из решающих факторов в создании и развитии кельтского художественного искусства; велеречивые, преувеличенные описания, превращающие обычное событие в славный подвиг, а тщеславного мальчишку — в великого и бессмертного героя; страсть к битве и кровопролитию; удовлетворение от собственного красноречия. Все это присутствует в великом ирландском эпосе; целый мир языческих кельтских племен оживает на его страницах.

В этой книге мы хотим пристальнее взглянуть на мир кельтов-язычников, представить себе его истоки, узнать, какие люди населяли его, чем они занимались и как они вели свои повседневные дела. Однако наши задачи неизбежно ограничены, во-первых, объемом книги и, во-вторых, существенной нехваткой данных и нашим недостаточным умением толковать их.

ИЗУЧАЯ СТРУКТУРУ РАННЕГО КЕЛЬТСКОГО общества, ученые постоянно сталкиваются с одной проблемой, которая существенным образом отличается от вопросов, возникающих при исследовании и описании общественной жизни многих других древних народов, в двух аспектах. Прежде всего, кельтская цивилизация не отличалась особым богатством материальных памятников, которые поражали воображение своих первооткрывателей, как произошло, например, с древними цивилизациями Вавилонии и Ассирии; сложный и утонченный мир древних египтян или блестящих городов Средиземноморья имеет мало общего с незатейливыми жилищами постоянно находившихся в движении «кочевых» кельтов. В самом деле, кельты почти не оставили потомкам сколь-нибудь значительных памятников архитектуры, а их укрепления и погребения, святилища и движимое имущество обнаруживаются в самых разных местах на обширных территориях Европы и Британских островов. Кроме того, эти находки относятся к самым разным временным пластам и, соответственно, к самым разным этапам социальной эволюции. Таким образом, можно сказать, что кельтское общество, по сути, не имело четко определенного центра, «ядра». Более того, в отличие от творцов великих цивилизаций Древнего мира, кельты были фактически неграмотны и не умели писать на

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

своих языках; многие сведения о ранних формах их языков и учений мы черпаем из скудных источников, зачастую отмеченных печатью враждебного отношения к варварской культуре — например, названия кельтских племен, топонимы, имена племенных вождей можно часто встретить на страницах сочинений античных писателей. Топонимы говорят сами за себя: они фиксированны и постоянны. Имена племенных вождей и названия племен мы находим также на кельтских монетах, дающих нам определенное представление о торговых связях, о внутреннем хозяйстве и политике; по памятникам эпиграфики мы узнаем классические формы имен кельтских божеств и имена самих составителей надписей. Кроме этих лингвистических фрагментов, в нашем распоряжении имеется ограниченное количество полных предложений на галльском языке,

Рис. 1. Кельтская надпись «Корисиос», сделанная греческим алфавитом, на мете, найденном в числе других предметов в старом русле реки в Порте, Швейцария

которые мы обнаруживаем в некоторых надписях (рис. 1). Однако от раннего периода кельтской истории до нас не дошло ни последовательных списков королей, ни мифологических легенд, которые были занесены на бумагу ирландскими писцами только в христианскую эпоху, ни изощренных хвалебных поэм, посвященных королям и вождям, которые, как мы знаем, читались в жилищах аристократов, ни списков имен кельтских божеств, ни описаний деятельности жрецов и проведения ритуалов. Таким образом, первый аспект проблемы заключается в том, что мы имеем дело с раздробленным варварским обществом, а

не с великой централизованной древней цивилизацией, и, хотя мы знаем, что кельтам нельзя отказать ни в образованности, ни в культурности (по крайней мере, мы можем утверждать, что они были способны без труда усваивать различные культурные влияния), факт состоит в том, что их образование было далеким от того, что мы обычно подразумеваем под этим словом. Их культура также по большей части напрямую недоступна исследователям. Ее можно изучать и по достоинству оценить только с помощью разнообразных косвенных методов.

Второй аспект этой проблемы состоит в том, что в отличие от других древних цивилизаций кельтские народы сохранили свою самобытность до наших дней; мы не можем сказать о кельтском обществе, что в определенный момент и в определенном регионе оно прекратило свое существование. На архаических кельтских языках никогда не прекращали говорить на Британских островах и в Бретани, и они все еще остаются живыми разговорными языками для жителей некоторых областей Шотландии, Бретани, Уэльса и Ирландии. В этих областях сохранились многочисленные особенности прежней социальной структуры, сказанное относится и к кельтской устной традиции, фольклору и суевериям. В некоторых случаях и в некоторых местах отдельные аспекты древнего образа жизни не исчезли до сих пор, например, среди крестьян западных берегов Шотландии и Ирландии. В Уэльсе, где кельтский язык сохранил достаточно сильные позиции по сравнению с другими кельтскими странами, мы наблюдаем иную картину, и ее рассмотрение выходит за рамки этой книги. Именно благодаря этому замечательному обстоятельству консервации определенных аспектов жизни и структуры кельтского общества мы можем позволить себе предпринять попытку решить поставленную перед нами задачу и раскрыть некоторые черты повседневной жизни кельтов в Европе и на Британских островах в языческую эпоху.

Так как мы должны ограничить наше исследование определенными временными рамками, нам представляется наиболее разумным принять за нижний предел 500 год н. э., то есть время, когда христианство в полной мере охватило территорию Ирландии и всего кельтского мира. Но мы не должны забывать о том, что большая часть литературных свидетельств, из которых мы в основном черпаем наши сведения о прошлом кельтов, была записана в Ирландии в постязыческий период и под эгидой Христианской Церкви, и, хотя подобная временная разделительная линия и представляется удобным подспорьем, из-за впечатляющей непрерывности развития и устойчивости многих аспектов кельтского общества в сущности она является лишь условностью.

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

Кто же такие кельты, повседневную жизнь какого народа мы собираемся подвергнуть рассмотрению? Слово «кельт» обладает чрезвычайно различными коннотациями. Разные люди понимают его по-разному. Для лингвиста кельтами являются люди, говорившие и до сих пор говорящие на языках большой древности, происходящих от индоевропейского праязыка. Отделившись от первоначального источника, общекельтского языка, возникли две отличные друг от друга группы кельтских языков. Когда произошло это разделение, нам не известно. Одной из этих групп филологи дали название Q-кельтской или «гойдельской»; она называется Q-кельтской, так как сохранила изначальный индоевропейский звук *qu* (как *q*, позднее перешедшее в *k*, но писавшееся как *c*). На языке этой ветви говорило и писало население Ирландии; позднее этот язык проник в Шотландию вместе с ирландскими поселенцами, прибывшими из Дал Риады в конце V века н. э. На этом же языке говорили жители острова Мэн (сейчас этот язык почти исчез). Следы языка, относящегося к этой группе, обнаруживаются и на континенте, но нам очень мало известно о сфере его распространения. Вторая группа известна под названием P-кельтская или «бриттская»; первоначальный индоевропейский звук *qu* перешел в языках этой группы в *p*; таким образом, в гойдельской группе мы находим слово *sepp* «голова», в то время как в бриттской оно принимает форму *repp*. Эта ветвь получила широкое распространение на континенте и получила название «галльской» или «галлобриттской»; в Британию она проникла вместе с поселенцами, прибывшими на острова с континента в эпоху Железного века, и приобрела форму «бриттского» языка. На этом языке говорили в Британии на протяжении всего римского периода, позднее из него выделились корнийский (ныне исчезнувший, несмотря на непрекращающиеся усилия возродить его), валлийский и бретонский языки.

Для археологов кельты — это народ, опознаваемый как таковой по отличительным признакам материальной культуры и известный под этим именем античным

писателям. Сегодняшние кельтские националисты вкладывают в это название и другое значение, но это не имеет никакого отношения к нашему исследованию.

Итак, мы начнем с того, что попытаемся определить, каковы основания для идентификации кельтского племени, учитывая широту территории, которую занимали кельты, и их долгую историю; а так как у самих кельтов не осталось никаких исторических источников, записанных до принятия христианства, или легенд о происхождении, повествующих о самом раннем периоде их истории, мы вынуждены привлекать свидетельства иного рода. Самым ранним и, возможно, самым надежным, хотя и чрезвычайно ограниченным, источником информации представляются археологические данные. Некоторые подробности по поводу относительно более поздней эпохи мы можем извлечь из исторических комментариев греков и римлян, писавших про кельтские нравы и обычаи. Со сведениями античных писателей можно сопоставлять данные, зафиксированные в ранней ирландской письменной традиции. Эти данные помогут нам до некоторой степени оживить картину и привнести больше человечности в тот скупой круг данных, который может предоставить археология.

Хотя некоторые места находок самых ранних кельтских материалов — места, по названиям которых получили свои имена две главные фазы кельтской культуры, — чрезвычайно интересны сами по себе, археологическим открытиям в этой области не сопутствовали никакие драматические обстоятельства, а личности археологов благодаря своим открытиям не стали выдающимися персонажами мировой истории. Начнем с того, что кельты не были открыты в XIX веке, когда на свет были извлечены первые археологические свидетельства жизни и деятельности этого общества, использовавшего железо. Слово «кельт» стало использоваться для обозначения кельтоязычных народов еще в XVI и XVII веках и вошло в обращение благодаря пионерским работам лингвистов Джорджа Бьюкена (1506–1582) и Эдуарда Ллойда (1660–1709). В романтических спекуляциях XVII и XVIII веков кельты с их жрецами-друидами завоевали популярность,

превосходившую популярность других «примитивных» народов, таких как англосаксы или ранние германцы. Такие любители древностей, как Джон Обри, писавший в XVII веке, и Уильям Стакли (XVIII век), а также многие другие писатели с увлечением обогащали и расцветчивали игрой воображения те незначительные крупинки достоверных сведений, которые на тот момент были известны науке о кельтах и об их языческом прошлом, которое в глазах романистов приобретало особый интерес. Тем самым они в каком-то смысле способствовали популяризации кельтов, а образованная аудитория Европы и Британских островов составила себе смутное, идеализированное и в высшей степени романтическое представление об этом народе с его друидами и увлекательными, хотя и непривычными, религиозными обычаями.

Археология кельтского мира

Чтобы получить достоверную и реалистическую картину характера и происхождения древнейших кельтских народов — народов, которых мы можем считать кельтами в том смысле, в котором мы понимаем этот термин, — необходимо начать с краткого обзора археологии древнего кельтского мира; ибо археология является нашим единственным проводником в том, что касается древнейшего периода, когда еще не существовало никаких письменных источников, хотя сведения, которые она может дать, носят очень ограниченный и подчас двусмысленный характер. Археологи открыли две главные фазы в развитии раннего кельтского общества; они дали им названия Галльштатт и Ла Тен по названиям мест крупных находок кельтского материала (рис. 2). Мы располагаем достаточно убедительными данными, говорящими о том, что непосредственные предшественники кельтов в Европе, использовавшие бронзу носители культуры полей погребальных урн, как их обычно называют, говорили на какой-то форме кельтского языка, однако кельтов, как мы знаем, все-таки следует связывать с периодом галльштаттской культуры, начало которой датируют примерно

и значение поздних изменений в материальном обиходе кельтских народов.

Местечко в Австрии близ Галльштатта, неподалеку от Зальцбурга в области Зальцкаммергут (рис. 3), расположено на западном берегу озера Галльштатт в суровой гористой местности. Археологическая культура не возникла внезапно в этом месте, ибо за ней стоит долгий период эволюции; однако в XIX веке именно здесь на свет было извлечено множество памятников древности, и потому название этого места было дано целой эпохе кельтской предыстории. Здесь были открыты древняя соляная шахта и огромное доисторическое кладбище. Очевидно, соль играла важнейшую роль в хозяйстве этого общества раннего Железного века и являлась главным фактором благосостояния местной аристократии. Здесь были раскопаны кое-какие предметы повседневного обихода, не только из числа погребальной и ритуальной утвари, но и более простые предметы, найденные в шахте. Они сохранились на протяжении многих веков благодаря исключительным

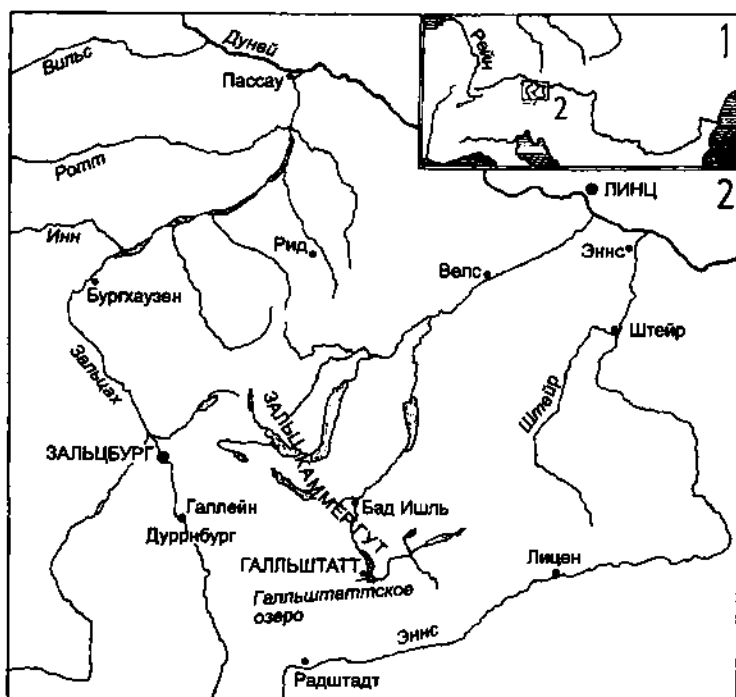

Рис. 3.
 Область
 Галльштатта,
 Австрия

700 годом до н. э. В эту эпоху, которая продолжалась примерно до 500 года до н. э., в Европе произошла важнейшая технологическая революция: у галлыштатских племен железо заменило бронзу в производстве оружия и других предметов. Естественно, бронза продолжала использоваться, и некоторые образцы кельтского ремесленного искусства изготовлены именно из этого материала. Однако железо, превосходившее бронзу по долговечности и иным качествам, дало своим открывателям неизбежные технологические и военные преимущества. Таким образом, именно в этот период в Европе появляется первый народ, материальная культура которого соответствует нашему определению термина «кельтский». Эта культура примерно к 500 году до н. э. претерпела различные изменения, и материал Ла Тена в совокупности с другими археологическими данными свидетельствует о наступлении новой фазы. Именно латенский мир наблюдал полное развитие и экспансию кельтской культуры, и потому именно этот период интересует нас в первую очередь. Тем не менее эпоха Галлыштатта дает нам представление о ранних предпосылках, обусловивших развитие кельтского общества, и мы должны бросить взгляд на его основные черты, чтобы лучше понимать природу

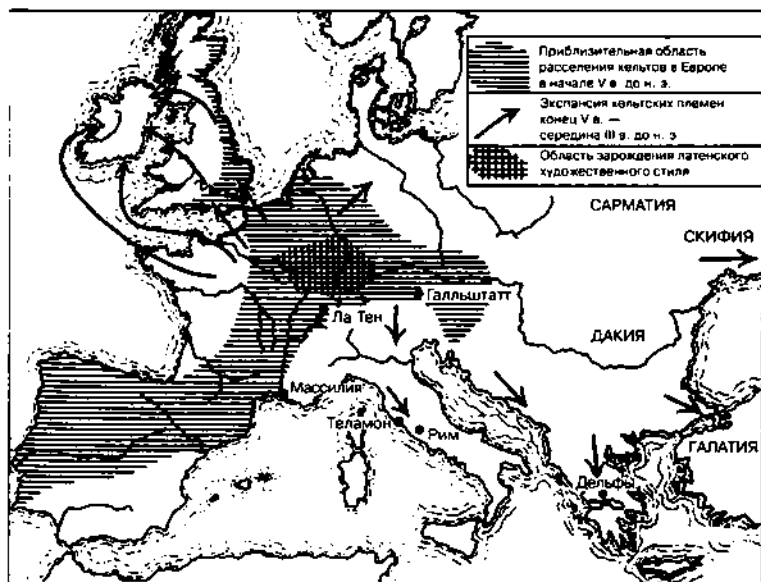

Рис. 2.
Область
распростра-
нения
кельтской
культуры
и основные
направления
экспансии

консервирующим свойствам соли. Их значимость сложно переоценить, так как они проливают свет на некоторые аспекты жизни простых рабочих. Считается, что огромное кладбище состоит примерно из 2500 могил, а тем фактом, что множество ценных объектов дошло до нас, мы обязаны интересу и бдительности начальника галльштаттской государственной шахты Георга Рамзауэра. Люббок, писавший в 1872 году, отмечает, что «г-н Рамзауэр, долгие годы занимавший должность начальника соляных шахт в Галльштатте, раскопал обширное кладбище... Он открыл не менее 980 могил». Можно представить себе, какой ущерб науке мог бы нанести менее добросовестный и не столь заинтересованный человек, как Рамзауэр, если бы он руководил работами в те времена, когда совершались эти великие открытия. В 1876 году Венская академия наук провела раскопки в том месте, где располагались рабочие участки соледобычи. Здесь, в дикой, пустынной и не приспособленной для земледелия местности, были обнаружены следы жилья и производства, а многочисленные предметы, завезенные со всей Европы, и общий уровень благосостояния, отраженный в богатой погребальной утвари, указывают на соляные шахты как на причину богатства погребений. Конечно, соль была чрезвычайно востребованным товаром, который можно было обменять на любые сокровища. Жак Нанкен в своем исследовании, посвященном соли в экономике доисторических времен, пишет об этом месте: «В галльштаттских соляных штольнях было найдено множество предметов, которые, как оказалось, имеют первостепенное значение для исследования повседневной жизни доисторического человека. Обнаружены фрагменты одежды, изготовленной из кожи, шерсти и льна, а также кожаные шапки, обувь и даже нечто вроде кожаных перчаток, которые шахтеры, вероятно, использовали для того, чтобы не натереть руки, спускаясь в штольни по веревкам. Нельзя не упомянуть об остатках пищи. Были найдены ячмень, просо, бобы, а также культурные виды яблок и вишни, фрагменты посуды, деревянные блюда, деревянные ложки и так далее. На поверхности неоднократно попадают следы деревянных хижин».

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

Предметы, найденные в галльштаттских могилах и завезенные извне, говорят о торговых связях с Этрурией и Грецией, а также с Римом еще в III веке до н. э. Большое впечатление производит высокое качество италийских металлических изделий; остальные предметы импорта происходят из областей современных Хорватии и Словении. Присутствие янтаря говорит о сообщении с северными странами. Возможно, мы имеем право говорить и о египетском влиянии. Кроме всех этих завозных предметов существовало и местное производство утвари и металлических орудий. Практиковались как похоронные, так и кремационные погребальные обряды. В 1907 году в Галльштатте провела раскопки герцогиня Мекленбургская, выдающаяся женщина, неустанно трудившаяся в качестве полевого археолога, подчас в спартанских условиях. Она обнаружила 26 могил и множество отдельных предметов. Герцогиня происходила из знатного австрийского рода, отличавшегося наследственным интересом к археологическим исследованиям. Она была страстным коллекционером, любителем археологических экспедиций и внесла неоценимый вклад в исследование галльштаттской культуры.

Таким образом, Галльштатт представлял собой поселение с процветающим производством, состоявшим в добыче соли, от которого зависело благосостояние общины. Огромное кладбище свидетельствует о преуспевании жителей. Обитатели Галльштатта использовали железо, и по названию этого необычайно богатого местечка эпоха раннего Железного века в Европе стала известна под именем «галльштаттский период». У нас нет никаких оснований предполагать, что носители галльштаттской культуры представляли собой чужеродный, пришлый элемент в Центральной Европе. Как явствует из всех полученных на данный момент данных, в сущности Галльштатт населяли древние туземные представители культуры полей погребальных урн (эпохи позднего Бронзового века); возможно, на определенном этапе к ним присоединились переселенцы из Ассирии и южнорусских степей, судя по особенностям конской упряжи. Однако основу составляло местное, причем кельтоязычное население. Как мы уже говорили,

вполне вероятно, что использовавшие бронзу предки этих галлыштаттских кельтов также говорили на какой-то форме кельтского языка; но это остается лишь предположением, потому что мы не располагаем письменными свидетельствами, которые могли бы подтвердить эту догадку. Впрочем, область распространения раннекельтской топонимики в некоторых европейских ареалах совпадает с областью обнаружения следов культуры полей погребальных урн до такой степени, что заставляет нас предположить, что между двумя этими явлениями существует определенная связь.

Захоронения галлыштаттских кельтов чрезвычайно своеобразны и, кажется, по крайней мере отчасти восходят к этрусской погребальной традиции. Тело, подвергнувшееся кремации или в естественном состоянии, располагалось под четырехколесной повозкой (рис. 4)

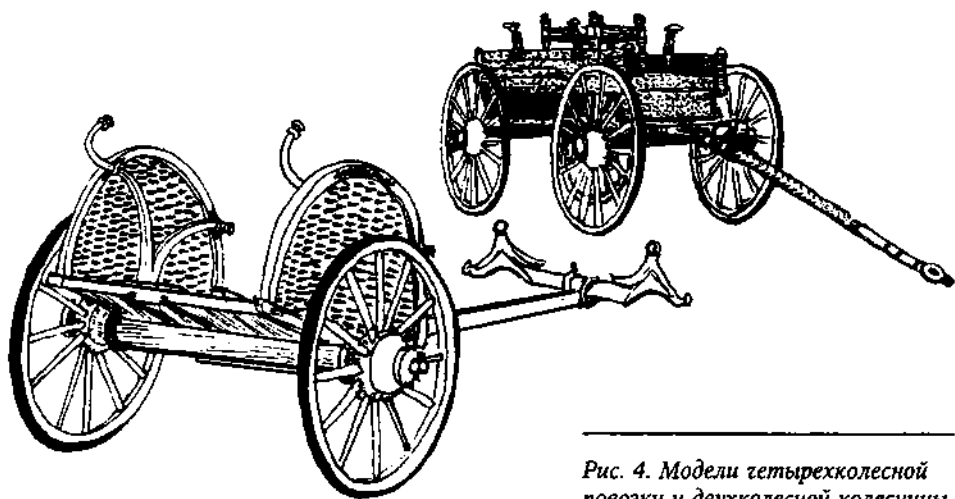

Рис. 4. Модели четырехколесной повозки и двухколесной колесницы

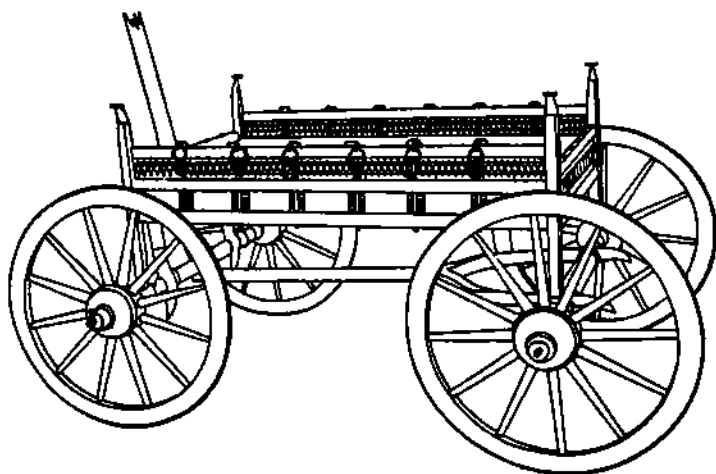
в деревянной камере, над которой насыпался могильный холм. Для постройки камеры обычно использовался дуб. В могилу помещалась конская упряжь, но каких-либо останков самих лошадей не обнаруживается, так что, вероятно, лошади не захоранивались с покойником. Человеческие скелеты, обнаруженные ранними

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

исследователями, не дошли до нас. Были обнаружены сосуды, железное оружие, личные украшения, такие как пряжки, браслеты, кольца и нашейные украшения, причем на многих из них были изображены символы, известные по поздней кельтской иконографии, такие как змея с головой барана и различные формы креста, символизирующего солнце. В могилах были найдены также ведра и останки от мясной пищи (преимущественно это была свинина), и все эти предметы еще раз свидетельствуют о благосостоянии галльштаттской общины, ее инновационной природе и ее новом поразительном художественном стиле. Мар говорит о Галльштатте следующее: «Очевидно, что эта цивилизация намного превосходит цивилизацию Бронзового века,

Рис. 5. Оненгейм
в Эльзасе.
Реконструкция
четырёхколёсной
повозки
из кургана
поздне-
галльштаттского
времени

которая именно с этих пор стала рассматриваться как прошедшая стадия развития человеческой культуры. Превосходство выражалось в художественном стиле и в совершенстве ремесленных изделий к чрезвычайному удивлению образованного мира». И далее: «Нам сегодня сложно осознать, насколько любители древностей того времени зависели от античной литературы в своих попытках разрешить проблемы, которые стояли перед ними. Для большинства из них те крупицы информации, которые, как им казалось, они могут извлечь из греческих и римских источников, являлись окончательным

и непререкаемым авторитетом, и в их сознание никогда не проникали мысли о том, что о своей истории могут рассказать сами не-греческие и не-римские свидетельства или что они вообще обладают хоть какой-то значимостью». Эти замечания очень кратко передают настроения, доминировавшие среди любителей древностей той эпохи, и показывают, в каком запаточном состоянии еще в конце XIX века находилось само понятие кельтской археологии и кельтской культуры, засвидетельствованной многочисленными археологическими памятниками. Итак, хотя и нельзя сказать, что кельтская цивилизация была *открыта* (если подразумевать под этим какое-то одномоментное событие, оказавшее сильное впечатление на современников), обнаружение археологических останков в Галльштатте и постепенное осознание их ценности для изучения европейской предыстории и истоков европейского Железного века дало толчок, возымевший существенное воздействие на европейскую археологическую науку.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению ранней стадии передвижений этих кельтских народов по обширным пространствам Европы и Британских островов, следует сказать еще несколько слов о второй фазе эволюции кельтской культуры. Она характеризуется находками кельтских изделий в Ла Тене (рис. 6) — местечке, по которому и назван этот период. Хотя количество обнаруженного материала и, возможно, сам характер местечка не производят столь глубокого впечатления, как раскопки в Галльштатте, на самом деле качество изделий и религиозные мотивы, вдохновлявшие их создателей, делают это второе открытие не менее поразительным и значимым, чем Галльштатт. В эпоху Железного века река Тьель впадала в Невшатальское озеро двумя потоками: через главное русло и дополнительный рукав. С прошествием времени уровень воды в озере поднялся и оба устья реки были затоплены. Когда приблизительно в 1858 году вода спала, из топкой грязи показались доски (рис. 7) и в ходе раскопок обнаружилось, что через самое узкое место дополнительного рукава было переброшено некое подобие моста (см. рис. 6). В округе было найдено

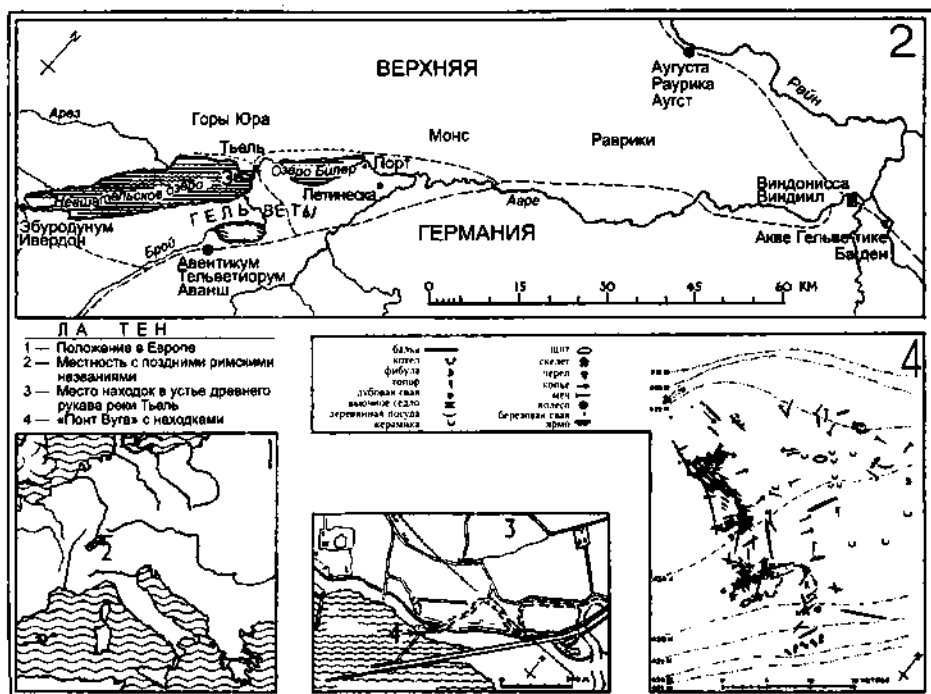

Рис. 6. Область Ла Тена, Швейцария

Рис. 7. Когда уровень воды в Невшатальском озере понизился, в районе Ла Тена обнаружили выступающие из грязи бревна

множество металлических и иных предметов, очевидно, брошенных в поток и посвященных какому-либо божеству или группе божеств в качестве благодарственной жертвы или умиротворяющих даров, в соответствии с кельтским обычаем. Этой находке были посвящены публикации Э. Дрезора в 1864 году и Ф. Шваба в 1866 году. Затем местность Ла Тена обследовал Э. Вуга, опубликовавший результаты своих исследований в 1885 году, а в 1923 году П. Вуга издал окончательный отчет.

Анализ предметов показал, что они определенно созданы кельтскими ремесленниками, но выявил также появление новых художественных стилей и культурных влияний. Были открыты захоронения в области Марны во Франции и в Рейнланде, полностью подтверждающие выводы, сделанные на основании латенских данных, и говорящие о том, что в создании этой второй, поздней фазы развития кельтской культуры, датируемой приблизительно 500 годом до н. э., принимали участие те же племена. Вероятно, центр власти сместился в западном направлении, а новые роды узурпировали права старых, более консервативных династий.

В самих захоронениях заметны инновации, самой характерной из которых является то обстоятельство, что тело располагалось не под старой четырехколесной галлыштаттской повозкой, а под легкой двухколесной боевой колесницей, в которую запрягались две лошади (см. рис. 4). Можно сказать, эта колесница представляла собой один из самых замечательных видов боевого снаряжения воинственных племен ранних кельтов.

В художественном стиле также заметны инновации, говорящие о воздействии укрепившихся торговых контактов с Этрурией, Средиземноморьем и окружающим миром вообще. Основание в 600 году до н. э. греческой торговой колонии Массилии (совр. Марсель) и последующее проникновение средиземноморского влияния в долину Роны явились мощным фактором, воздействовавшим на становление новой эпохи развития кельтской культуры. Начало ее относят приблизительно к 500 году до н. э., однако Мар совершенно справедливо отметил: «Само собой разумеется, что латенский период, как и предшествовавший ему период галлыштаттский,

Глава I

Происхождение
и ранняя
история
кельтов;
источники

вовсе не являлся хронологической единицей с четко очерченными границами, который начался и закончился во всех своих проявлениях и областях распространения в одно и то же время».

Очевидно, из завозных продуктов наибольшей популярностью у латенских кельтов пользовалось вино из Этрурии и Средиземноморья. Во многих могилах были найдены украшенные сосуды с вином (*oinoschoai*), наряду с железными подставками для дров, сосудами для питья и остатками свинины, свидетельствующие о вере в продолжение материальной жизни после смерти; запасы должны были обеспечить усопшему комфортное путешествие в Иной мир или же употреблялись по прибытии для устройства большого загробного пира, для которого, в соответствии с ранней ирландской традицией, варил пиво бог-кузнец Гоибниу. Кельтские представления о загробном мире были одновременно сенсуалистическими и материалистическими.

Переходя к рассмотрению ранних миграций кельтских народов, можно добавить, что первый народ, который мы можем с уверенностью назвать кельтским, составляли использующие железо обитатели Центральной Европы, которые, как мы видели, оставили впечатляющие следы своего пребывания в Галльштатте в Австрии и в иных европейских областях. По всей видимости, они происходят от туземных племен, использовавших бронзу, культура которых получила у археологов название культуры «североальпийских полей погребальных урн». Они вели захватнические войны и расселились по всей Европе. Их поселения появились в таких далеко отстоящих друг от друга областях, как Восточная Европа и к 450 году до н. э. южная и восточная части Британских островов. Рассматривая данные о ранних кельтских поселениях на Британских островах, мы должны понимать, что мнения исследователей о точной датировке и территории расселения подвержены постоянным переменам и, пытаясь набросать общую картину событий той эпохи, нужно быть готовым внести в нее необходимые изменения в свете продолжающихся изысканий в этой области.

На данный момент общая картина выглядит примерно следующим образом. Имеются следы народа

галлыштаттского происхождения в северо-восточной части Шотландии, датируемые примерно 600 годом до н. э. Вероятно, сюда пришли кельтские военные отряды, возможно, сопровождаемые женщинами, что и привело к присутствию в этой области кельтоязычного населения. Судя по всему, эти племена были связаны с очагами позднегаллыштаттской культуры в Северной Германии. Культурное влияние Галлыштатта проникло в Южную и Восточную Англию, вероятно, еще в VI в. до н. э. и характеризуется появлением техники обработки железа, в результате чего появилась возможность производить оружие и сельскохозяйственные орудия более высокого качества, которые способствовали более эффективному ведению войн и земледелия, что, в свою очередь, привело к полному превосходству в технологическом отношении поселенцев по отношению к использующему бронзу местному населению и обеспечило им быстрое овладение обширными территориями.

Начиная с самых ранних фаз заселения Британии, эти племена продвигались на север и на запад; тем не менее шотландский Лоуленд, по-видимому, был колонизирован кельтами лишь позднее. Приблизительно с IV в. до н. э. стала прибывать вторая волна кельтских переселенцев, хлынувшая в Йоркшир, в Сассекс и на южное побережье Англии. В нее входили представители латенской культуры. Именно они принесли с собой на Британские острова легкую двухколесную кельтскую боевую колесницу и впечатляющий латенский художественный стиль. Также они принесли воинственные героические идеалы, о которых мы еще будем говорить. Племена, поселившиеся в Йоркшире, по преимуществу занимались скотоводством, а угон скота, вероятно, составлял их основное развлечение и источник благосостояния. Художественные стили, которые они использовали, носят специфически островной характер и отличаются от своих пышных и ярких континентальных аналогов большей умеренностью и строгостью. Ранние ирландские саги полны рассказов об угонах скота и племенных междоусобицах, а также о насилии и жестокости, которые, по-видимому, были распространены в кельтском мире и которые, как мы

можем предположить, в той же мере характеризуют период британского Ла Тена, как и эпоху Ла Тена в Ирландии и на континенте.

Йоркширские кельты и кельтские племена, населявшие Юго-Западную Шотландию, переселялись в Ульстер и принесли туда не только свою материальную культуру; переселенцы принесли с собой в Северо-Восточную Ирландию и некоторые свои легенды.

Последнюю волну кельтских миграций на Британские острова составляли белги, обитавшие в Северо-Восточной Галлии. Археологические данные об их переселениях находят полное подтверждение в исторических свидетельствах. Они прибыли в Британию до 100 года до н. э. и расселились в Юго-Восточной Англии, установив в этих областях свой извод кельтской культуры и свои религиозные культы. Страбон выделяет белгов из общей массы кельтских племен:

«Из этих племен бельги, как говорят, самые храбрые. Они распадалась на 15 племен, живущих по океанскому побережью между Реном и Лигером. Поэтому только они одни могли оказать сопротивление вторжению германцев — кимбров и тевтонов. Среди самих бельгов, говорят, самыми храбрыми являются белловаки, а после них — суэссионы. Доказательство многочисленности их населения следующее: говорят, установлено путем расспросов, что прежде бельги могли выставить до 300 000 человек, способных носить оружие»*.

Воинственность этого народа ярче всего проявилась в их отношениях с римлянами, которые считали их самым упрямым и непреклонным народом как в Британии, так и в Галлии. По всей видимости, именно им Британия обязана своим первым знакомством с плугом. Кроме того, они принесли на острова эмальерное искусство и характерный извод латенского стиля. Белгская керамика также чрезвычайно своеобразна. Им же принадлежит заслуга введения монетной системы.

* Страбон, География IV, IV, 2 (М., 1963); пер. Г. А. Стратоновский. Далее — Страбон.

Они создавали поселения городского типа, которые на самом деле представляли собой настоящие города, такие как Веруламиум (Сент-Олбэнс), Каллева (Силчестер), Вента (Винчестер) и Камулодунум (Колчестер).

Еще сложнее обстоит дело с вопросом о появлении кельтов в Ирландии: отчасти сложности возникают из-за того, что богатству ранних местных текстов никоим образом не соответствуют археологические данные. Однако вполне возможно, что эта проблема обязана своим возникновением тому обстоятельству, что в Ирландии до последнего времени проводилось сравнительно мало критических археологических изысканий, а множество плохо проведенных раскопок не могло способствовать прояснению ситуации. Однако теперь такая работа ведется, и исследователи получают результаты, которые позволяют надеяться на то, что в будущем мы достигнем лучшего понимания этого вопроса. Как мы видели, Q-кельтский, или гойдельский, является формой языка, на которой говорит население Ирландии, гэльской Шотландии и, до недавних пор, острова Мэн. Это составляет серьезную проблему для ученых, занимающихся ранней историей кельтских народов. Нам до сих пор неизвестно, кто и откуда принес в Ирландию гойдельский язык. Мы даже не можем быть уверены в том, что этот вопрос вообще может быть разрешен. Также мы не можем сказать, каким образом бриттский язык аристократических колонизаторов Ульстера, прибывших из Йоркшира и Юго-Западной Шотландии, был полностью вытеснен гойдельским. Исследователи, занимавшиеся как филологическими, так и археологическими аспектами этой проблемы, выдвигали разнообразные гипотезы, но ни одна из них не представляется вполне убедительной. Может быть, следует предположить, что гойдельский язык был древнейшим из двух, возможно, даже языком галльштаттских кельтов; в таком случае в Ирландию его принесли с собой ранние колонизаторы приблизительно в VI веке до н. э. Можно спросить, не был ли он вытеснен кое-где бриттоязычными переселенцами, лучше оснащенными технологически и владевшими лучшей боевой техникой? На эти вопросы мы пока что не можем дать никакого ответа, но факт остается фактом: гойдельский доминировал

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

в Ирландии, несмотря на британские переселения, которые, как мы знаем, имели место в Ульстере непосредственно до наступления христианской эры. Возможно, совместными усилиями археология и филология когда-нибудь разрешат эти вопросы, но на данный момент феномен гойдельского языка остается загадочным и необъяснимым.

Возможно, галльштаттская культура проникла в Ирландию из Британии, но мы располагаем свидетельствами, говорящими о том, что она была занесена напрямую с континента, а ее носители переселились в Ирландию через Северо-Восточную Шотландию. Насколько мы можем судить о путях проникновения в Ирландию латенской культуры, по всей видимости, следует выделить два основных источника: один путь, как мы уже упоминали, лежал через Британию и использовался примерно в I веке до н. э. Племена, пришедшие на остров этим путем, расселились на северо-востоке, в Ульстере. Другой, более ранний путь шел напрямую с континента, а миграции, осуществлявшиеся таким способом, датируются приблизительно концом III — началом II века до н. э. Эта миграция привела переселенцев в Западную Ирландию. Подобные предположения подтверждаются не только данными археологических раскопок, но и ранней литературной традицией. В ней повествуется о зародившемся в незапамятные времена соперничестве между королевством Коннахт, располагавшимся на западе Ирландии, и королевством Ульстер на северо-востоке страны. Именно эта литературная традиция во многом помогает дополнить данные археологии и хотя бы отчасти осветить повседневную жизнь некоторых кельтских народов в языческую эпоху.

Античные свидетельства о кельтских племенах

Теперь мы рассмотрим другой источник информации о древних кельтах, а именно свидетельства античных писателей. Некоторые их замечания о передвижениях и переселениях кельтских племен носят отрывочный характер, другие отличаются большей полнотой.

Все эти источники следует использовать с осторожностью, но в целом они предоставляют много сведений, которые кажутся нам вполне достоверными, даже делая скидку на неизбежную предвзятость античных авторов по отношению к варварам. Первыми писателями, упоминавшими кельтов в своих произведениях, были греки. Гекатей писал примерно во второй половине VI века до н. э., а Геродот чуть позже, в V веке до н. э. Гекатей сообщает об основании греческой торговой колонии в Массилии, располагавшейся в области лигуров, неподалеку от страны кельтов. Геродот упоминает о кельтах и утверждает, что истоки реки Дунай находятся на их территории. Он рассказывает о широкомасштабном переселении кельтов на Иберийский полуостров, и мы на самом деле знаем о раннем кельтском заселении Испании и Португалии, амальгамированной культуре двух народов, по которой они получили наименование «кельтиберы»; и хотя Геродот неверно указывает географическое положение Дуная, помещая его на Иберийский полуостров, возможно, его утверждение основывается на традиции, связывавшей кельтов с истоками этой реки. Писавший в IV веке до н. э. Эфор отводит кельтам место среди четырех великих варварских народов; тремя другими он называет персов, скифов и ливийцев. Судя по этому взгляду, в то время кельты представлялись писателям самобытным и особенным народом. Неважно, насколько эфемерным было их политическое единство, — у них был единый язык и традиции, своеобразная материальная культура и близкородственные религиозные представления. Все эти отличительные интегральные признаки можно с легкостью различить, несмотря на неизбежное возникновение ареальных культурных сообществ, зародившихся в результате смешения кельтских традиций с традициями народов, занимавших обширные европейские просторы до начала кельтской экспансии.

Центральной единицей кельтской социальной организации являлось племя; у каждого племени было свое особое название, тогда как весь народ назывался кельты (*Celtae*). Название *Celtici* продолжало существовать в Юго-Западной Испании до римских времен; однако сейчас считается, что это название возникло благодаря

Глава I

Происхождение
и ранняя
история
кельтов;
источники

самим римлянам, которые узнали в местном населении Испании кельтов, опираясь на свое знакомство с галлами, и дали им имя *Celtici*. У нас нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что имя «кельты» использовалось для обозначения кельтских обитателей Британских островов в эпоху античности, и также мы не располагаем сведениями, что кельтоязычные жители этих областей называли себя этим собирательным именем, хотя это вполне возможно. Греческая форма названия, *Keltói*, происходит из устной традиции самих кельтов. Имеются две другие формы названия кельтского народа: галлы, как называли их римляне, и галаты, как они обычно именуются в произведениях греческих писателей. Таким образом, мы имеем две греческие формы названия, *Keltói* и *Galatae*, и равнозначные римские формы: кельты и галлы. На самом деле Цезарь отмечает, что галлы называли себя кельтами, и кажется ясным, что именно этим именем они обозначали себя как народ в отличие от особых племенных названий. Цизальпинская Галлия — это имя, данное области к югу от Альп римлянами, назвавшими область за Альпами Трансальпинской Галлией. Около 400 года до н. э. кельтские племена, возглавляемые инсубрами, хлынули в Северную Италию из Швейцарии и Южной Германии. Они разграбили Этрурию и проникли на Апеннинский полуостров до Медиоланума (совр. Милан). Их примеру последовали другие племена, и состоялось широкомасштабное заселение кельтами северной части Италии. За воинами, стремившимися к завоеванию, следовали их семьи и слуги, которые везли скarb в тяжелых громоздких повозках. Любопытные параллели можно найти в отрывке из ирландской эпической повести «Похищение быка из Куальнге»:

И снова двинулось войско в поход. Нелегкий это был путь для воинов, ибо множество всякого люда, семей и сородичей двигалось с ними, дабы не пришлось им расставаться и каждый мог видеть своих родных, друзей и близких» (Похищение, с. 133).

Отряды хорошо обученных воинов совершали далекие набеги, используя в качестве плацдарма эти

новозавоеванные территории. В 390 году до н. э. галлы предприняли успешное нападение на Рим. В 279 году галаты под предводительством своего вождя (или, более вероятно, божества) Бренна напали на Дельфы. До этого они проникли в Македонию, ведомые Бренном и Болгием (вероятно, обоих следует считать скорее богами, чем военными вождями), и попытались поселиться там. Греки оказали этим попыткам стойкое сопротивление. Кельты потерпели поражение под Дельфами, но остались на Балканах. Три племени переправились в Малую Азию и после ряда столкновений осели в Северной Фригии; эта область стала известна под названием Галатии. Там располагалось святилище, именуемое Друнеметон «дубовая роща»; у галатов были также укрепления на холмах, и они долгое время сохраняли свою самобытность. Знаменитое послание апостола Павла адресовано именно этим жителям Галатии; и в случае, если археология Галатии будет лучше исследована, мы можем получить весьма интересные данные об эволюции кельтской культуры в этой области, удаленной от остального кельтского мира.

Сегодня, говоря о кельтах на Британских островах, мы склонны рассматривать их как кельтоязычные народы на периферии западной части Европы, живущие в Бретани, в Уэльсе, Ирландии и гэльской Шотландии, а также на острове Мэн. Однако мы не должны забывать о том, что для археологов кельты — это народ, культура которого охватывает огромные пространства и временные эпохи. Более того, у восточноевропейских археологов кельты, обитавшие в восточных областях, вызывают такой же живой интерес, какой у нас вызывают лучше известные нам западные кельты. Следует провести гораздо больше археологических изысканий во всех древних кельтских областях, прежде чем мы почувствуем, что картина становится хоть сколько-нибудь полной. Не стоит забывать и о лингвистических исследованиях, особенно в важнейшей сфере ономастики (топонимики).

Возвращаясь к ранней истории кельтов, отраженной в произведениях античных писателей, мы можем отметить, что земли Цизальпинской Галлии начали утрачиваться кельтами еще в 225 году до н. э.; начало

Глава I

Происхождение и ранняя история кельтов; источники

этому процессу положило сокрушительное поражение мощного галльского войска у Теламона. В числе неудачников оказались и знаменитые гесаты, «копьеносцы», галльские солдаты-наемники, нанимавшиеся на службу к любому племени или союзу племен, нуждавшихся в их услугах. Эти отряды имеют некоторые черты сходства с ирландскими фениями, отрядами воинов, живших за пределами племенной системы и странствовавших по стране, проводя время в войне и охоте, под предводительством своего легендарного вождя Финна, сына Кумала. Гесатов живо описывает римский писатель Полибий в своем отчете о Теламонской битве. (Его заметкам о внешнем облике кельтов мы уделим внимание во второй главе.) Он рассказывает, что кельтские племена, принимавшие участие в сражении, инсубры и бойи, носили штаны и плащи, но гесаты сражались обнаженными. При первой схватке римский консул Гай был убит и обезглавлен в соответствии с кельтским обычаем. Затем кельты попали в ловушку между двумя римскими армиями и, несмотря на исключительную храбрость и стойкость, потерпели тяжелое поражение. С этого поражения началось отступление кельтов из Цизальпинской Галлии; в 192 году до н. э. римляне, нанеся поражение боям в их крепости на месте современной Болоньи, достигли окончательного господства над всей Цизальпинской Галлией. С тех пор та же история повторялась повсюду; мы наблюдаем постепенное сокращение области, подвластной независимым кельтским племенам, по мере того как наступала и расширялась Римская империя. К I веку до н. э. Галлия, к тому времени единственная независимая кельтская страна на континенте, была включена в состав Римской империи благодаря походам Гая Юлия Цезаря, начавшимся в 58 году до н. э. Чтобы завершить покорение страны, ему потребовалось семь лет, и после этого начался быстрый процесс ее романизации.

Язык местного населения и его религиозные традиции продолжали свое существование, но, оказавшись под эгидой Рима, они претерпевали различные изменения, адаптируясь к римским представлениям. Латинский язык широко использовался привилегированными

классами. Кельтские жрецы, друиды, утратили свое бы-
лое значение, но, скорее всего, это произошло не толь-
ко из-за того, что жреческое сословие представляло
собой угрозу для римского политического господства,
но и из-за жестоких религиозных обрядов, вероятно,
оскорблявших утонченный вкус римлян — челове-
ческие жертвоприношения давно исчезли в римском ми-
ре. Многие наши сведения о кельтской жизни и рели-
гии, как в Галлии, так и в Британии, следует интерпре-
тировать с особой осторожностью из-за очевидного
римского влияния. Местные религиозные культы так-
же следует очищать от античных напластований. Впро-
чем, эта задача представляется отнюдь не легкой, а в
некоторых случаях, по-видимому, и неразрешимой. Тем
не менее мы располагаем достаточным объемом ин-
формации и сравнительным материалом, позволяющи-
ми набросать вполне достоверный очерк повседневной
жизни кельтов в Римской Галлии и Британии. Распро-
странение христианства произвело в кельтских странах
огромные перемены. То же можно сказать и об оконча-
тельном завоевании Римской империи варварскими
ордами, хлынувшими из Северной Европы. После это-
го, исключая Ирландию, мы имеем дело с умираю-
щим кельтским миром, а оставшиеся кельтоязычными
области впоследствии охватил процесс кельтского воз-
рождения, рассмотрение которого выходит за рамки
этой книги.

Вернемся к Британским островам. Письменные ис-
точники предоставляют в наше распоряжение не так
много сведений об истории кельтов на островах, го-
раздо меньше, чем об истории континентальных кель-
тов. Сообщение Цезаря о переселении белгов в Юго-
Восточную Британию является первым подлинно исто-
рическим свидетельством о кельтских миграциях на
Британские острова. Однако мы располагаем еще па-
рой памятников не-археологического характера. В по-
эме *Ora Maritima*, написанной в IV веке н. э. Руфом
Фестом Авиеном, сохранились отрывки марсельского
навигационного руководства, известные под названием
Massiliote Periplus. Они датируются приблизительно
600 годом до н. э. и повествуют о мореплавании. Мо-
ряки вышли из Массилии и плыли по восточному

побережью Испании до города Тартессы, вероятно, располагавшегося поблизости от устья Гвадалquivира. В этом рассказе содержатся упоминания об обитателях двух больших островов, Иерне и Альбиона, то есть Ирландии и Британии, торговавших с жителями современной Бретани. Эти слова представляют собой греческие формы названий, сохранившихся у кельтов-гойделов, а именно древнеирландских слов Эриу и Альбу. Это — индоевропейские слова, скорее всего, кельтского происхождения. Кроме того, в нашем распоряжении оказалось описание путешествия Пифея Массильского, состоявшегося примерно в 325 году до н. э., в котором Британия и Ирландия именуются *pretannikaë*, «Претанские острова». Скорее всего, это также кельтское слово. Туземные жители именуются *Pritani* или *Priteni*. Название *Pretani* появляется в валлийском языке в форме *Prydain* и, по-видимому, в расширительном смысле относилось ко всей Британии; оно было неправильно понято, и Цезарь использует его для обозначения Британских островов. Эти названия использовали поздние географы, и из их сообщений явствует, что под Претанскими островами на самом деле следует понимать Иерне и Альбион.

Рим и христианизация

После того как Британские острова захлестнули последовательные волны кельтских переселений, которые мы уже обсуждали, следующим важнейшим событием в истории ранней Британии явилось, конечно же, ее включение в состав Римской империи. Юлий Цезарь побывал в Британии в 55 и еще раз в 54 году до н. э. Наконец, в 43 году н. э. к окончательному покорению южных областей приступил император Клавдий, и с тех пор история Британии представляет собой историю римской экспансии, военного завоевания, римского гражданского правления и романизации аристократии крупнейших туземных племен. Общий ход событий на Британских островах следует рассматривать в том же свете, что и в Галлии, хотя протекавшие здесь процессы не носили столь сложного и масштабного характера;

местные языки сохранились, хотя латынь использовалась аристократией, как и в Галлии. Изучались римские обычаи, по средиземноморским образцам строились города и возводились каменные храмы, основанные на античных моделях, в которых одновременно почитались боги обеих традиций. По-видимому, местный элемент постепенно начал вновь заявлять о себе, и к IV веку н. э. мы находим свидетельства возрождения интереса к местным религиозным культам: включая возведение нескольких замечательных храмов, посвященных кельтским божествам, таких как храм Нодонса в Лидни-Парке в эстуарии Северна и храм в Мейден-Касле (Дорсет), посвященный неизвестному божеству, в котором было обнаружено бронзовое изображение быка с тремя богинями на спине. Все эти сооружения восходят к укреплениям на холмах эпохи Железного века. Усиливало свои позиции и христианство, оказывавшее существенное воздействие на представления местного общества.

Таков общий фон, который мы должны учитывать, если хотим лучше представлять себе повседневную жизнь кельтов; как мы уже отмечали, определенные вариации неизбежны при столь длительном временном периоде, начавшемся примерно с 700 года до н. э. и закончившемся приблизительно в 500 году н. э. Мы видели, как за промежуток времени, протекший между сочинениями Геродота и Юлия Цезаря, удача этого непоседливого народа взмыла до заоблачных высот и обрушилась в глубочайшую бездну. Их язык, с двумя своими главными ответвлениями, в одной или другой форме объединял всех представителей кельтского мира; столь же одинаковыми были и их религиозные представления. Самобытность или «государственность» кельтов, если мы можем использовать это слово по отношению к народу, незнакомому со строгой централизованной политической властью, выделяла их из череды других племен и позволяла однозначно идентифицировать кельтов их более ученым и образованным соседям. И отчасти благодаря наблюдениям этих соседей мы можем узнать, какие черты кельтского образа жизни больше всего бросались в глаза стороннему наблюдателю, а иные источники информации позволяют

Глава I
Происхождение
и ранняя
история
кельтов;
источники

нам еще немного дополнить эту картину. Теперь мы попытаемся рассмотреть более частные аспекты повседневной жизни этих языческих кельтских племен; мы хотим рассказать об их литературе и религиозных представлениях, о законах, которые управляли их бытом. Мы хотим рассказать о подлинной структуре их общества, их внешнем облике и одежде, которая в глазах античных писателей выделяла их среди других народов. Античные авторы говорят, что кельты были одним из четырех варварских народов известного им мира — что они имели в виду, как мы можем проверить это и насколько мы можем полагаться на наши источники? На последующих страницах мы попытаемся ответить по крайней мере на некоторые из этих вопросов.

Глава II

**СТРУКТУРА
ОБЩЕСТВА;
ВНЕШНИЙ ОБЛИК
И ПЛАТЬЕ**

3-ЗА КРАЙНЕ ОБШИРНОЙ ТЕРРИТОРИИ, которую кельты занимали в Европе и на Британских островах, из-за чрезвычайно долгих периодов времени, видевших взлет и падение кельтской культуры, а также из-за фрагментарной и разнородной природы сведений об их привычках и обычаях при рассмотрении их повседневной жизни мы вынуждены прибегать к определенным обобщениям. Конечно, в некоторых областях кельты по необходимости были более отсталыми, чем их сородичи в других регионах, где благодаря более стабильным контактам с другими народами и их культурными и технологическими идеями они стали на более прогрессивный путь развития. Племена, живущие вдоль оживленных торговых путей, имели доступ к новшествам, неизвестным тем кельтам, которые обитали в географически и культурно изолированных регионах или находившихся в постоянном соприкосновении с жестокими варварскими народами. Изоляция неизбежно ведет к большей консервативности и воинственности. Должно быть, у островных кельтов всегда были культурные особенности, отличавшие их от континентальных сородичей. Например, кельтское искусство, как только оно появилось на Британских островах, немедленно выработало свой особый стиль, и все же по сути осталось кельтским, сохранив фундаментальные черты, роднившие его с континентальными

стилями. Сходным образом кельтские племена, поселившись на Британских островах, выработали свой особый и самобытный островной характер и внесли существенные изменения в традиционную культуру, вместе с тем не утратив кельтского самосознания. Географические и экономические факторы играют жизненно важную роль в социальной эволюции, и кельт, живущий на берегах Средиземного моря, должен до некоторой степени отличаться от своего сородича, обитающего в болотах Ирландии или в трясинах Йоркшира, и пользоваться совершенно другой пищей, одеждой и жилищными условиями. Но хотя географическое распределение и чужеземные обычаи могли затронуть какие-то внешние стороны кельтской жизни, кельтская личность столь сильна и индивидуальна, а кельтский характер столь самобытен, что все эти люди, в каком регионе бы они ни обитали, сохраняли отличительные кельтские черты.

Картина повседневной жизни ранних кельтов, которую мы собираемся вкратце очертить, представляется нам наиболее достоверной и основывается на сообщениях античных писателей, данных археологии и свидетельствах местной литературы Ирландии и в меньшей степени — Уэльса. Местные литературные традиции повествуют об островных кельтах, но предоставляемые ими сведения замечательным образом согласуются с данными, известными нам из других источников. Хотя в ирландских текстах описывается мир, который уже был очень архаичным ко времени их первой фиксации (их первоначальную форму нельзя датировать временем ранее VIII века н. э.), живучесть и сила устной традиции в кельтском обществе, в котором информация передавалась изустно специализированным классом носителей традиции, была таковой, что, когда местная традиция наконец была занесена на бумагу под эгидой Христианской Церкви, она содержала воспоминания о более архаичном мире, которые можно считать вполне правдоподобными и достоверными. Таким образом, учитывая региональные и временные различия и детали, обусловленные индивидуальной племенной модой или предпочтением (узкие или широкие штаны; локоны или заплетенные черные

волосы и т. д.), следующая глава представляет попытку описания некоторых фундаментальных аспектов кельтского сообщества во времена его наивысшего расцвета.

Структура общества

В основном структура кельтского общества, должно быть, была одинаковой во всем кельтском языческом мире. Заметки о ней оставили античные писатели; особенно много можно почерпнуть из ирландских правоведческих трактатов, которые описывают общество, структура которого аналогична той, о которой писали античные писатели. Археологические данные по мере возможности подкрепляют сведения письменных источников; то есть они могут засвидетельствовать его аристократическую природу. Из этих разнообразных источников мы узнаем, что верхнюю ступень социальной лестницы занимал король — ко времени завоевания Галлии Цезарем система королевской власти в ведущих племенах почти полностью уступила место правлению аристократии. За королем шли представители высшей знати, обладавшие огромной властью. В этот класс входили и жрецы, сословие которых в Галлии всегда пополнялось из числа местной аристократии, и вероятно, такое же положение дел существовало и в Ирландии. За ними шли незнатные свободные общинники, такие как крестьяне, владевшие землей и собственностью. В тот же класс входили и искуснейшие ремесленники. Особым уважением пользовался кузнец, который занимал в раннем кельтском обществе высокое положение; считалось, что его ремесло имеет отношение к сверхъестественным силам, а бог-кузнец также играл важнейшую роль в обществе кельтских богов. Таковы были три главных подразделения кельтского общества; остальное население состояло из несвободных членов общества, не имевших права голоса. Им не позволялось ни носить оружия, ни владеть землей, ни собственностью. Это сословие обладало чуть более высоким статусом, чем рабы, и состояло из семей, оказавшихся в тяжелом положении, представителей завоеванных народов и так далее. То, что этот низший класс

раннего кельтского общества в действительности напоминал рабов, подтверждается Цезарем, который по ходу повествования касается общественного устройства кельтов в целом и пишет:

«Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатым, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания... Они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах, — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в священное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся вся тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам... Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими; они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей... Другой класс — это всадники. Они все выступают

в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше держит он при себе слуг и клиентов. В этом одном они видят свое влияние и могущество»*.

Страбон также свидетельствует о высоком общественном положении друидов и бардов (или ватов):

У всех галльских племен, вообще говоря, существует три группы людей, которых особенно почитают: барды, предсказатели и друиды. Барды — певцы и поэты, предсказатели ведают священными обрядами и изучают природу, друиды же вдобавок к изучению природы занимаются также и этикой» (Страбон, IV, IV, 2, 4).

Это античное отображение структуры кельтского общества разительно схоже с тем, каким оно предстает перед нами в ранних ирландских сагах и правоведческих трактатах, вплоть до мельчайших подробностей. Оно напоминает также шотландское гэльское общество, сохранявшее свои особенности вплоть до XVIII века, в котором клан занял место племени. Во главе его стоял вождь, занимая положение чуть выше своих наиболее благородных родичей, а остальные члены клана должны были хранить ему верность, зависели от него и сражались за него в мелких схватках и крупных междоусобицах. Таким образом, у каждого племени в языческих кельтских областях был свой король, а его власть и авторитет определялись размерами земель, которыми он правил, численностью племени и количеством клиентов; следом за ним шли благородные свободные члены племени, жрецы и провидцы. Как мы видели, Цезарь упоминает этот обычай и называет его фундаментальной чертой кельтского общества. Клиентела является общим местом в ранних ирландских законах, описывается в сагах и известна в Ирландии под

* Записки Юлия Цезаря, М., 1962, VI, 13–15; пер. М. М. Покровский. Далее — Цезарь.

названием *céilsine*. Суть этого понятия состояла в том, что свободный человек становился клиентом или вассалом другого, более влиятельного свободного человека. Договоренность могла быть заключена на определенный срок по соглашению между двумя сторонами. Таким образом, знатные люди становились еще более богатыми и могущественными в соответствии с количеством их клиентов, так как клиент занимал у господина определенный капитал и выплачивал его с процентами. Как и в случае шотландского клана, клиент сражался за своего господина и сопровождал его на общих собраниях. В свою очередь, господин защищал своего клиента от опасностей и заботился о его благосостоянии. Таким образом, свободный человек мог стать могущественным господином, и не обязательно по праву своего благородного происхождения, а по количеству клиентов, которыми он располагал. Кельтский обычай клиентства комментирует Афиней, который говорит: «Кельтов даже на войне (как и в мирное время) сопровождают спутники, которых они называют прихлебателями».

Другой в высшей степени типичной чертой кельтского общества является институт воспитанничества; он опять-таки сохранялся в гэльской Шотландии до XVIII века в форме общепризнанного социального института. Нижестоящая знать обычно отсылала своих детей в дома более могущественных господ, у которых они жили и воспитывались; там они обучались началам военного дела и всем остальным вещам, которые должен был знать благородный человек. Конечно же, это придавало господину дополнительную власть над клиентом, так как в его распоряжение попадали сыновья подчиненного. В ранней ирландской традиции связь между приемными родителями и приемным ребенком изображается чрезвычайно тесной и неразрывной, а связь между молочными братьями обладает почти что священной природой. Этот обычай воспитанничества подразумевает Цезарь:

В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше

достижения ими совершеннолетия или воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце» (Цезарь, VI, 18).

Воспитанник возвращался к своим родителям только тогда, когда его обучение было завершено, и, таким образом, до этого времени не мог сопровождать отца в обществе. Девочки также отсылались на воспитание, где они учились шить и вышивать; мальчиков учили плавать, ездить верхом, пользоваться пращей и играть в такие игры, как фидхелл и брандуб. Размеры платы, которую получали приемные родители, зависели от ранга воспитанника. В Ирландии мальчики возвращались в родной дом, когда им исполнилось 17 лет, а девочки — в 14. Воспитанники были обязаны помогать своим приемным родителям в старости. Между детьми, воспитывавшимися в одном доме в одно время, устанавливались очень тесные связи, что хорошо видно в саге «Похищение быка из Куальнге» и некоторых других повестях. Фер Диад, один из главных героев этого эпического сказания, вынужден вступить в поединок со своим молочным братом Кухулином; этот трагический момент становится подлинной кульминацией эпоса и наглядно демонстрирует силу связей между молочными братьями в древности. Фер Диада обманом вынуждает против его воли сразиться с Кухулином великая королева Медб.

Сейчас же послали гонцов и посыльных к Фер Диаду, но тот отказал им, отверг и не принял. Не пошел с ними Фер Диад, ибо знал, чего хотят от него ирландцы — боя-сражения с Кухулином, другом любимым, товарищем, названным братом. Вот отчего не пошел он за ними. Тогда отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды заклинали его, да возвели на лицо Фер Диада три порчи — позора, стыда и поношения, что, откажись он идти, сулили гибель немедля иль в девять дней срока. Последовал за ними Фер Диад, не желая поступиться честью, ибо смерть

от копья боевого искусства, геройства и силы считал достойней, чем гибель от жала заклатья, упрека, позора» (Похищение, с. 235).

Цепи воспитанничества были могущественными, но сатира была для кельта еще более невыносимой угрозой.

В языческой Ирландии друид также занимал высокую ступень в общественной иерархии; никто, включая короля, не мог сказать ни слова, прежде чем не высказается друид. Главным друидом Конхобара, сына Несс, короля Ульстера, был могущественный Катбад; он был и отцом короля. В ранних текстах друиды выступают в роли скорее провидцев и прорицателей, чем жрецов. Впрочем, причиной этого служило нежелание христианских писцов включать в переписываемые повести прямые указания на подлинно языческие религиозные обряды, хотя на самом деле некоторые их следы можно отыскать. Даже возница был свободным человеком, а его отношения с воином, которому он служил, были особенно теплыми. Лаэг обладает большим влиянием на Кухулина, и его мудрое вмешательство много раз выручало обоих из беды.

Такова была структура кельтского общества в языческую эпоху, на фоне которой проявлялись все остальные аспекты повседневной жизни, которые мы рассмотрим в дальнейшем: религия, ученость, домашний обиход, законы, военное дело. Все наши данные относятся по большей части к свободным сословиям; другие классы упоминаются очень редко: ими не интересовались ни античные писатели, ни рассказчики саг, ни позднее археологи, так как низшие слои обладали незначительным количеством предметов личной собственности, которые могли бы выдержать испытание временем. Цезарь дает совершенно справедливую оценку их положению, говоря, что они были немногим лучше рабов. Вероятно, Диодор Сицилийский не преувеличивает, когда пишет о кельтах: «Плывя по судоходным рекам Галлии или двигаясь в повозках по равнинам, они [купцы] привозят вино и продают его по невероятно высокой цене: за глиняный сосуд с вином берут отрока, получая таким образом за напиток слугу» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая

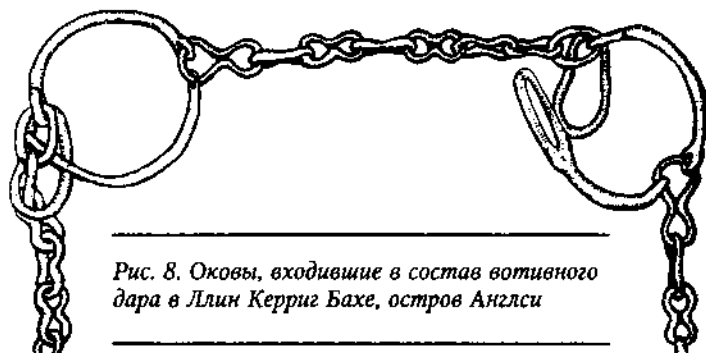

Рис. 8. Оковы, входившие в состав votивного дара в Ллин Керриг Бахе, остров Англси

мифология. М., 2000, V, 26. Далее — Диодор.). Рабство и широкий размах работоторговли, о котором мы можем судить по этим словам, подтверждается также находками рабских цепей и цепей для партий рабов среди кельтских религиозных приношений, таких как клады из Ла Тена или Ллин Керриг Баха на острове Англси (рис. 8).

Внешний облик

На взгляд средиземноморских наблюдателей, кельты были чрезвычайно своеобразным народом. Это говорит о том, что их внешний облик и их одежда отличались от античных и потому бросались в глаза. На самом деле, мы можем составить представление о том, как выглядели кельты, и оценить их собственные стандарты красоты по данным из различных источников информации. Описывая сначала внешность, а затем платье кельтов, античные авторы достаточно подробно останавливаются на этом вопросе. В значительной мере подкрепляют достоверность этих описаний опять-таки ранние ирландские тексты. Ясно, что даже для чуждого мира Средиземноморья с его отличными стандартами внешнего вида кельты, как мужчины, так и женщины, были красивым народом. Диодор Сицилийский рассказывает, что некоторые кельты носили короткую бороду, а другие сбривали ее: «Бороду некоторые бреют, а некоторые оставляют ее расти до определенной величины. Знатные мужчины выбривают щеки,

Рис. 9.
Изображение воина
на кельтской монете

а усы оставляют, чтобы те закрывали губы...» (Диодор, V, 28). Эти заметки подтверждаются античными изображениями кельтов и местной религиозной иконографией. Диодор говорит об их волосах, и ирландские источники вновь подкрепляют данное им описание: «...волосы [у них] русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще больше с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их ото лба к макушке и шее, напоминая, таким образом, видом своим сатиров и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы» (Диодор V, 28).

В ирландских сагах мы постоянно встречаем упоминания о том, что представители аристократии имеют светлые волосы, овальные лица и светлую кожу. Страбон говорит об «очень влажной и белой» коже галлов — вероятно, сильно отличавшейся от темной кожи средиземноморских народов — и их статном телосложении. Мужчины, так же как и женщины, носили длинные волосы, и в ранних сагах мы находим живописные отрывки, посвященные описанию причесок различных героев. Например, из эпического сказания «Похищение быка из Куальнге» мы узнаем, что «длинными золотистыми прядями падали волосы тех, кто пришел с третьим войском» (Похищение, с. 126), участвовавшим в войне с уладами (жителями Ульстера) на стороне королевы Медб,

что подтверждает слова античных писателей, сообщавших о том, что волосы кельтов — длинные и желтые.

В подтверждение этого факта можно привести множество примеров, заимствованных из кельтской литературной традиции. В «Похищении» говорится, что у главного героя саги Кухулина были темные волосы, выделявшие его на фоне типично кельтского светловолосого типа, но на самом деле они были трехцветными: темные у корней, коричневые посередине и светлые на концах; очевидно, речь идет о крашенных волосах. Про них говорится, что они были столь жесткими, что на каждую прядь можно было насадить яблоко.

Словно ветви боярышника, которыми заделывают дыру в изгороди, свились волосы на голове юноши. Если бы клонящуюся под тяжестью плодов благородную яблоню потрясли над его головой, ни одно яблоко не упало бы наземь, наколовшись на его грозно топорщащиеся волосы» (Похищение, с. 220–221).

Конечно же, это описание относится к боевому искажению героя, которому он подвергался, когда от него требовалось свершить великие подвиги, требующие напряжения всех сил и воинского искусства, а не к его повседневному облику. Это напоминает кельтские монеты, на которых изображена колесница, управляемая яростным воином с развевающимися волосами, в своем облике он воплощает неистовство и нечеловеческий боевой пыл (рис. 10). В другом месте, когда к Кухулину возвращается его обычная красота, а его героические детские деяния подходят к концу, он умиротворен, вымыт, и одет, и тщательно причесан, и садится рядом со своим дядей королем Конхобаром. Описание таково: «Пятьдесят прядей волос лежали между его ушами, все светло-желтые, словно верхушки берез или сияние на солнце заколок из бледного золота. Пышная копна волос на его голове, прекрасная и светлая, словно вылизанная коровой». Далее его волосы описываются так: «Трех цветов были его волосы — черные у кожи, кроваво-красные посередине, а сверху, словно корона, были они золотые. Чудно лежали они тремя кольцами у затылка, и будто золотая нить был каждый из этих волос, золотистых, прекрасных, невиданно дивных цветов, что длинными прядями падали сзади на плечи» (Похищение, с. 223).

Несмотря на то обстоятельство, что многие описания противоречат друг другу и зачастую носят очевидно формульный характер, — как в шотландских гэльских традиционных любовных песнях, где девушка имеет густые каштановые волосы, а в припеве постоянно

Рис. 10. Изображение воина в пылу сражения на кельтской монете

говорится о «моей златовласой девушке» (*nighean bhuidhe bhán*), — они лишний раз подчеркивают особое отношение кельтов к волосам и их особое место в «идеале» кельтской красоты. Постоянные упоминания об изысканной прическе и укладке волос, несмотря на все несомненные преувеличения, подтверждают наблюдения античных писателей, отмечавших суетность кельтов и их внимание к своей прическе. Мужчины, так же как и женщины, заплетали волосы, и это иллюстрируют некоторые образцы кельтской религиозной иконографии. Шлемов почти не носили, вероятнее всего, потому, что они скрывали и портили прическу, стоившую многих усилий своему обладателю. Женщины носили длинные волосы, и женская красота всегда ставится в прямую зависимость от длины локонов и цвета волос. Они могли быть завиты и заплетены причудливым образом, часто схвачены гребнями, а концы двух кос скреплялись золотыми или серебряными украшениями. В «Похищении быка из Куальнге» встречается впечатляющее описание волос провидицы Федельм, когда она посещает королеву Коннахта Медб: «Три пряди золотистых волос девушки были уложены вокруг головы, а четвертая вилась по спине до икр» (Похищение, с. 127). Возможно, ближайшую иконографическую параллель к словесным описаниям длинных и изящно завитых волос ирландских воинов можно найти в религиозных скульптурах Юго-Западной Англии. Примером тому могут служить находки в Глостершире и Уилтшире. Здесь была найдена группа рельефов местных божеств, одетых в короткие юбообразные туники, с оружием, с длинными завивающимися волосами, обычно лишенными какого-либо защитного головного убора.

Таким образом, в идеал кельтской красоты обычно, но не всегда входили светлые, густые и искусно причесанные волосы. Конечно, среди кельтской знати должны были встречаться брюнеты, и не один Кухулин был темноволосым. Однако некоторые отрывки, по всей видимости, свидетельствуют о том, что он считался чужаком, пришельцем в ульстерском обществе; а его красота была общепризнанной даже несмотря на то, что она отличалась от обычных стандартов. Однако

темноволосы и другие герои, из-за этого пользовавшиеся не меньшим уважением у своих соратников. В «Похищении быка из Куальнге» приводятся описания различных боевых отрядов, и в одном из этих описаний можно прочесть следующее:

Пришло и еще одно войско к холму в Слемайн Миде, — сказал Мак Рот, — широкая шея, могучее тело у воина, что шел во главе тех бойцов. У него темные, коротко стриженные волосы и зловещее багровое лицо, на котором светились серые глаза...». «Знаешь ли ты его?» — спросил Айлиль Фергуса. «Воистину да, — отвечал тот, — он разжигатель раздора, всезатопляющая бурная волна, человек трех кличей, море, рвущееся через преграды, Мунремур, сын Герркинда, из Модорна, что на севере» (Похищение, с. 303–304).

*Рис. 11. Голова швейцарского кельта
(Приллы, Швейцария).
Работа римского художника*

В данном случае перед нами — отнюдь не изображение высокого, стройного, длинноволосого светлого воина, воплощающего кельтский идеальный тип, но все равно этот воин вызывает страх и почтение. Итак, хотя кельтский идеал красоты нашел воплощение в образе высокого, светловолосого воителя, в столь сложном обществе, занимавшем весьма обширную территорию, должна была существовать сильная смесь различных расовых типов. Маленький темный кельт народной традиции на самом деле, как мы видели, воплощается в полубоге Кухулине. Светловолосому идеалу, возможно, соответствовала лишь определенная часть аристократии. Низший класс, должно быть, состоял из представителей самых разнообразных расовых типов.

Кельтские мужчины тщательно следили за своей фигурой. Тучность считалась постыдной. Страбон пишет: «Своеобразным является и следующее сообщение: они стараются не разжиреть и не стать толстобрюхими, и юноша, который превышает по размерам норму — меру пояса, подвергается наказанию» (Страбон IV, IV, 5). Телесная сила кельтов описывается античными наблюдателями на примере белгов. Страбон также пишет: «Галльское оружие соответствует их высокому росту» (Страбон IV, IV, 3). Не обходят писатели вниманием и их вспыльчивые и устрашающие манеры. Диодор Сицилийский говорит: «Внешность у галлов устрашающая, голос — громкий и очень грубый...» (Диодор V, 31). О кельтских женщинах он пишет: «Женщины у галлов не только почти равны мужчинам ростом, но и могут соперничать с ними в силе» (Диодор, V, 32). Аммиан Марцеллин, римский писатель, больше рассказывает о кельтском телосложении и внешнем облике, и вновь подчеркивает высоту и статность галлов:

 Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно

когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил»*.

Королева иценов Боудикка также подробно описывается римским писателем Дионом Кассием, который сообщает: «Она была широка костью, с устрашающей внешностью и грубым голосом. Огромная масса ярких рыжих волос ниспадала до колен...». Все эти описания, заимствованные как из античных, так и из местных источников, свидетельствуют о том, что основная масса кельтов как в Галлии, так и на Британских островах, состояла из высоких, светлокожих, светло- и рыжеволосых людей с голубыми глазами, обладавших мощным телосложением, лицами, «широкими вверху и узкими внизу» (античные скульптурные изображения также подтверждают эти данные), а также показывают, что они действительно тщательно следили за своим внешним видом. Они прилагали все усилия, чтобы украшать себя узорами и искусственным способом удлинять свои и без того длинные и густые волосы. В ирландской саге, повествующей об изгнании сыновей Уснеха (в одной из самых ранних версий, датируемой приблизительно VIII веком н. э.), Дейдре жалуется: «Я не крашу ногти на руках», подразумевая, что ее печаль столь велика, что она уже не обращает внимания на увеличение своей привлекательности. Ирландские женщины красили брови в черный цвет соком ягод и румянили щеки с помощью травы *piat*. Использование косметики кельтскими женщинами засвидетельствовано и на континенте; римский поэт Проперций высмеивает свою

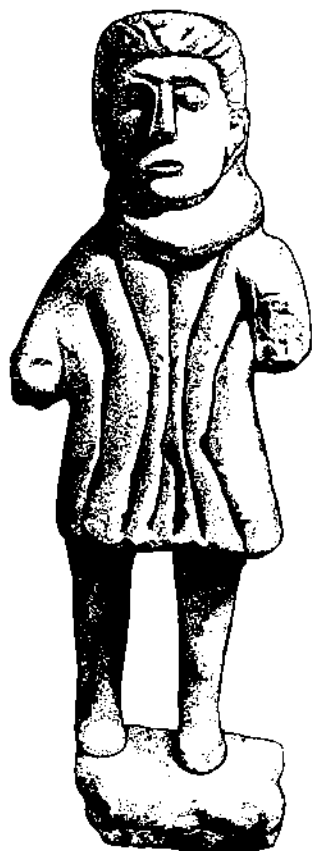

Рис. 12. Галл в домашней одежде. Галльско-римская работа II в. н. э. из Аппуаны. Известия

* Перевод по изданию: Аммиан Марцеллин, Римская история, СПб 1994; пер. Ю. А. Кулаковский, А. И. Сонни.

любовницу, говоря, что она красится, как кельты. Похоже, кельты обращали особое внимание на личную гигиену. В отличие от жителей Средиземноморья, они использовали мыло и воду. Опять-таки, судя по ирландским сказаниям, они использовали масло и душистые травы для умщения тела. Археологи извлекли на свет множество искусно сделанных зеркал и бритв, которые употреблялись аристократией и упоминаются в наших текстах. Их чистоплотность отмечается Афинеем, который пишет: «они разделяют трапезу чисто-плотно, но по-львиному, поднимая обеими руками целые конечности и отрывая мясо зубами». Каждый, кто наблюдал невероятное искусство и утонченность, с которой современные гэлы в Шотландии едят соленую селедку пальцами, по достоинству оценит замечание Афинейя.

Из всех источников информации о раннем кельтском аристократическом обществе вырисовывается образ высоких, сильных телом мужчин и женщин со светлыми или рыжими волосами, серо-голубыми глазами, светлой кожей, овальными лицами и хорошим цветом лица. Плодовитость кельтских женщин особо отмечается античными писателями. Говоря о кельтских племенах, Страбон сообщает: «Я уже сказал о числе гельветов и арвернов и их союзников; из всего этого становится очевидной многочисленность их населения, а также то, о чем я упомянул выше: исключительная способность женщин рожать и воспитывать детей» (Страбон IV, IV, 3). Диодор Сицилийский делает странное замечание, когда говорит о галльских женщинах: «Дети же у них в большинстве случаев седые от рождения, однако с возрастом цвет их волос меняется, становясь таким, как у отцов» (Диодор, V, 32).

Везде подчеркивается густота волос этих людей, их носили распущенными или заплетенными, в соответствии с личными предпочтениями, и схваченными гребнями и другими украшениями. Мужчины могли чисто бриться, могли носить усы или бороду с усами, и раздвоенная или иными способами уложенная борода, описанная в сагах, подтверждается аналогами в местной иконографии.

Сведения, которыми мы располагаем об одежде кельтов, о которой рассказывают как античные писатели, так и ирландские сказания, показывают, что кельты на самом деле имели чрезвычайно своеобразную внешность и платье, которые отличали их, на взгляд античных наблюдателей, от соседних некельтских племен — и это несмотря на неизбежные различия как во времени, так и в пространстве.

Мужчины предпочитали носить штаны, и это производило особенное впечатление на обитателей Средиземноморья, носивших тогу. Штаны никогда не являлись частью античного одеяния, а узкие штаны были заимствованы римлянами для одежды конницы, что вовсе неудивительно в свете того, что одни из лучших конных частей Римской империи набирались из кельтов. Страбон говорит: «Хотя все галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы, и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени» (Страбон IV, IV, 2). Обычай носить штаны возник благодаря контактам с кочевыми народами, такими как скифские и иранские всадники. Штаны (*bracae*) носили галль-штаттские вожди. Очень короткие штаны, достигающие лишь до колен, составляют часть одежды воинов на котле из Гундеструпа (см. рис. 33); узкие штаны мы видим и на искусной бронзовой фигурке из Неви-ан-Сюлли, изображающей музыканта (рис. 13). По всей видимости, штаны были неизвестны ирландской аристократии, хотя слуги их носили. Самые ранние источники довольно подробно описывают одежду ирландцев: по-видимому, она состояла из льняной рубахи, доходившей до колен и перехваченной в талии поясом. Рубахи часто украшались каймой и вышивкой. У континентальных кельтов ремни и пояса украшались золотым или бронзовым орнаментом; несомненно, так же обстояло дело и с ирландскими поясами. Поверх рубахи кельты носили плащ, и это была самая важная часть одежды как

Рис. 13. Музыкальный инструмент, который держала в руках бронзовая фигурка музыканта из Неви-ан-Сюлли (Луара, Франция), не сохранился

Глава II
Структура
общества;
внешний
облик
и платье

в Европе, так и на Британских островах, обладавшая одновременно и функциональным, и социальным значением (рис. 14). Длина и богатство плаща, по-видимому, указывали на социальный статус его обладателя. Эту одежду носили как мужчины, так и женщины. В «Похищении быка из Куальнге» говорится, что провидица Фейделъм при встрече с Медб, королевой Коннахта, надела плащ. Это зеленый плащ с многочисленными разводами, напоминающий античные описания галльских плащей, полосатых и разноцветных. Плащ закреплялся золотой или серебряной фибулой. Летом носили плащ из легкой шерсти, зимой — из тяжелой. Дион Кассий рассказывает о внешнем облике бриттской королевы Боудикки следующее: «Она носила большое золотое ожерелье и пеструю тунику, на которую надевала толстый плащ, заколотый брошью».

Рис. 14. Фигуры в плащах на барельефе в Хаустедсе, Нортумберленд

Видимо, плащи и представляли собой то «тяжеловесное» одеяние, о котором упоминают античные писатели. Кельтские плащи пользовались большим успехом: в римские времена эти одеяния, сделанные в Галлии и в Британии, облагались высокими налогами и восхвалялись вплоть до наступления Средних веков. Высокое качество и известность, которой пользовались плащи, говорят о процветании овцеводства в кельтских странах; «саги» (шерстяные плащи) ввозились в Италию из Галлии, и об этой торговле рассказывает Страбон, который также сообщает о ввозе из Галлии в Рим и Италию соленой свинины. Кельтские плащи представляли собой прямоугольный отрез ткани, без рукавов и капюшонов. В ранних текстах говорится, что у плащей ирландских королей было пять складок. Очевидно, ирландские плащи, как и галльские, раскрашивались в яркие цвета и изобиловали богатыми украшениями. В «Похищении быка из Куальнге» мы находим множество отрывков, посвященных описанию одежды и внешнего облика представителей раннеирландской знати, как женщин, так и мужчин, а в древних законах содержатся любопытные сведения об окраске одежды и ткацком искусстве. Вот описание провидицы Фейдельм при ее встрече с королевой Медб: «Девушка ткала бахрому, держа в правой руке станок из светлой бронзы с семью золотыми полосками на концах».

Таким образом, на рубеже христианской эпохи обычное одеяние свободного ирландца состояло, по видимому, из короткой льняной рубахи и длинного шерстяного плаща, скрепленного брошью, а его размер и богатство украшений определяли социальный статус и ранг владельца.

Для украшения использовались колокольчики, а знатные люди носили множество дорогих безделушек. Страбон замечает:

«Вдобавок к простодушию и храбрости у них еще много глупости и хвастовства, а также страсти к украшению, ибо они не только носят золотые украшения — ожерелья вокруг шеи и браслеты на руках и запястьях, но и сановники носят разноцветную расшитую золотом одежду. В силу такой душевной

пустоты они нестерпимы как победители и выглядят совершенно растерянными, потерпев поражение» (Страбон IV, IV, 5).

Археологические данные полностью подтверждают сообщения античных писателей о любви кельтов к личным украшениям. При раскопках было найдено множество фибул (рис. 15, 16), колец, браслетов, ожерелий и изящных металлических поясов.

Среди других предметов одежды в ирландских источниках упоминается короткий кожаный плащ, который, по-видимому, предпочитали носить возницы.

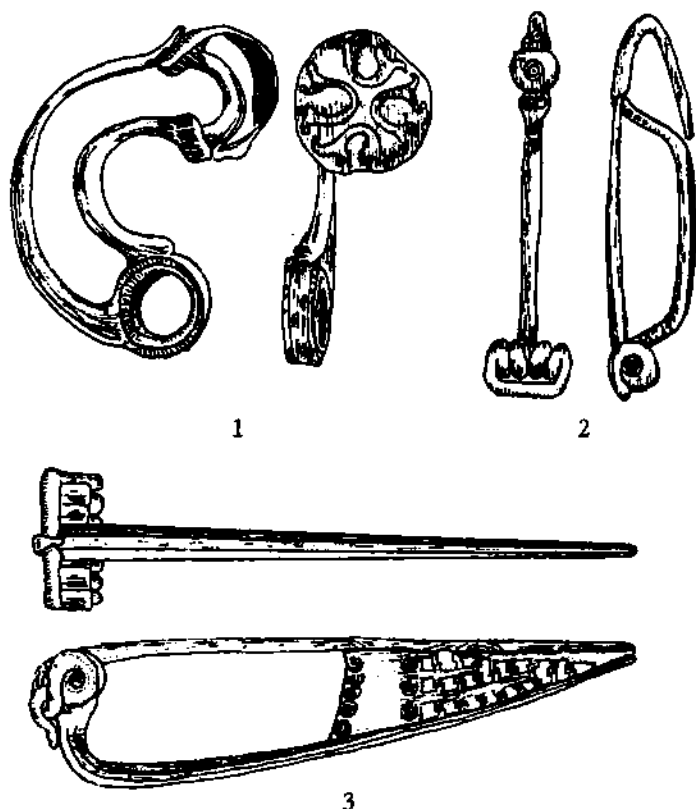

Рис. 15. Фибулы:

1 — Бекли, Оксфордшир; 2 — Колд-Китен-Хилл, Уилтшир; 3 — Дил, Кент

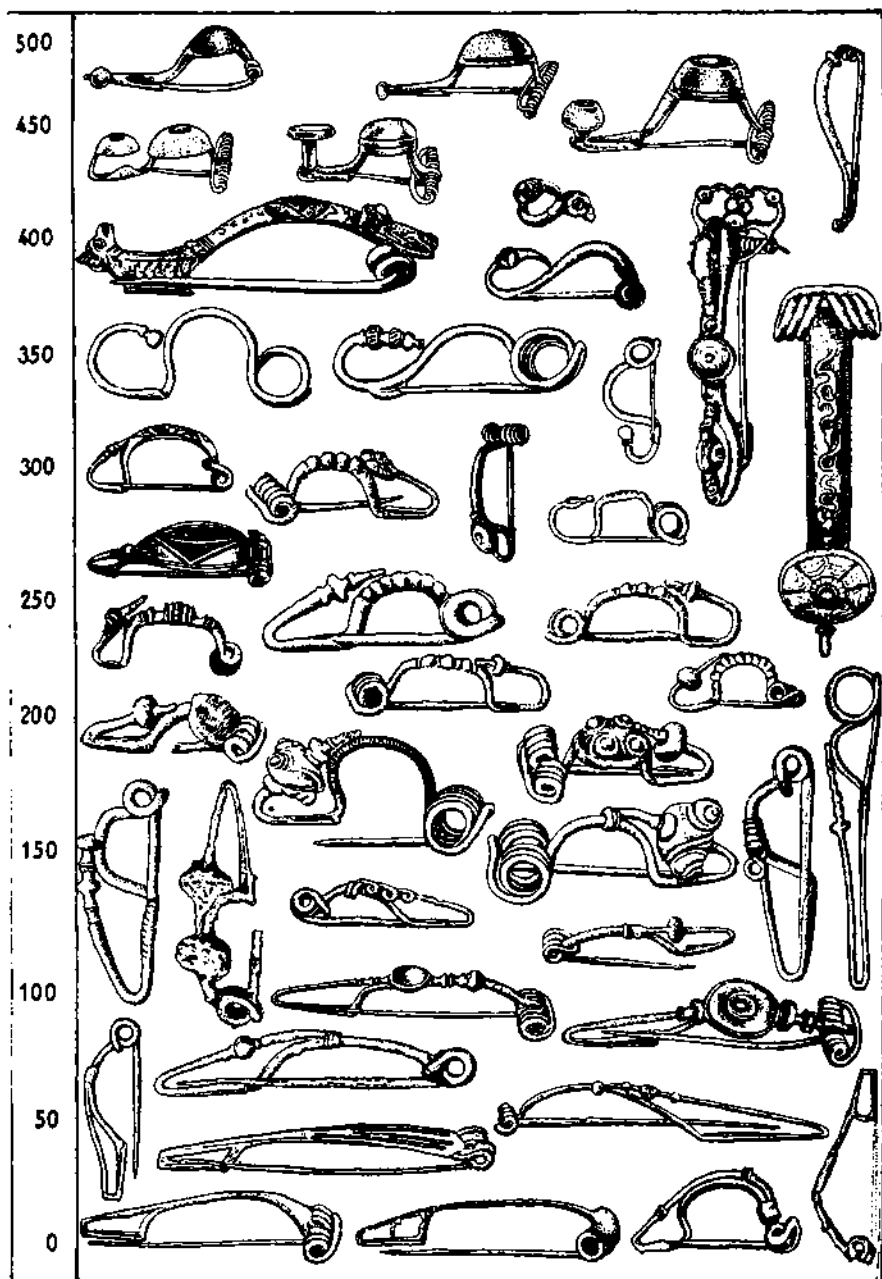

Рис. 16. Развитие фибулы в латенское время. Фибула как популярное украшение является чувствительным хронологическим показателем, и потому по ее форме часто можно датировать и другие археологические находки

В «Похищении быка из Куальнге» приводится красное описание одежды Лазга, возницы Куху:

«Вышел тут Лазг и облачился в геройское одеяние возницы. Вот каково было это геройское одеяние возницы: рубаша воздушная, тонкая, легкая, что ботана дивно из шкуры оленя и не стесняла движения рук. Черный, словно вороново крыло, плащ дел Лазг поверх рубахи... В гребенчатый шлем облачился возница, четырехугольный с металлическими пластинами, что, меняя оттенки и облик, спускался ниже середины плеч*. Был украшением тот шлем никак не помехой» (Похищение, с. 217–218).

С одной стороны, это описание чудесного шлема возницы, спускавшегося до лопаток, можно рассматривать как чистый вымысел образованного ирландца: с другой стороны, мы не можем не принять во внимание изображения воинских шлемов, обнаруживаемые, например, в галльских каменных изваяниях; одно из них, найденное в Сент-Анастаси (Гар), представляет собой бюст воина, носящего огромный шлем, достигающий плеч и украшенный различными символами (рис. 17

Рис. 17.
Изображение
человека в шлеме
из Сент-Анастаси,
Гар, Франция

Другой бюст воина был обнаружен в Грезане (Гар) (рис. 18); его шлем очень похож на шлем из Сент-Анастаси. На изображении сидящего воина из Энтремона

* Курсив автора.

В «Похищении быка из Куальнге» приводится прекрасное описание одежды Лаэга, возницы Кухулина:

«Вышел тут Лаэг и облачился в геройское одеяние возницы. Вот каково было это геройское одеяние возницы: рубаха воздушная, тонкая, легкая, что сработана дивно из шкуры оленя и не стесняла движения рук. Черный, словно вороново крыло, плащ надел Лаэг поверх рубахи... В гребенчатый шлем облачился возница, четырехугольный с металлическими пластинами, что, меняя оттенки и облик, спускался ниже середины плег*. Был украшением тот шлем, а никак не помехой» (Похищение, с. 217–218).

С одной стороны, это описание чудесного шлема возницы, спускавшегося до лопаток, можно рассматривать как чистый вымысел образованного ирландца; с другой стороны, мы не можем не принять во внимание изображения воинских шлемов, обнаруживаемые, например, в галльских каменных изваяниях; одно из них, найденное в Сент-Анастаси (Гар), представляет собой бюст воина, носящего огромный шлем, достигающий до плеч и украшенный различными символами (рис. 17).

Рис. 17.
Изображение
человека в шлеме
из Сент-Анастаси,
Гар, Франция

Другой бюст воина был обнаружен в Грезане (Гар) (рис. 18); его шлем очень похож на шлем из Сент-Анастаси. На изображении сидящего воина из Энтремона

* Курсив автора.

можно видеть узкую куртку, по-видимому, из свиной кожи с короткими рукавами, которые «не стесняли движения рук». Эти археологические свидетельства говорят о том, что приведенное выше описание могло быть и не измышлением писцов, а основываться на передававшихся изустно воспоминаниях о платье языческих кельтских племен.

Рис. 18. Бюст воина из Грезана, Гар, Франция

Кельты носили кожаные башмаки и сандалии, а иногда льняные башмаки с кожаными подошвами; известно также, что у кельтов были деревянные сандалии. В текстах содержатся частые упоминания о рубахах с капюшоном и туниках. Напротив, головные уборы, по-видимому, не пользовались популярностью за ненадобностью, так как в большинстве случаев их заменяли искусные прически. Когда ирландцы решительными средствами охлаждают боевой пыл молодого Кухулина и к нему возвращается его обычный, повседневный облик, его причесывают и одевают, и он вновь становится спокойным, прекрасным юношей: «Пышная копна волос на его голове, прекрасная и светлая, будто вылизанная коровой. На плечах его зеленый плащ и

рубаха золотой нити» (Похищение, с. 173). Диодор Сицилийский как будто описывает рубаху Кухулина, когда сообщает:

Таким образом они добывают большое количество золота, которое носят в виде украшений не только женщины, но и мужчины. На запястьях и на предплечьях они носят браслеты, на шее — толстые кольца из чистого золота, а кроме того, носят большие перстни и золотые панцири» (Диодор, V, 27).

В античных источниках мы находим описания галльской одежды, чрезвычайно напоминающие одеяние ирландцев. Единственное отличие состоит в том, что галлы носили штаны с рубахой навывпуск. Страбон пишет, что некоторые галлы носили рубахи с рукавами. Изображенные на латенских ножнах люди, играющие с колесом, одеты в особые рубахи, похожие на современные куртки (рис. 19). Фигуры на серебряном котле из Гундеструпа, судя по всему, носят одеяние, состоящее из одного куска ткани и сделанное из полосатой вязаной материи с вырезом, длинными узкими рукавами и штанами, которые доходят до колен и перехвачены поясами. Судя по всему, обычно галлы

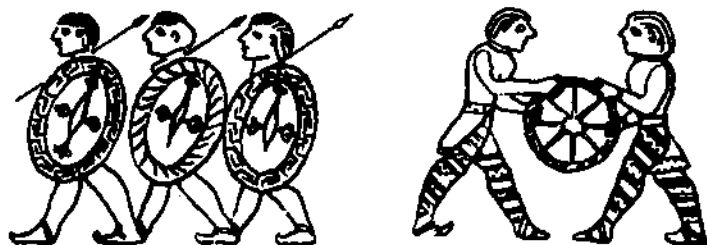
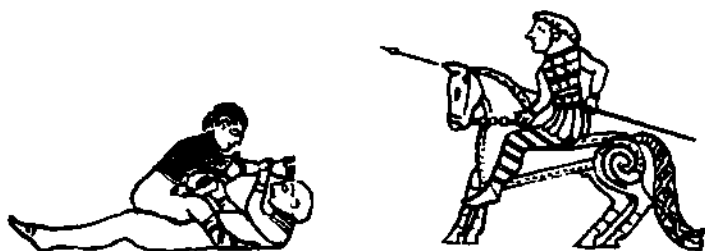

Рис. 19. Фигуры, выгравированные на бронзовых ножнах, найденных в захоронении в Галльштатте, Австрия

предпочитали короткие рубахи, но, очевидно, длина и форма одежды были подвержены веяниям моды в зависимости от места и времени. На бронзовом изображении бога из Безансона, сходном с изображениями Кернунноса, мы видим рубаху поверх широких штанов. Полибий, описывая битву у Теламона, состоявшуюся в 225 году до н. э., упоминает кельтские штаны и плащи, ожерелья и браслеты. Диодор Сицилийский описывает галльскую одежду подробнее:

«Одежду галлы носят замечательную: хитоны, выкрашенные во всевозможные цвета и расшитые; штаны, которые они называют „браки“; плащи с пряжками, зимой — полосатые, плотные, летом — легкие, в частую клетку и пестрой окраски» (Диодор, V, 30).

Страбон говорит о том, что «в области кадурков [имеются] льноткацкие мастерские» (Страбон IV, II, 2). О белгах — племени, живущем в области между Рейном и Луарой, он сообщает:

«Население Галлии носит „саги“, отращивает длинные волосы, носит узкие брюки; вместо хитонов у них рубашки, с рукавами, спускающиеся до половых частей и ягодиц. Шерсть галльских овец, из которой они ткут свои косматые „саги“ (римляне называют их „ленами“), грубая и длинноворсовая» (Страбон IV, IV, 3).

Ирландцы обозначали рубаху словом *léine*, которое до сих пор сохраняет свое первоначальное значение в современном ирландском и шотландском гэльском языках.

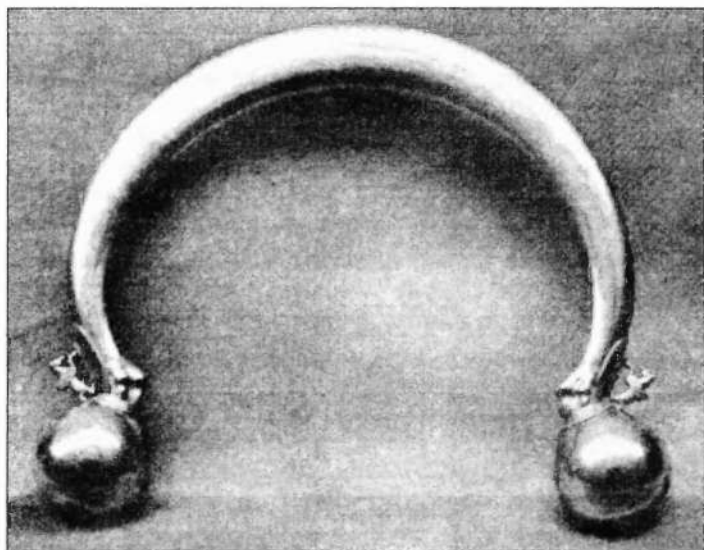
Из ирландских текстов мы узнаем, что женщины носили рубахи, доходящие до земли, плащи, броши и иные украшения и заплетали волосы в две или три косы, к концам которых прикреплялись декоративные шарики или бусины. Античные авторы отмечают статность и красоту кельтских женщин. В «Похищении быка из Куальнге» королева носит золотую

диадему (рис. 20); там же мы находим прекрасное ее описание: «Приблизилась ко мне женщина, высокая, прекрасная, длиннолицая, бледная, с золотистыми прядями волос. На ней был пурпурный плащ, а в нем на груди золотая заколка. Прямое, остроконечное копье сверкало в ее руке» (Похищение, с. 274–275). Еще одно подробное описание ирландки древних времен мы находим в саге «Разрушение дома Да Дерга». Король Эохайд встречает у источника прекрасную девушку:

Как-то однажды отправился он на луг у Бри Лейт и увидел там у источника женщину с серебряным гребнем, украшенным золотом, что умывалась водой из серебряного сосуда, на котором были четыре птицы из чистого золота и по краю маленькие красные самоцветы.

Красный волнистый плащ с серебряной бахромой был на той женщине и чудесное платье, а в плаще золотая заколка. Белая рубаха с длинным капюшоном была на ней, гладкая и прочная, с узорами красного золота. На груди и плечах с каждой стороны скрепляли рубаху золотые и серебряные пряжки с диковинными ликами зверей. Солнце освещало женщину, и всякий мог видеть блеск золота на зеленом

Рис. 20. Золотая диадема княгини из могилы с повозкой (Викс, Франция)

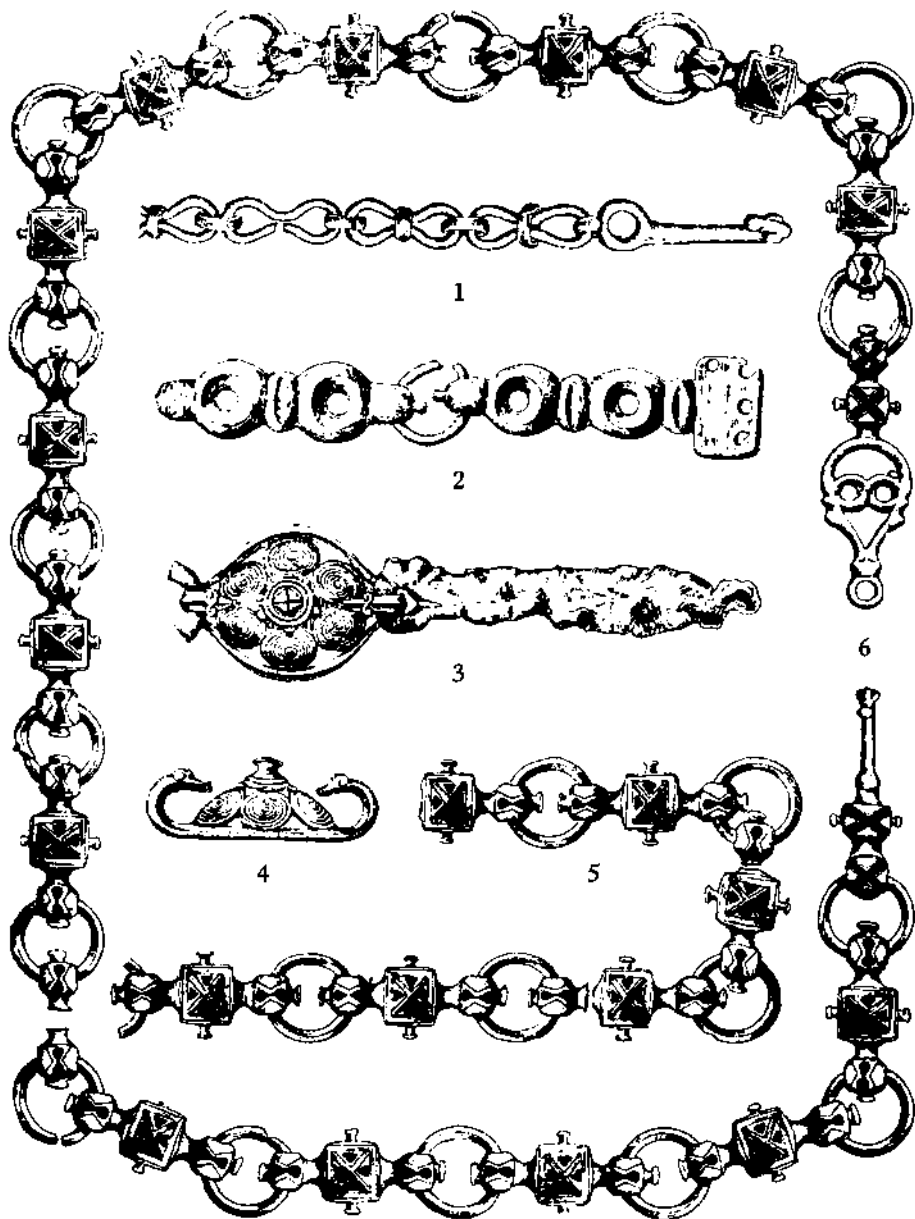

Рис. 21. К одежде кельтских женщин ведущего слоя принадлежали бронзовые цепи, часто украшенные красной эмалью:

1 – Леднице в Моравии; 2 – Нейдек в Моравии; 3–4 – Козланы в Моравии;
5 – Желег в Моравии; 6 – Страдонице в Чехии

шелке. Две косы цвета золота лежали на ее голове, и в каждой было по четыре пряди с бусинами на концах. Цвета ириса в летнюю пору или красного золота были ее волосы».*

Это описание подтверждается другими источниками информации. Этайн была идеалом кельтской красоты, как можно понять из замечания, следующего за описанием ее красоты: «Каждая хороша, пока не сравнишь с Этайн, каждая мила, пока не сравнишь с Этайн» (там же).

Было бы неправильно оставить сложный вопрос об одежде кельтских народов, не взглянув на замечательную декорированную керамику из Шопрони в Венгрии. Она датируется VII веком до н. э. и отображает некоторые аспекты гальштаттской повседневной жизни и одежды; мужчины носят штаны, и это говорит о том, что штаны были заимствованы кельтами в самом начале Железного века. Женщины носят суженные в талии колоколообразные рубахи, искусно украшенные и, возможно, увешанные колокольчиками или маленькими бусинами. Они занимаются различными делами: пряжей и шитьем и позволяют нам живо представить себе некоторые подробности повседневной жизни кельтов (рис. 22).

Как мы видим, во всем кельтском мире огромное внимание уделялось украшениям, красоте тела — как мужского, так и женского, — обильному использованию всевозможных красочных безделушек, а также пестроты и яркости тканей. Как во всех обществах героической эпохи, обычай дарить кольца и другие украшения играл большую роль в социальной сфере. Пышность кельтской одежды в совокупности со страстью кельтов к прекрасным орнаментам и богато украшенному оружию составляет разительный контраст с полной простотой их домашнего обихода и образа жизни.

Такова картина, которую мы можем очертить на основании античных свидетельств о кельтской одежде

* Перевод по изданию: Предания и мифы средневековой Ирландии. М. 1991. С. 102; пер. С. В. Шкунаев. Далее — Предания.

и внешнем облике, по иконографическим и археологическим находкам и открытиям и по описаниям в ирландских сагах, содержащих большое количество архаического материала. Хотя мы не можем предполагать, что любое отдельное описание будет характеризовать всех кельтов в любой данный период времени, целостная картина общего отношения к платью и украшениям, которые представляют эти различные источники, выглядит чрезвычайно правдоподобной. Она ясно показывает, какого широкого распространения достигали общий стиль одежды и страсть к украшениям, если столь разнородные источники информации предоставляют в наше распоряжение столь сходные и убедительные наблюдения. Данные ранних

Рис. 22. Фигуры, изображенные на керамике из Шопрони, Венгрия:

- 1 — Женщина, ткающая на ткацком станке;
- 2 — Сражающиеся мужчины;
- 3 — Женщина за пряжей;
- 4 — Женщина верхом;
- 5 — Танцующая женщина;
- 6 — Женщина, играющая на лире;
- 7 — Дерущиеся женщины

ирландских текстов по большей части подтверждают сведения античных писателей и данные иконографии. Все это позволяет нам заключить, что в различных источниках мы находим достаточно достоверное описание внешнего облика и наряда европейской и британской кельтской аристократии в до-римскую эпоху. По-видимому, такая картина сохранялась в Ирландии, по крайней мере, до прихода христианства в V веке н. э.

Глава III

**ВОЕННОЕ ДЕЛО,
ПУТИ СООБЩЕНИЯ,
УКРЕПЛЕНИЯ
И ДОМА**

КЕЛЬТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЯЗЫЧЕСКИХ времен (и вплоть до относительно недавнего времени в кельтоязычных областях) война рассматривалась как нормальное и в высшей степени естественное состояние

дел, а сражение и успех в поединке составляли основную цель молодых воинов и героев. Кельтов не особенно интересовало, кто с кем сражается и какова подлинная причина сражения; не заботило их и то, когда и где выхватить оружие, если только возникал малейший предлог для ссоры. Сражение могло заключаться в массовом столкновении, предваряемом пестрым и шумным «собираанием войск», как изображается в древних ирландских сагах или в поединке между двумя воинами. Поединок представлял собой чрезвычайно распространенное явление, типичное для героического общества, и пользовался особенной популярностью у кельтов. Любая мелочь, любое воображаемое оскорбление немедленно приводили к вооруженной схватке. Каждый человек, оказавшийся поблизости, мог подвергнуться нападению по ошибке со стороны взбешенного сотрапезника, — а так как к таким ситуациям обычно приводило излишнее количество выпитого, чувство ответственности, свойственное трезвым людям, полностью утрачивалось.

Античные источники сообщают замечательные параллели к ситуации, которая является общим местом

в ирландских сказаниях. В ирландской саге «Пир у Брикriu» (*Fled Bricrend*) говорится:

«Когда Брикriu показал уладам пиршественный зал, они попросили его уйти, как он обещал, и, выходя, он попросил их отдать долю героя самому лучшему воину среди них. Слуги поднялись, чтобы разделить пищу, и тут же возничий Лозгайре потребовал, чтобы доля героя досталась его господину. Возничие Конала и Кухулина потребовали того же. Три воина вскочили, выхватили оружие и начали сражаться, и Лозгайре с Коналом напали на Кухулина, так что одна сторона дома будто осветилась вспышками огня от столкнувшихся мечей и копий, а другая сторона была будто стая белых птиц от пыли со щитов. Дом был в смятении, и Конхобар пришел в гнев от несправедливости и нечестия двух мужей, напавших на одного. Однако никто не осмелился помешать им, пока друид Сенха не сказал Конхобару развести сражающихся. Ибо в те времена Конхобар был для уладов богом на земле».

В свете подобной типичной сцены языческих времен особое правдоподобие приобретает сообщение Афиней. Цитируя Посидония, он говорит:

«Иногда кельты вступают в поединок за столом. Собираясь вооруженными, они завязывают потешный бой, упражняясь в выпадах и отражении ударов. Однако иногда они наносят друг другу раны, и вызванный ими гнев может перерасти в убийство противника, если только находящиеся рядом не разведут их». «В прежние времена, — пишет он, — когда подавали заднюю часть туши, храбрейший герой брал себе бедро, и если другой человек притянул на эту часть, они вставали и сражались в поединке насмерть».

Таким образом, воинственность древних кельтов, равно как и их пристрастие к завязыванию ссор, раздуванию междоусобиц даже на пиру, можно считать неоспоримым фактом. Поведение и цели ирландского воина прекрасно описаны в детских подвигах Кухулина,

и мы можем считать их типичными для языческого кельтского мира:

В ту пору друид, что зовется Катбадом, обучал друидической мудрости восьмерых учеников к северо-востоку от Эмайн. Спросил один из них, дурные или добрые знаки являлись Катбаду в тот день. И отвечал ему Катбад, что слава и доблесть будут уделом того юноши, который примет сегодня оружие, но скоротечны и кратки будут его дни на земле. Услышал эти слова Кухулин...» (Похищение, с. 158).

Честолюбивый герой отправляется к своему дяде, королю Конхобару, сыну Несс, чтобы попросить у него оружие. Им встречается друид, который говорит:

Уж не принять ли оружие задумал ты, о мальчик? — Воистину так, — ответил Конхобар.

— Вот уж не желал бы я, чтобы сын твоей матери принял сегодня оружие, — молвил Катбад.

— Что ж так, — сказал Конхобар, — или не по твоему совету пришел он ко мне?

— Не бывало такого, — ответил Катбад.

— Ах ты, лживый оборотень! — вскричал Конхобар. — Уж не задумал ли ты провести меня?

— Не гневайся, господин мой Конхобар, — молвил мальчик, — воистину это он надоумил меня, ибо когда спросил его ученик о знамениях на нынешний день, отвечал Катбад, что доблесть и слава станут уделом того юноши, что примет сегодня оружие, но скоротечны и кратки будут его дни на земле.

— Правду сказал я, — воскликнул Катбад, — будешь велик ты и славен, но быстротечною жизнью отмечен!

— С превеликой охотой остался бы я на земле всего день да ночь, лишь бы молва о моих деяниях пережила меня. — сказал Кухулин» (Похищение, с. 160).

У Страбона, как и у других античных писателей, мы находим свидетельства, подтверждающие воинственность древних кельтов и их полное пренебрежение к личной безопасности:

«Все племя, теперь называемое галльским или галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги» (Страбон, IV, IV, 2, 4).

Война и техника военного дела, очевидно, занимали важнейшее место в повседневной жизни кельтских племен. Мы можем с полным основанием ожидать, что кельты уделяли большое внимание оружию, боевой тактике и особому кодексу чести. Эта страсть к битве и поединку отражена не только во всех свидетельствах об их повседневной жизни, но и подчеркивается в кельтских религиозных традициях и легендах. Бог племени прежде всего является превосходным воином. Герой-полубог может замещать бога в поединке; бог может прийти на помощь герою-полубогу в сходной ситуации. Боги могли пребывать в оружии великих героев.

Военное дело, оружие и колесницы

Теперь мы рассмотрим сведения о кельтском оружии и боевом снаряжении. Что использовали эти воинственные варвары в бою? Самые ранние данные о кельтском оружии и прототипы поздних образцов обнаруживаются, конечно же, в кельтских захоронениях. Оружием первостепенной важности всегда был меч; в галльштаттских захоронениях (начиная примерно с 700 года до н. э.) бронзовые рубящие и колющие мечи, популярные в эпоху позднего Бронзового века, уступают место длинным железным мечам, которыми можно было наносить как рубящие, так и колющие удары. Использование нового металла — железа — конечно же, создало существенное различие в качестве

и прочности оружия и его эффективности в бою. Полибий, описывая знаменитую битву при Теламоне, пишет о галльских мечах:

Галатским мечом можно только рубить... Мечи их пригодны только для первого удара, [а] вслед за тем притупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабый, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю».*

В ранних ирландских сагах имеются упоминания о выпрямлении меча ногой; в подобных случаях иногда использовались даже зубы! Возможно, кельты поступали мудро, придавая большое значение использованию боевых копий. Мечи часто снабжались золотыми рукоятками. В «Похищении быка из Куальнге» говорится, что Кухулин и Фер Диад бились мечами с рукоятью из слоновой кости**. Позже в ходе того же поединка Фер Диад выбирает в качестве оружия «тяжелые грозноражающие мечи».

В боевое снаряжение кельтского воина входила также пара копий с широкими остриями (рис. 23). Они часто упоминаются в ранних ирландских сказаниях. В определенный момент во время поединка со своим молочным братом Кухулин выбирает для боя именно копьё:

Когда испытаем тяжелые длинные копья, — сказал Кухулин, — быть может, удары копья быстрее разрешат наш спор, чем вчерашнее метание. И пусть приведут лошадей, да запрягут в колесницы, ибо не пешими будем сегодня сражаться» (Похищение, с. 253).

В галлыштаттскую эпоху кельты использовали также кинжал с широким лезвием; когда популярным стал легкий колющий железный меч, кинжал стал

* Перевод по изданию: Полибий. Всеобщая история. СПб, 1994, II, 30–33; пер. Ф. Г. Мищенко. Далее — Полибий.

** Профессор Джексон отмечает, что эпизод с Фер Диадом является поздней вставкой (возможно, XI века), но, вероятно, заимствован из раннего материала.

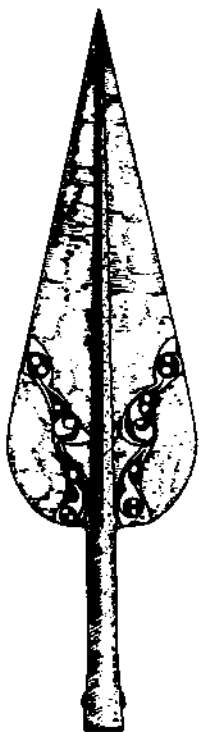

Рис. 23. Железный наконечник копья с бронзовым украшением, найденный в реке Темзе близ Датета, Беркшир

применяться в ближнем бою. В латенском оружии можно увидеть влияние архаических греческих образцов, но заметны и местные галльштаттские черты.

Кельты носили мечи в ножнах, покрытых бронзовыми или железными узорчатыми пластинами. Они подробнее обсуждаются в главе VII. Кинжал также вкладывали в ножны (рис. 24). Луки и стрелы, по видимому, не пользовались популярностью, хотя Страбон говорит об их применении. Он пишет о человеческом жертвоприношении: «Упоминаются еще и другого рода человеческие жертвоприношения: они расстреливали свои жертвы из лука, или распинали их в святилищах, или же сооружали огромную статую из сена и

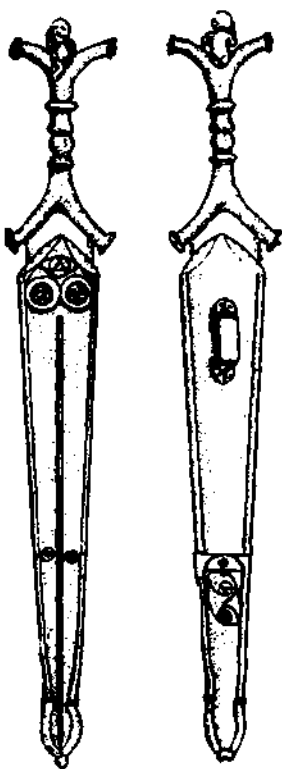

Рис. 24. Кинжал с ножнами, найденный при работах на реке Уитем, Линкольншир

дерева, затем бросали туда скот и всевозможных диких животных, а также людей, и все это вместе сжигали» (Страбон IV, IV, 5). То, что использование луков не ограничивалось ритуальными целями, подразумевают дальнейшие замечания Страбона относительно кельтского оружия: «Некоторые галлы употребляют также луки и пращи» (Страбон IV, IV, 3). Это говорит о том, что в определенный период лук в действительности мог использоваться на войне некоторыми кельтами. Лук и стрелы не упоминаются в ранних ирландских текстах, а слова, обозначающие эти предметы, входят в ирландский словарь только в IX веке н. э. Шлемы нельзя считать обычной частью снаряжения кельтского воина, хотя нам известны прекрасные их образцы. Кельты предпочитали сражаться с непокрытой головой, демонстрируя свою искусную прическу. Шлемы, носимые вождями, имели коническую форму (рис. 25) или форму шапки и покрывались изящным орнаментом (рис. 26). Некоторые шлемы были большими и высокими, как шлемы из Грезана и Энтремона или шлем Лазга, возникшего Кухулина. Согласно ирландским сагам, воины использовали круглые деревянные и кожаные щиты. Начиная с середины III века до н. э. вошел в употребление длинный овальный щит (рис. 27), и щиты такой же формы встречаются в ирландских сказаниях, хотя чаще всего мы находим

Рис. 25. Изящный
бронзовый шлем,
украшенный вставками
из коралла.
Ла Горж-Мейе,
Марна, Франция

Рис. 26. Шлем из бронзы и
железа, украшенный золотом,
найденный в старом русле
Сены близ
Амфревилля, Юр, Франция

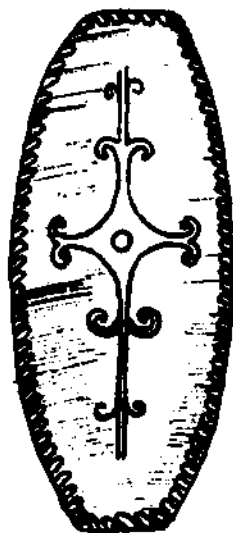
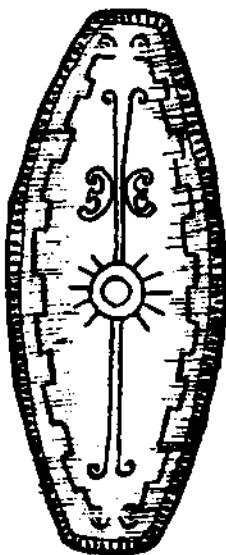
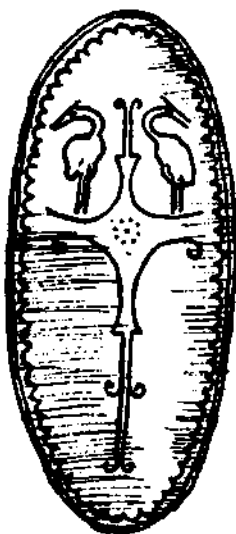

Рис. 27. Овальные щиты, вырезанные вместе с другими трофеями
на воротах в Оранже, Воклюз, Франция

упоминания о круглых щитах. Описываемые в ирландских текстах щиты обычно сделаны из ольхи и по краям окованы искусно украшенными металлическими пластинами. Овальный щит имел примерно три фута в длину и изготавливался из дерева или сплетался из веток. В Хьертспринге (Дания) были найдены овальные щиты, сохранившиеся в торфе; судя по всему, их поместили в болото в качестве votivного дара. У деревянных щитов иногда был умбон из железа (рис. 28).

Теперь следует рассмотреть две характерные черты кельтского метода ведения боя. Они типичны для всех кельтских племен; мы имеем в виду обычай сражаться на колесницах и поединок, битву между двумя воинами, к которой, как мы видели, кельты питали особое пристрастие. Легкие двухколесные боевые колесницы,

в которые запрягали пару специально обученных лошадей, регулярно использовались в кельтских походах. Имеется множество упоминаний о колесницах в ранних ирландских текстах, а их изображения известны на континенте. Были обнаружены части колесниц. Одна находка из Ллин Керриг Баха на острове Англии, обнаруженная среди множества других предметов, составлявших votivный дар, послужила моделью для хорошо известной реконструкции (см. рис. 4). Сам корпус колесницы, по-видимому, изготовлялся из легких сплетенных прутьев, хотя, вполне возможно, использовались и колесницы с деревянными стенками. Оснастка делалась из бронзы, ободья колес — из железа. Римский историк Флор описывает колесницу, полностью покрытую листами серебра. Зная страсть кельтов к пышности и хвастовству и их любовь к драгоценным металлам, это описание не

Рис. 28. Галльский воин со щитом. Мондрагон, Франция. Работа эпохи Августа

следует воспринимать как литературное преувеличение. В той же мере мы не должны предполагать, что искусные описания тех или иных предметов и личных украшений в ранних текстах являются полностью вымыслом образованных христиан. Чрезвычайно богато украшенная конская упряжь также хорошо вписывается в общую картину.

В ранних ирландских текстах говорится, что у колесниц были острые выступы или края, но эти сведения пока что не подтверждаются данными археологии. В поздних ирландских текстах изображаются колесницы с серпами на ступицах. В колеснице ехали два человека: возница и воин. Насколько мы можем судить по данным ирландских текстов, возница был свободным человеком, близким другом и доверенным воина. Жизнь воина зачастую напрямую зависела от искусства, храбрости и преданности возничего. Чтобы подогнать лошадей, использовали стрекало, и колесница мчалась на врага. Затем воин спрыгивал с колесницы и готовился вступить в поединок. Прежде чем спрыгнуть, воин метал с колесницы копья, а затем колесница ожидала чуть поодаль, чтобы герой мог в любой момент вновь подняться на нее. Очевидно, воины совершали в бою великие подвиги, и античные тексты, как и ирландские саги, содержат упоминания об особом мастерстве, которое кельты проявляли в бое с колесниц. Несколько великолепных описаний кельтских героев и их колесниц встречается в «Похищении быка из Куальнге». В одном фрагменте мы находим описание облика и оружия Кухулина, когда он готовится показаться врагам:

Потом облачился Кухулин в платье собраний и празднеств. Надел он свой плащ с бахромой, что ниспадал пятью складками, дивный, пурпурный, сработанный ладно. Белая брошь светлого серебра, украшенная золотом, скрепляла тот плащ на белоснежной груди; словно глядя на яркий светильник, глаз бы людской не стерпел ее блеска. Тело его прикрывала рубаха из шелка с расцвеченной кромкой, тесьмой, бахромою из золота, серебра и светлой бронзы, что спадала до темно-красного боевого передника

из королевской ткани. Диковинный щит был при нем темно-красный, с кромкой из чистейшего белого серебра. Изукрашенный меч с костяной рукоятью нес он на левом боку. Подле него в колеснице лежало копье с наконечником серым, да кинжал для схватки с подвесками и заклепками светлой бронзы. Девять голов держал Кухулин в одной руке, да десять в другой и потрясал ими в знак своего бесстрашия и доблести» (Похищение, с. 224).

Мы можем сравнить это описание со словами Страбона, который также своими глазами видел кельтских воинов, идущих в бой:

«Галльское оружие соответствует их большому росту: длинный меч, висящий на правом боку, длинный прямоугольный щит в соответствии с ростом и „мандарис“ — особый вид дротика. Некоторые галлы употребляют также луки и пращи. Есть у них еще одно деревянное орудие, похожее на „гросф“. Его бросают рукой, а не из петли, и оно летит даже дальше стрелы. Этим орудием они пользуются главным образом для охоты на птиц» (Страбон IV, IV, 3).

В «Похищении быка из Куальнге», как мы видели в Предисловии, описывается прибытие колесницы Кухулина, когда герой отправляется на встречу со своим могучим противником Фер Диадом и вступает с ним в поединок на броду (типично кельтская ситуация). В одной из саг Ульстерского цикла*, «Сватовстве к Эмер», содержатся любопытные сведения о времяпрепровождении язычников-ирландцев и об их мастерстве управления колесницей; и хотя это поздняя

* Эта группа легенд, записанных в средневековой Ирландии, но происходящая из устной традиции языческого кельтского мира, названа так потому, что основное ее содержание составляет повествование о подвигах ульстерских воинов: их король Конхобар, сын Несс, а главный герой — Кухулин. Королевская резиденция находится в Эмайн Махе, раскопки которой летом 1969 года говорят о том, что на самом деле, скорее всего, это было языческое святилище. «Похищение быка из Куальнге» — самая большая повесть Ульстерского цикла.

сага, похоже, в ней отражены подлинные традиции кельтской древности.

Как-то однажды собрались улады в Эмайн Махе, чтобы распить иарнгуал. По сто раз наполнялась чаша в такие вечера. Было это питье угля. На веревке, что протягивали от одной двери дома до другой, показывали воины свою ловкость. Девятью двадцати да еще пятнадцать пядей в длину был дворец Конхобара. Три искусных приема совершали воины: прием с копьем, прием с яблоком и прием с острием меча» (Похищение, с. 28).

В той же саге Эмер просит одну из своих спутниц посмотреть и рассказать ей, что она видит, и девушка говорит:

В ижу я прекрасную колесницу с колесами из светлой бронзы. Белы ее оглобли из белого серебра, что крепятся кольцами из белой бронзы. Высоки борта колесницы, крепка ее дуга, закрученная, прочная» (Похищение, с. 31).

Подобные описания дополняют античные комментарии и делают их в высшей степени правдоподобными. Учитывая склонность рассказчиков саг к некоторой доле вымысла, неудивительно, что описание колесницы Кухулина в битве с Фер Диадом отличается от того, как мы привыкли представлять себе обычную кельтскую колесницу. Впрочем, эти отличия могут объясняться тем, что в данном случае речь идет об особом типе колесниц. Несмотря на страсть ирландцев к велеречивым и пышным описаниям, которые должны были привлекать внимание слушателей и оживлять действие, в сагах ульстерского цикла содержится зерно истины. Несомненно, они составляют ценное дополнение к скудным свидетельствам археологов и античных авторов. В ранних текстах картина жизни кельтского общества, вырисовывающаяся благодаря археологическим находкам мечей и копей, щитов и колесниц, обростает плотью. Эти предметы начинают жить собственной жизнью. Использувавшиеся кельтами на войне

сага, похоже, в ней отражены подлинные традиции кельтской древности.

Как-то однажды собрались улады в Эмайн Махе, чтобы распить иарнгуал. По сто раз наполнялась чаша в такие вечера. Было это питье угля. На веревке, что протягивали от одной двери дома до другой, показывали воины свою ловкость. Девятью двадцати да еще пятнадцать пядей в длину был дворец Конхобара. Три искусных приема совершали воины: прием с копьем, прием с яблоком и прием с острием меча» (Похищение, с. 28).

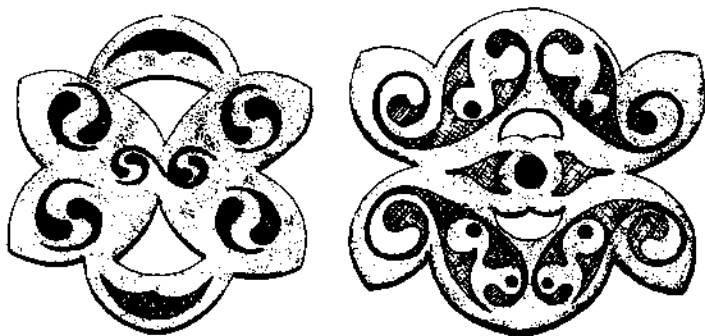
В той же саге Эмер просит одну из своих спутниц посмотреть и рассказать ей, что она видит, и девушка говорит:

Виджу я прекрасную колесницу с колесами из светлой бронзы. Белы ее оглобли из белого серебра, что крепятся кольцами из белой бронзы. Высоки борта колесницы, крепка ее дуга, закрученная, прочная» (Похищение, с. 31).

Подобные описания дополняют античные комментарии и делают их в высшей степени правдоподобными. Учитывая склонность рассказчиков саг к некоторой доле вымысла, неудивительно, что описание колесницы Кухулина в битве с Фер Диадом отличается от того, как мы привыкли представлять себе обычную кельтскую колесницу. Впрочем, эти отличия могут объясняться тем, что в данном случае речь идет об особом типе колесниц. Несмотря на страсть ирландцев к велеречивым и пышным описаниям, которые должны были привлекать внимание слушателей и оживлять действие, в сагах ульстерского цикла содержится зерно истины. Несомненно, они составляют ценное дополнение к скудным свидетельствам археологов и античных авторов. В ранних текстах картина жизни кельтского общества, вырисовывающаяся благодаря археологическим находкам мечей и копей, щитов и колесниц, обростает плотью. Эти предметы начинают жить собственной жизнью. Использувавшиеся кельтами на войне

колесницы и специально обученные лошади были, как показывают археологические данные, искусно украшены изящными изделиями из металла: сбруей, бронзовыми полосками (вероятно, с инкрустацией), упряжью (рис. 29), уздечками и так далее. Кельтский воин на пути в бой или на параде, правящий пышно убранными лошадьми, увешанный цветастыми украшениями и стоящий на богатой колеснице, должно быть, на самом деле представлял собой поразительное зрелище для античного наблюдателя. Колесницы также использовались в Британии и, предположительно, проникли в Ульстер из Йоркшира, но пока что археологи не обнаружили в Ирландии никаких следов колесниц, хотя они постоянно упоминаются в ранних текстах и продолжали использоваться, вероятно, до наступления христианства. В Шотландии они использовались до II века н. э. Колеса колесниц были найдены в шотландских колодцах (например, в Ньюстеде в Роксборо и в Бар-Хилле в Данбардоне). Практика боя с колесниц исчезла в Галлии ко времени походов Юлия Цезаря в I веке до н. э.

Рис. 29.
 Эмалированные
 детали конской
 сбруи, Сантон-
 Даунем, Саффолк

Колесницы, управляемые неистовыми возничими, производили глубокое впечатление на римлян во времена британских походов. Кроме двухколесных легких колесниц, которые, возможно, использовались в первую очередь для парадных целей, в кельтском мире применялись и четырехколесные колесницы. Описание «четырехколесной» колесницы Кухулина отчасти, возможно, возникло в результате непонимания писцов, перепутавших эти два вида повозок. Наконец, в «Похищении быка из Куальнге» имеется прекрасное описание того

способа, которым обычно передвигалась королева Коннахта Медб:

«Так повелось, что куда бы ни отправлялась Медб, брала она с собой девять колесниц. Две из них ехали впереди, две сзади, да две по бокам, а в середине колесница Медб, так что ни комья земли от копыт коней, ни пена с их удил, ни пыль, что вздымало могучее войско, не могли донестись до нее и запятнать золотую корону» (Похищение, с. 143).

Поединок

Другой важной чертой кельтского ведения войны был обычай единоборства. Поединок регулировался строгими ирландскими правилами, и одно из них известно под названием *fir fer*, «честная игра». Согласно этому правилу, человеку, предложившему поединок, должен противостоять только один противник. С тех пор как начались войны с римлянами, этот обычай должен был претерпеть на континенте существенные изменения, но в островных текстах, особенно в ирландских сагах, рассказы о поединках встречаются на каждом шагу. В «Похищении быка из Куальнге» коннахтец Ферху Лойнгсех со своими двенадцатью спутниками отправляется, чтобы напасть на Кухулина: «На том они и порешили и немедля выступили против Кухулина, а разыскав его, не уговорились о честном поединке и всей дюжиной бросились в бой» (Похищение, с. 230–231).

Обычай решать спор в поединке отражен также в «Мабиногионе», собрании средневековых валлийских повестей, которое содержит богатейший запас мифологических мотивов, тонко замаскированных поздними христианскими образованными переписчиками. В замечательной истории о Килохе и Олвен (вероятно, самой ранней повести в составе «Мабиногиона») мы находим рассказ о том, как два героя, изначально обладавшие божественной природой, сражаются друг с другом в поединке до Судного Дня. Гвин, сын Нудда, и Гуитир, сын Грейдаула, сражаются за руку Крейддилад,

дочери Ллудда Серебряной Руки. Артур заключает между ними мир:

«И Артур, узнав обо всем этом, отправился на север и велел Гвину, сыну Нудда, предстать перед ним, и он освободил всех, кто был у него в плену, и заключил мир между Гвином, сыном Нудда, и Гуитиром, сыном Грейдаула. По их соглашению девушка вернулась в дом отца, не доставшись никому, и Гвин с Гуитиром должны были биться за нее каждые январские календы до самого Судного дня; тот же из них, кто одолеет в Судный день, получит эту девушку в жены»*.

В другой повести из «Мабиногион» Араун, король Аннуна — Иного мира — приходит к Пуйлу и просит его помочь в поединке против своего соперника, Хавгана. Мотив бога, ищущего помощи смертного, появляется и в других ветвях кельтской литературной традиции. В соответствии с кельтским обычаем, бой проходит у брода. Араун говорит Пуйлу: «В одну из ночей мы с ним уговорились встретиться у брода; ты будешь там в моем обличье, и твой первый удар оборвет нить его жизни» (Маб., с. 12). Проходит год, и Пуйл встречается с Хавганом:

«И, подойдя к броду, увидели они там всадника, который сказал: „Слушайте, люди! Это спор между двумя королями за землю и власть, и только между ними. А вы стойте в стороне и ждите исхода схватки“. И они сошлись на середине брода, и первым ударом тот, кто был в обличье Арауна, поразил Хавгана...» (Маб., с. 13).

Два кельтских героя, собираясь сразиться, сначала осыпали друг друга оскорблениями, одновременно восхваляя своих предков и свои семьи и свою собственную доблесть и подвиги. Таким образом они возбуждали в себе боевую ярость, страсть к славе и жажду крови; благодаря этому в их сердцах исчезало человеческое сострадание и торжествовали грубая сила и злоба,

* Перевод по изданию: Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995, С. 81; пер. В. В. Эрлихман. Далее — Маб.

которые превращали эти поединки в кровавое и беспощадное побоище. В словесных состязаниях возникшие играли особую роль; и если, что кажется вероятным, в «Похищении быка из Куальнге» мы можем почерпнуть правдивые сведения о том, как проводился поединок в древнем кельтском мире, то позволим себе привести следующий отрывок, иллюстрирующий действия возникшего. Когда Кухулин (в версии «Похищения» XI века) собирается сразиться со своим молочным братом и видит, что тот проделывает искусные боевые приемы, он дает своему возникшему следующие указания:

Между тем приблизился к броду Кухулин и увидел множество чудесных искуснейших боевых приемов, что проделывал Фер Диад высоко в воздухе. „Погляди, друг мой Лаэг, — сказал Кухулин, — на эти чудесные искуснейшие боевые приемы, что проделывает Фер Диад высоко в воздухе. В час битвы обратит он их против меня. Так вот, если случится мне уступать в сражении, черни, поноси и порочь меня, раздувая мой боевой пыл и ярость. Если же буду брать верх я, хвали, славословь и превозноси меня, чтобы умножить мою храбрость” (Похищение, с. 258–259).

Фер Диад, прежде чем вступить в бой, откровенно насмехается над Кухулином:

Неужто со мною, кривой Щенок,
Ты на смертную схватку отважиться смог?
Ужо получишь кровавый урок!
Кони от ужаса захрапят под тобой!
Из полена одного, сколь ни трать труда,
Не удастся костер разжечь никогда.
Будет тебе во враче нужда,
Если добраться сможешь домой!..
Фер Диаду под силу тебя разрубить!
Пришел я, чтобы тебя убить,
Твоей хвастливой лжи вопреки!
Пусть поглядят улады на бой!
Пусть надолго запомнит любой,
Что герой их пал от моей руки!»

(Похищение, С. 246–247)

Сведения из ранних ирландских текстов находят поразительное подтверждение в наблюдениях античных авторов относительно кельтских приемов ведения боя. Например, Диодор Сицилийский обращает внимание на обычай поносить врага: «Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрояя врагов. Если же кто примет вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги» (Диодор, V, 29). В «Похищении быка из Куальнге» воин Этаркумул приближается к Кухулину и вызывает его на бой:

 Не в дальнюю даль ты глядишь, о юноша, — сказал Кухулин, — глаза твои уж покраснели. Знай же, что хоть невелик, но разгневан тот, кто стоит пред тобою. Каким же я кажусь тебе?

— Воистину нравишься ты мне, — ответил Этаркумул. — И вправду, ты юноша дивный, прекрасный, пригожий, славный и многоискусный в боевых приемах. Все же числить тебя среди лучших героев, воинов знатных, всесокрушающих молотов, в битве первейших, я не могу и о том не помыслию» (Похищение, с. 192).

Исход этих словопрений таков:

 С этими словами нанес Кухулин Этаркумулу удар муадалбейм в самое темя и до пупка разрубил его тело. Поперек пришелся второй удар Кухулина, и три обрубка разом рухнули на землю. Так погиб Этаркумул, сын Фид и Летринн» (Похищение, с. 195).

Кухулин владел чудесным оружием, которое называлось «га булга». Различные исследователи выдвигали разные предположения о том, какой именно предмет боевого снаряжения скрывается под этим названием. Это было, по всей видимости, настоящее оружие и использовалось только в случае крайней необходимости на броду. Его особое и смертоносное свойство заключалось в том, что острием оно вонзалось в тело

противника и, когда его вытаскивали, по его бокам открывались шипы, так что жертва испытывала необычайные страдания. В конечном итоге от этого оружия погиб Фер Диад, как и многие другие герои, вступавшие в поединок с Кухулином. Вот рассказ о том, как пал Фер Диад:

Не стерпел Кухулин той раны, ибо осыпал его Фер Диад градом губительных мощных ударов, и попросил га булга у Лазга, сына Риангабара. Вот что это было за копье: оно опускалось под воду и металось пальцами ноги; одну рану оставляло оно, впиваясь в тело, но скрывало тридцать зазубрин, и нельзя было его выдернуть, не обрезав мясо кругом» (Похищение, с. 262).

Считалось, что га булга является заколдованным оружием, подаренным Кухулину его божественными предками — ибо на самом деле он был сыном Луга, — но у нас имеются сведения античных авторов, которые говорят о том, что это копье вовсе не обладало особенными чудесными свойствами, но являлось, по-видимому, оружием, которым пользовались кельты на континенте. Дидор Сицилийский, описывая кельтское оружие, говорит: «Некоторые из них выкованы прямыми, а некоторые — извилистыми по всей своей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану [еще более]» (Диодор, V, 30). Это описание очень напоминает копье га булга, фигурирующее в «Похищении быка из Куальнге».

Таким образом, ирландские герои, как и их континентальные сородичи, отправлялись в бой на колесницах с колющим копьем, одним или двумя метательными дротиками, длинным железным рубящим мечом, деревянным щитом, украшенным металлической каймой. Впрочем, несомненно, в зависимости от местных традиций и личных предпочтений это описание может дополняться различными вариациями. Также использовалась праща, и это оружие часто упоминается в ирландских сагах. Диодор Сицилийский приводит некоторые подробности о кельтском боевом снаряжении:

Оружие [у них вот какое]. Щиты — высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых из которых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных и не [только] для красоты, но и для большей надежности. Шлемы — медные, с большими выступающими вокруг частями, благодаря чему носящие их выглядят исполинами: к некоторым из шлемов приделаны рога, к другим — чеканные протомы птиц или четвероногих животных. [Боевые] трубы у них необычайные и варварские: трубя в них, издают грозные звуки, напоминающие грохот сражения. Панцири — железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными. Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом, который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру. Некоторые носят поверх хитона украшенный золотом или серебром широкий пояс. Впереди себя они выставляют копья,

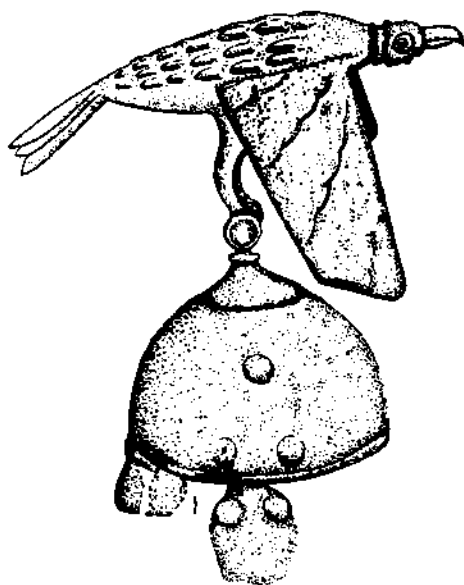

Рис. 30. Железный шлем с гребнем из Чиумешти, Марамурес, Румыния

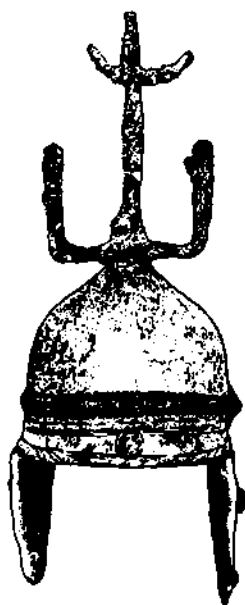

Рис. 31. Бронзовый шлем с железным гребнем из Филоттрано, Анкона, Италия

которые называют „ланкии“, с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной — чуть менее диапалесты. Мечи у них не меньше, чем дротики у других [народов], а наконечники у дротиков больше, чем мечи» (Диодор, V, 30).

Даже самые незначительные детали из приведенного выше отрывка находят подтверждение в ранних ирландских источниках. Например, в «Похищении быка из Куальнге» и в других сагах упоминаются щиты, украшенные в соответствии с индивидуальным вкусом владельца. У Реохайда, сына Фатемайна, был «белый щит со звериными ликами красного золота» (Похищение, с. 305). Одним из воинских отрядов командовал Эрк, сын Фейдлимид Нойкрутах, который носил «щит со звериными ликами красного золота, золотой шишкой и золотой кромкой» (Похищение, с. 311). Из описания Кухулина, когда он в своих лучших нарядах шел свататься к Эмер, мы узнаем, что «на плечах воина

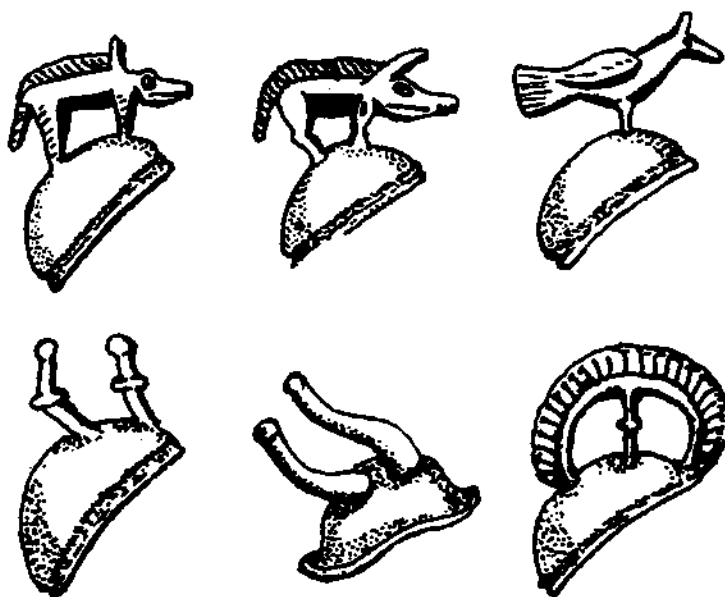
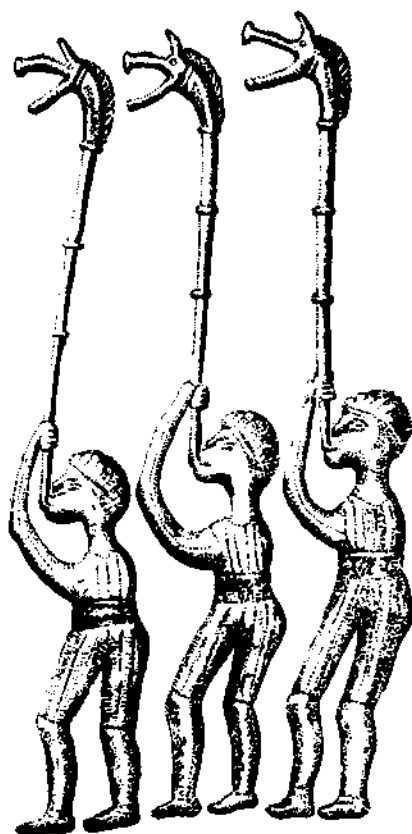

Рис. 32. Декорированные шлемы, изображенные на котле из Гундеструпа, Ютландия, Дания, включают образцы шлемов с рогами

[был] алый щит с серебряной кромкой, украшенный золотыми ликами диких зверей» (Похищение, с. 32). Сходным образом о Мане Матремайле и Мане Атремайле, сыновьях Медб, говорится: «Два сверкающих щита несли они, изукрашенных ликами зверей из белого серебра» (Похищение, с. 277).

Рогатые шлемы, упомянутые Диодором Сицилийским, также встречаются в ранней литературе: например, Фурбайде Фербенд якобы имел трехрогий шлем, на котором два рога были из серебра и один — из золота. Трехрогие священные животные являются неотъемлемым атрибутом кельтской мифологии. Другие описания оружия также находят близкие параллели в ирландских текстах. Использовались боевые трубы, о которых пишет Диодор Сицилийский. Они фигурируют, например, на кельтских монетах и запечатлены на котле из Гундеструпа (рис. 33). Шум был характерной

Рис. 33. Изображения людей, дующих в трубы, на котле из Гундеструпа

чертой кельтского ведения боя; его поднимали с целью вызвать смятение, панику и ужас во вражеском лагере. Тацит рассказывает о шуме, поднятом бриттами, когда Павлин собирался напасть на них в святилище на острове Англси:

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия» (Тацит, *Анналы* XIV. XXX; ср. Агрикола XIV; пер. С. Л. Утченко).

Крики, брань и мольбы богам о даровании силы и помощи усиливались звуками труб. Трубы украшались изображениями звериных голов и снабжались трещотками, чтобы усилить силу звука и производимый эффект. Остатки одного карникаса, бронзовое окончание или горлышко в форме кабаньей головы, были найдены близ Дескфорда в Банфшире. Этот предмет датируется приблизительно II веком н. э. В ирландских текстах мы также встречаем упоминания об использовании труб, составляющих часть боевого снаряжения, для нагнетания шума. В «Похищении быка из Куальнге» мы читаем:

Грохот, шум, вой, гул, гудение и громовые раскаты, что слышал Мак Рот, были ударами щитов и копий, звонким лязгом мечей, грохотом шлемов и нагрудников, гулом оружия, проделывавшего неистовые боевые приемы: то натягивались поводья, стучали колеса, лошади били копытами, скрипели колесницы и разносились громкие голоса идущих на нас мужей и героев» (Похищение, с. 295).

Лучший античный отчет о снаряжении и поведении кельтов в бою дан Полибием в знаменитом описании битвы при Теламоне (225 г. до н. э.). Мы процитируем этот отрывок полностью, так как он прекрасно иллюстрирует многое из вышесказанного:

Инсомбры и бои шли на битву в штанах и легких, накинутых сверху плащах. Что касается гесатов, то самоуверенность и смелость их были так велики, что они сбросили с себя и эту одежду и, обнаженные, только с оружием в руках, стояли в передних рядах войска; так, думалось гесатам, удобнее будет сражаться, ибо плащи могут цепляться за разбросанные там и сям кустарники и затруднять употребление оружия. Сначала битва шла только у холма, и для всех было видно, сколь многочисленная конница от каждого войска участвует в завязавшейся схватке. В этом сражении пал, как отчаянный боец, консул Гай, и голова его отнесена была царям кельтов...

Что касается римлян, то им прибавило смелости то обстоятельство, что неприятель был охвачен со всех сторон и заключен в середину между ними, хотя, с другой стороны, кельты пугали их боевым строем и шумом. Действительно, число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико, а когда все войско разом исполняло боевую песню, поднимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими казались сами окрестности, повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих людей, стоявших в первом ряду, блиставших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов. Если вид всего этого и устрашал римлян, то надежда на добычу сильнее подстрекала их к битве» (Полибий II, 28–29).

Полибий упоминает гесатов, наемные отряды, не входившие в племенную систему. В этом отношении, как мы видели, их можно сопоставить с отрядами ирландских фениев, которым посвящено множество легенд. Эти могучие и беспощадные галльские воины нанимались к любому племени, способному оплатить их услуги. Их название попросту означает «копейщики». Слово *gae*, обозначавшее копье или дротик, мы находим в древнеирландском языке. До наших дней оно дошло в шотландском гэльском и ирландском языках в форме *gath*.

Гесаты сражались обнаженными, и этот обычай был неправильно понят римлянами, которые ничего не знали о его ритуальном смысле. Кроме гесатов обнаженными сражались и другие кельты. Диодор Сицилийский, не упоминая самих гесатов, рассказывает: «Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасности обнаженными, в одном только поясе» (Диодор, V, 29).

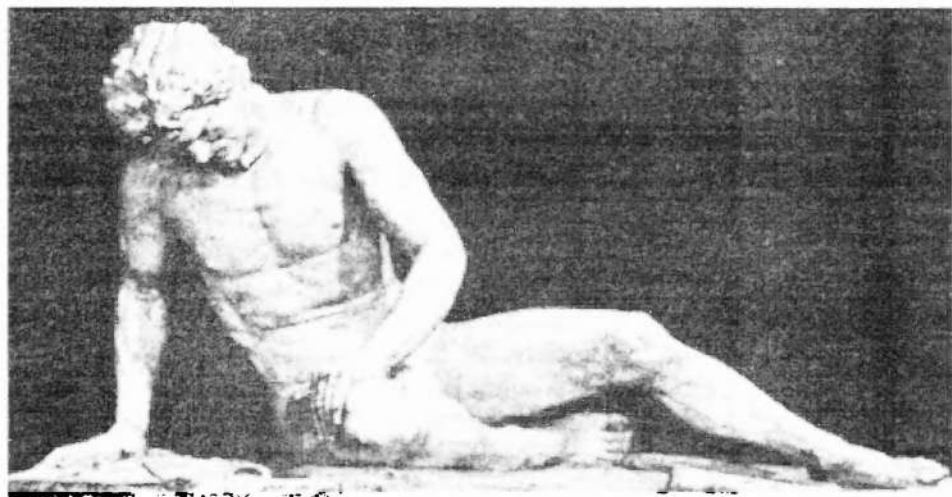

Рис. 34. Римская мраморная копия бронзовой фигуры умирающего галла, установленной в Пергаме (Западная Турция) около 200 г. до н. э.

Легендарные отряды фениев, странствовавшие по Ирландии в первые века христианской эры, охотясь и сражаясь, собирая дань с различных племен, напоминали гесатов в том отношении, что они нанимались на службу к разным партиям и жили вне пределов юрисдикции племени (они были *écland*, «без племени»). Судя по описаниям, фении часто выступали в роли наемников.

Верховая езда и охота за головами

Бой с колесниц, в котором столь отличались кельты, постепенно уступал дорогу конному бою, и галлы славились искусством верховой езды. Эти всадники и есть *equites*, «всадники», о которых говорит Цезарь, — аристократия. После того как Галлию захватили римляне, галльские конные части стали отличительной чертой римского войска и служили по всей Империи. Одетые в узкие штаны и развевающиеся плащи, обладающие огромной физической силой и прославленные легендарным искусством вольтижировки, галлы производили сильное впечатление своей выучкой и блестящими упражнениями в верховой езде. Арриан, писавший в 136 году н. э., описывает конные упражнения, заимствованные римлянами у кельтских всадников, составлявших лучшую часть римской кавалерии:

Затем те из них, кто занимал наиболее высокое положение или славился искусством верховой езды, въехали на арену в шлемах, сделанных из железа или из меди и покрытых позолотой, чтобы привлечь особое внимание зрителей... К ним были прикреплены желтые перья, не служившие ни для каких полезных целей, а больше для хвастовства... Всадники несли ярко украшенные продолговатые щиты, не похожие на настоящие боевые, а более легкие, так как цель упражнений состояла в щегольстве и хвастовстве. Вместо нагрудников они надели рубахи, сделанные по подобию настоящих нагрудников, иногда красные, иногда пурпурные, иногда разноцветные. И на них были штаны, не такие широкие, какие в обычае носить у парфян и армян, а тесно облегающие члены».

Римлянам на самом деле было чему поучиться у кельтских наездников. Павсаний пишет о кельтском обычае «тримаркисии», буквально группе из «трех всадников», то есть знатном человеке или вожде с двумя спутниками. Возможно, сведения именно об этом явлении мы вновь обнаруживаем в некоторых отрывках из ранних текстов. Так, в причудливой саге «Разрушение дома Да Дерга» (*Togail Bruidne Da Derga*), наполненной многочисленными мифологическими мотивами, король Конайре в один из драматических моментов повествования видит «трех красных» (*na tri Deirg*). Это три человека с красными волосами, одетые в красные одежды и едущие на красных конях. Сверхъестественная природа трех этих всадников полностью раскрывается, когда сыну Конайре, не сумевшему догнать их, говорят: «Устали наши кони — то кони Донна Десскорах из сидов. Хотя мы и живы, все же мертвы» (Предания, с. 108). Красный цвет ассоциировался со сражением и кельтскими богами войны. Страбон пишет: «Хотя все галаты по натуре воинственный народ, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы, и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени» (Страбон IV, IV, 2).

Что касается особенностей поведения кельтов в бою, то наиболее интересным обычаем представляется отрубание голов погибших врагов и использование их в виде трофеев; эта практика играла также глубокую религиозную роль в кельтской повседневной жизни. Приведем пару примеров: головы часто устанавливались в кельтских святилищах в качестве подношений богам. В крупном каменном святилище в Рокепертюзе (Буш-дю-Рон), как и в других святилищах, можно наблюдать выемки в стенах, в которых выставлялись человеческие головы; многие святилища содержали как изображения отрубленных голов, так и подлинные черепы. Замечательный каменный столб из Энтремона покрыт схематическими изображениями голов, расположенных достаточно причудливым образом (рис. 35). Диодор Сицилийский рассказывает о практике обезглавливания врагов следующее:

Рис. 35. Столб с 12 вырезанными головами без рта из святилища в Энтремоне, Буш-дю-Рон, Франция

Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как бывает поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего — зверство» (Диодор, V, 29).

Этот боевой обычай, как и религиозное почитание отрубленной головы, является общим местом в ранних ирландских сагах. В «Похищении быка из Куальнге» встречается типичная сцена охоты за головами: Кухулин убил двух сыновей Неры и их возничих и обезглавил убитых. Медб посылает Кормака Конд Лонгас, чтобы посмотреть, что случилось у брода:

«...И когда подошел он к нему [броду], увидел лишь сучковатый ствол с четырьмя головами, стоящий в потоке, стекающую по нему кровь, следы колесниц да одинокого воина, ушедшего к востоку» (Похищение, с. 143).

В своей первой боевой вылазке юный Кухулин забирает головы поверженных противников. Он обезглавил трех сыновей Нехты Скене. Когда он с торжеством возвращается в Эмайн Маху, женщина, видящая его приближение, сообщает: «Вижу одинокого воина на колеснице, чей страшен воистину облик. Окровавленные головы своих врагов везет он в колеснице» (с. 172). О его схватке с Ферку Лоингсехом и его спутниками в «Похищении быка из Куальнге» сообщается:

«На том они и порешили и немедля выступили против Кухулина, а разыскав его, не уговорились о честном поединке и всей дюжиной бросились в бой. Сошелся с врагами Кухулин и, одолев их, срубил у всех головы. В землю вкопал он двенадцать камней и на каждый водрузил голову воина. С той поры и зовется то место, где сложил голову Ферку Лоингсех Киннит Ферхон, то есть Кеннайт Ферхон («Головы Ферку»)» (Похищение, с. 231).

В этом отрывке мы видим не только тщательно разработанный ритуал обезглавливания и демонстрации голов, но и обнаруживаем упоминавшееся выше понятие *fir fer*, кодекс поведения в бою, нарушать который считалось постыдным. Очевидно, римляне не одобряли этот традиционный кельтский обычай и считали его, вкупе с человеческими жертвоприношениями и иными обрядами, по сути своей варварским и вероломным.

Поведение в битве, традиции и саги

В нашем распоряжении имеется множество античных свидетельств о поведении кельтов в сражении. Очевидно, кельты были храбры до безрассудства, беспощадны и жестоки; отсутствие эффективной организации и политической сплоченности постоянно препятствовали победам и дальнейшему развитию достигнутых успехов. Письменные источники подтверждают сообщения античных писателей о кельтской военной организации и методах ведения войны. Например, Полибий отмечает:

«Таков был исход войны с кельтами. Ни одна из описываемых историками войн не сравнится с этой по безумной отваге сражающихся, по количеству битв, по множеству участвовавших в ней и убитых; зато она может считаться совершенно ничтожною в отношении задуманных планов, по нерассудительности в отдельных предприятиях, ибо галаты не в большинстве случаев только, но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком» (Полибий II, 33).

Характерные черты, о которых говорит Полибий в этом отрывке, можно считать типичными для всей ранней истории кельтов. Разгоряченные выпивкой, кельты неизменно завязывали в ходе празднеств и пиров ссоры, которые приводили к поединкам между воинами или к сражениям между племенами; иногда сражались между собой и члены одного племени. Само «Похищение быка из Куальнге», великий ирландский эпос, начинается с горячей ссоры между Айлилем и Медб, королем и королевой Коннахта. В итоге она привела к жестокой войне между Коннахтом и Ульстером. Война вспыхнула в результате пьяной размолвки, закончившейся оскорблениями и угрозами со стороны посланников, отправленных Медб, чтобы позаймствовать быка из Куальнге у его владельца Дайре.

Этот эпизод красочно описывается в повести. Мак Рот, главный посланник, взял с Дайре обещание, что быка отдадут взаймы в Коннахт. Затем начинается празднество. «Приняли их тогда в доме и, постелив свежей соломы да тростника на пол, подали гонцам лучшее угощение и вволю питья, так что вскоре они захмелели». Между потерявшими осторожность посланниками завязывается беседа, которая заканчивается словами одного из них: «По мне не речам бы, а крови литься из уст, что промолвили это, ибо то, что отдал он добром, мы отняли бы силой». Слуга Дайре случайно услышал это замечание и в гневе пошел к хозяину. Дайре тут же отменяет свое обещание и говорит: «Клянусь же богами, которых я чту, что пока не захватят они его силой, добром уж никак не получат!». На следующий день Мак Рот был очень удивлен, услышав отказ, и сказал Дайре: «Что б ни болтали гонцы, отведав твоих угощений и выпив вина, не должно их слушать, ибо они лишь чернят и позорят Айлиля да Медб». Однако Дайре не желает ничего слушать, и раздражается война (Похищение, с. 122–124). Судя по всему, такие сцены составляли неотъемлемую черту кельтских пиров. В основании многих ирландских повестей лежит тот же мотив: устраивается празднество, на котором гости напиваются и завязывают ссору, за которой следует кровопролитие, и в конечном итоге в сражение втягивается все племя. Это подтверждает

Диодор Сицилийский, который пишет: «В обычае у них также начинать при случае словесные споры, а затем вызывать друг друга на единоборство, не придавая никакого значения смерти» (Диодор, V, 28). В саге «Пир у Брикриу» споры и вооруженные схватки также завязываются во время пира.

Постоянные междоусобные войны, которые вели кельты, отмечаются Цезарем, который считает их обычаем, относящимся к прошлому. Военнопленные иногда приносились в жертву богам. Цезарь пишет: «Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему [Марсу] будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место» (Цезарь, VI, 17).

Таким образом, в ведении войны, как и в любой другой сфере кельтской жизни, большую роль играла религия. Существовали счастливые и несчастливые дни для вступления в бой; часто воина, стремящегося в сражение, останавливали плохие предзнаменования. Например, дурным знаком считалось увидеть ворона. В одном ирландском тексте говорится, что увидеть трех воронов бога Мидира было достаточно, чтобы полностью лишить воина боевого пыла и умения.

В ходе военных действий кельты часто разбивали лагерь. В «Похищении быка из Куальнге» говорится:

«После той песни повелел Айлиль ставить шатры и палатки, готовить питье да кушанья и всем принимать за трапезу, а музыкантам играть, ибо еще ни в одном лагере не случалось ирландцам стерпеть столь тяжкую и многотрудную ночь, как та, что выпала накануне. Расположились они лагерем и поставили шатры, приготовили напитки и кушанья и все отведали их под благозвучные напевы» (Похищение, с. 147).

Как мы уже говорили, по-видимому, военные действия приводили в движение все племя. Страбон говорит о кельтах: «Благодаря этой черте их характера переселения у них совершаются легко, так как они движутся толпами со всем войском или вернее поднимаются всем родом, теснимые другими, более сильными племенами» (Страбон IV, IV, 2).

Постоянные войны, оружие и героические подвиги представляют настолько естественную черту повседневной жизни язычников-кельтов, что именно на освещении этих предметов сосредоточивала свое внимание ранняя кельтская литературная традиция. Они составляют основной сюжет множества саг. Ранние валлийские Триады*, в которых можно найти многочисленные отголоски древней языческой традиции и морали, наполнены упоминаниями о военном деле и героических деяниях. Например, одна триада называется «Три столпа островов Британии», а другая — «Три барда острова Британии с красными копьями», а еще в одной триаде Артур говорит:

«Таковы три моих боевых всадника:
Менедд и Ллидел нагрудника
И столп валлийцев, Карадауг».

В еще одной триаде речь идет о «Трех увенчанных в битве мужах острова Британия», а в другой говорится о «Трех бойнях острова Британия» и так далее. Таким образом, литературная традиция постоянно оказывается неразрывно связанной с войной и сражением. Мифологические легенды повествуют о деяниях богов, которые преследуют свои непонятные смертным цели и ради их достижения вступают в бой; в этих повестях часто упоминается помощь смертных героев. В честь отличившегося героя готовились пиры, часто заканчивавшиеся схватками и кровопролитием. Кельты были военными аристократами — могучими, дикими, храбрыми, изменчивыми, одержимыми жаждой личной славы и стремящимися принести успех своему племени или партии.

Мы уже приводили отрывки, в которых описывается внешний облик кельтских героев, облаченных в прекрасные доспехи, владеющих отличным оружием и странствующих в поисках приключений. Этот раздел мы закончим отрывком из средневековой валлийской легенды, по своей сути не менее варварской, чем ирландские саги. Однако грубые и первобытные детали

* Форма композиции, когда предметы или герои распределяются в группы по три, объединяемые по какому-либо общему признаку.

отчасти скрадывает изящество и благородство языка, заметное даже в переводе. Это рассказ о молодом герое Килохе, путешествующем ко двору Артура в поисках приключений:

И юноша сел на коня светло-серой масти, четырех зим от роду, крепкого в ногах и хорошо подкованного, с уздечкой и седлом из чистого золота. На ногах его были серебряные шпоры, а в руке он держал копье толщиной с руку сильного мужчины. Разило оно стремительней, чем капля росы падает с ветки на землю в июне, в самую росную пору. На боку его висел меч в золотых ножнах, на лезвии которого тоже был золотой узор, а на рукояти — золотой крест, призывающий благословение Небес; и там же был узор из слоновой кости. И впереди него бежали две белые борзые с рыжими пятнами, с ошейниками из красного золота. На нем был пурпурный плащ, на каждом конце которого висело по золотому яблоку ценой в сотню коров. И дороже трех сотен коров были его сапоги кроваво-красного цвета, доходящие до колен. И когда он скакал, трава не гнулась под ним из-за легкости и быстроты коня, на котором он подъехал к воротам дворца Артура» (Маб., с. 62–63).

Дороги и средства передвижения

В кельтские времена воины шли в бой на колесницах, торговцы обменивались товарами, чужеземцы получали монеты и рабов в обмен на экзотические предметы. Люди двигались по стране со всем своим домашним хозяйством и селились в новых областях; мертвых перевозили по древним дорогам в места упокоения, которые представляли собой религиозные святилища. Очевидно, что для успешного осуществления всей этой деятельности нужно было обустроить дороги, и эту сторону кельтской жизни нельзя оставить без внимания. Однако это чрезвычайно трудный вопрос, так как мы располагаем очень скудными и неудовлетворительными данными о дорогах в кельтских странах. Впрочем, то же относится и к остальному варварскому миру в римские времена. Только в I и II веках н. э., при

римских императорах, в Европе сформировалась настоящая дорожная сеть. Некоторые исследователи утверждают, что это стало возможным потому, что к тому времени уже существовала действующая система местных дорог, которую римляне лишь усовершенствовали, но это спорная гипотеза. О водном транспорте мы знаем больше, чем о дорогах и сухопутных передвижениях в целом. Насколько мы можем судить о дорогах (если они вообще существовали), их было очень немного, а их качество оставляло желать лучшего. Тем не менее использование колесных средств передвижения говорит о том, что имелись регулярные дороги, поддерживавшиеся в приличном состоянии. Обычай боя с колесниц и путешествий на колесницах также говорит о существовании разумно функционирующих дорог и маршрутов. Тот, кто когда-либо ехал по грязным дорогам в Западной Шотландии после долгой засухи или после бури, способен лучше оценить отрывки из «Похищения быка из Куальнге», описывающие подобные путешествия. Посланец Мак Рот видит на равнине необычайное зрелище. Он не может дать ему правильное толкование и приходит к Айлилю и Медб, чтобы спросить, что это. Великий герой Фергус отвечает:

Серый туман, что увидел Мак Рот между небом и землей, был лишь дыханием героев и их лошадей, да облаками пыли с земли и дорог, что увлекаются ветром, становясь серой дымкой в облаках и воздухе. Острова на озерах, вершины холмов и утесов были головами мужей и героев да их колесницами. Глубокие пещеры в тумане были ноздрями коней и ртами воинов, вдыхавшими и выдыхавшими солнце и ветер с быстротою воинственной скачки. Льняные одежды чистейшего белого цвета или кружащийся снег были пеной и мылом, что под железом узды вылетало из пасти могучих огромных коней, несущихся в бешеной скачке. Стаи бесчисленных, дивных, невиданных птиц были пылью с дорог и земли, что поднималась от ног и копыт лошадей и неслась вслед за ветром» (Похищение, с. 294–295).

То, что какие-то дороги существовали в кельтской Европе, становится ясным из сообщения Диодора

Сицилийского: «Будучи неумными пьяницами, они злоупотребляют неразбавленным вином, которое привозят купцы... Поэтому многие итальянские купцы из-за страсти к стяжательству считают пристрастие галлов к вину Гермесовым даром. Плывая по судоходным рекам Галлии или двигаясь в повозках по равнинам, они привозят вино и продают его по невероятно высокой цене...» (Диодор, V, 26).

Такая активная торговля, включавшая перевозку громоздких товаров на большие расстояния по суше, должна была заставлять заинтересованные в ней племена делать все возможное, чтобы облегчить доставку грузов. Естественно, для прокладки дорог выбиралась сухая почва. Через болота прокладывались гати. Привыкнув к римской системе дорог в Европе и Британии, мы обычно забываем, каким чудесным и необычайным явлением были блестяще продуманные римские дороги в античном западном мире; кроме того, следует помнить, что после падения Римской империи вплоть до относительно недавнего времени, когда начали прокладываться военные дороги, Европа не знала ничего похожего на римскую дорожную систему. Должно быть, римляне на самом деле использовали старые колеиные дороги и уже существовавшие маршруты и наладили по ним бесперебойное сообщение. Во многих изолированных областях Британских островов колесный транспорт попросту не существовал. Доктор Джонсон во время своего знаменитого путешествия по шотландскому Хайленду в 1773 году, покидая Инвернесс и направляясь на западное побережье, заметил: «Теперь мы должны были попрощаться с роскошью путешествия и вступить в страну, по которой, возможно, никогда не катилось колесо». Эти слова вряд ли можно отнести только на счет его английского высокомерия.

Повозки со спицами и колесами появляются в Европе уже где-то между 1500 и 1250 годами до н. э. в области среднего течения Дуная. Археологи находили модели повозок и колес, имевшие, судя по всему, тотемный характер. В кельтском мире символом кельтского эквивалента Юпитера, Тараниса, «Громовержца», служило колесо. Наличие множества металлических макетов колес и брошей в форме колеса, а также

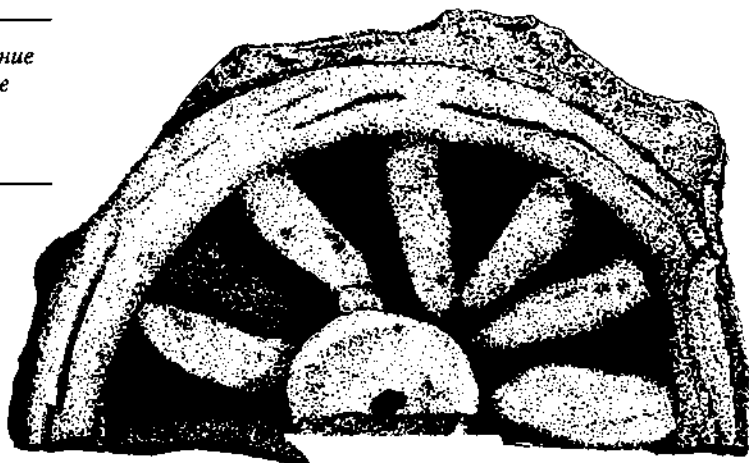

Глава III
Военное
дело,
пути
сообщения,
укрепления
и дома

изображений колес на керамических изделиях (рис. 36) в вотивных дарах и в священных местах может иметь двойственное значение. Это может свидетельствовать о почитении, с которым кельты относились к образу колеса, символизировавшего солнце; кроме того, колесо служило атрибутом великого бога, и в этом случае обилие его изображений может указывать на повсеместное почитание этого бога в кельтских странах, и это предположение согласуется с другими данными. В одном раннем ирландском тексте Элата приходит свататься к Эриу, эпонимической богине Ирландии; говорится, что на своей спине он нес пять золотых колес. В самых ранних ирландских сагах некоторые воины носят броши в форме колеса, которые напоминают образцы, известные из археологических источников. Почитание колеса и его мифологические ассоциации говорят о том, что колесо вовсе не было обычным предметом повседневного обихода. Его функция вызвала удивление и ужас. В колодцах и источниках обнаруживаются колесничные колеса, и, зная о кельтском обычае делать подношения богам в источниках, можно предположить, что эти находки также подтверждают высокую степень почитания, оказывавшегося символу колеса.

Первые повозки — то есть те, которые строились не для церемониальных целей, — скорее всего, использовались как сельский транспорт, а не для путешествий

Рис. 36. Изображение
колеса на керамике
из Хаусстедса,
Нортумберленд

на далекие расстояния. Очевидно, в них запрягали двух волов. Тот факт, что кельты использовали как повозку, так и колесницу, по-видимому, означает, что по их землям проходили какие-то дороги, пусть даже очень плохие. Согласно ирландским источникам в той мере, в которой их можно считать надежными для обсуждаемого периода, дороги мостились деревом и камнем, и у нас нет оснований полагать, что дело обстояло иначе. Должно быть, некоторые ирландские дороги были ненамного лучше простых, но достаточно надежных колеиных дорог, какие до сих пор можно увидеть в шотландских горах и других областях Британии. Ирландские тексты описывают пять главных дорог, сходящихся в Таре, древнем кельтском святилище и резиденции верховных королей. Имеются упоминания и о других дорогах, но мы не можем определить, к какому временному периоду относятся эти сведения; или же на самом деле они отражают ситуацию, действительную только для Ирландии в христианскую эпоху. Впрочем, учитывая консервативный характер кельтской традиции и почтение, которым окружались древние легенды, топонимы и обычаи, мы можем предполагать, что за словесными вязями образованных христианских писцов скрывается зерно истины.

Ремонт дорог, мосты и переправы

Наши данные позволяют предположить, что поддержание дорог в хорошем состоянии рассматривалось как задача первоочередной важности; законы брегонов оговаривают правила, управляющие прокладкой и починкой дорог в Ирландии. Дороги следовало содержать в чистоте. В ирландском глоссарии IX века его составитель Кормак утверждает: «Любую дорогу следует чистить по крайней мере в трех случаях: то есть во время скачек, зимы и войны». Он также классифицирует дороги древней Ирландии. Их следовало очищать от ежевики, сорняков и так далее. Во время войны людей заставляли прокладывать дорогу через лес. Таким образом, хотя мы располагаем данными, говорящими о существовании системы дорог в ранней

Ирландии, по одним лишь письменным источникам нелегко определить, были ли они на самом деле такого качества, как говорится в текстах законов и саг, или же они были значительно более грубыми. Впрочем, Страбон упоминает о дорогах в Нарбонской Галлии, скорее всего превосходивших по своему качеству любые островные дороги.

В нужных местах через болота прокладывали гати. Они состояли из бревен, валежника, земли и камней, которые тщательно утрамбовывались. Иногда сверху их накрывали досками, чтобы сделать мостовую дорогу.

Мосты строились из дерева: у нас нет данных, которые говорили бы о том, что ирландцы строили каменные мосты до наступления англо-норманнской эпохи. На реках и проливах часто устраивались переправы, и, согласно ранним описаниям, они имели огромное значение, облегчая передвижение людей и перевозку грузов; исчезновение любой отдельной переправы сильно сказывалось на удобстве путешественника. Страбон, рассказывая о кельтских племенах, отмечает: «А отсюда она [дорога] идет через реку Друенцию и через Кабаллион» (Страбон IV, I, 3) и далее: «[можно] переправиться на пароме в город Кабаллион» (Страбон IV, I, 11). В повести о Бранвен, одной из четырех ветвей «Мабиногион», король Ирландии Матолх, женатый на Бранвен, сестре Брана Благословенного, хочет прервать всякое сообщение с Британией. Его советники говорят ему: «И еще, господин, задерживай все корабли и лодки, плывущие в Уэльс, а тех, кто прибудет оттуда, заключай в темницу, чтобы они не узнали об этом» (Маб., с. 27). Очевидно, в древности ирландцам были известны три типа лодок (куррах): челноки, которые делались из выдолбленных стволов дерева; плетеные лодки; корабли с парусами или веслами либо и с парусами, и с веслами. Куррахи покрывались шкурами и приводились в движение веслами или парусами. Цезарь использовал британские образцы при постройке своего флота. Латинское «Житие св. Брендана» подробно описывает постройку куррах.

Кельтские племена славились своим искусством лодочников, а среди них выделялись венеты, жившие в Арморике (рис. 37). Страбон пишет:

После упомянутых племен следуют остальные племена бельгов, живущих на берегах океана; из них, во-первых, венеты, которые сражались с Цезарем в морской битве; они пытались помешать его высадке в Бреттании, владея портом на острове. Однако Цезарь с легкостью разбил их в морском сражении, не применяя таранов (так как доски их кораблей были очень толсты); когда же венеты неслись на него подгоняемые ветром, римляне срывали их паруса при помощи копий с серповидным наконечником, ибо паруса у них из-за сильных ветров были кожаные и вместо канатов натянуты на цепях. Свои корабли на случай отливов венеты строят с широким дном, высокой кормой и высокими носами из дубового дерева, которого у них очень много; поэтому они не сбивают плотно пазы досок, оставляют щели, однако конопатят их морским мхом, чтобы дерево не высыхало из-за недостатка влажности при вытаскивании кораблей на сушу, так как морской мох по природе более влажен, а дуб сухой и несмолистый» (Страбон IV, IV, 1).

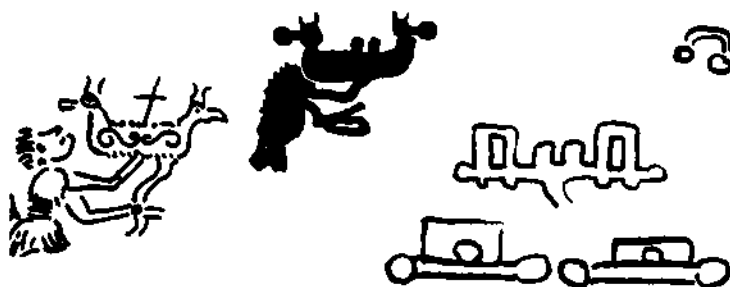

Рис. 37.
Изображения
лодок
на галльских
монетах

Из слов Страбона вырисовывается любопытная картина, отражающая методы кораблестроения по крайней мере одного кельтского племени. У нас есть и другие свидетельства о кельтском искусстве мореплавания и постоянном использовании морских перевозок. Пиктский флот славился в первые века христианской эпохи, и у нас нет причин полагать, что до той поры дело обстояло иным образом. Уэйнрайт пишет: «Совершенно ясно, что пикты составляли значительный фактор на северной политической сцене. Они обладали

чрезвычайно мощным флотом, что говорит об искусстве мореплавания, знакомстве с морем и знании кораблестроения».

Таким образом, наши данные о кельтских дорогах нельзя назвать удовлетворительными; тем не менее наличие оживленных рынков и торговых центров по всей Европе и на Британских островах в доримскую эпоху подразумевает существование каких-то достаточно хорошо обустроенных дорог. Об этом же свидетельствует и широкое распространение колесниц. Ирландские законы, содержащие самые архаичные аутентичные письменные свидетельства о кельтском образе жизни, производят сильное впечатление и свидетельствуют о том, что строительство и содержание дорог составляло важнейший предмет общественной заботы. Обсуждая вопросы расположения кельтских ремесленных мастерских и региональных школ кельтского искусства в Британии, Фокс показывает, что некоторые древние пути использовались кельтскими художниками и торговцами. Размах торговли и перемещение товаров определенно говорят о существовании надежных маршрутов. Однако, по словам Фокса, «к сожалению, в этой проблеме, как и во многих других, остается множество „если“. Например, значительного размаха в то время должна была достигать межплеменная торговля, но нам неизвестны ее основные центры».

Археологические данные пока еще не могут помочь нам в исследовании кельтских дорог до возникновения превосходно организованной римской дорожной сети. Впрочем, учитывая тот факт, что римские храмы и впоследствии христианские святилища обычно возводились на развалинах языческих храмов, мы можем предположить, что римляне строили по крайней мере некоторые свои дороги поверх древних путей, которые, как показал опыт их предшественников, служили самыми эффективными и практичными маршрутами для торговли и перевозок в целом. Следы древних дорог сохранились, например, в тех случаях, когда они проходят через кладбища. Погребальные пути всегда обладали большим значением и отмечались такими ориентирами, как курганы, и по сей день их можно различить по грядам камней, на которых устанавливался

гроб с останками почившего. Путешествия и перевозки совершались на колесницах, на четырехколесной повозке, на лошади, с вьючной лошастью или пешком; использовались лодки различных типов, важную роль играли водные перевозки. Мосты, по всей видимости, были простейшего деревянного типа.

Как мы уже отмечали, религия пронизывает все проявления повседневной жизни кельтских народов, и ни один из аспектов деятельности кельтов не был полностью освобожден от религиозного содержания. Во всех сферах кельтской жизни так или иначе присутствуют волшебство, суеверия, а также огромный сонм богов и богинь, предьявлявших смертному человеку свои требования и наделявших его своими наградами в обмен на дары и подношения. Рассматривая природу торговли и маршруты, задействованные в обмене товаров, а также факторы, определявшие расположение кельтских мастерских в Британии, и причины благосостояния иценов в Восточной Англии, Фокс пишет: «Существует и другая возможность. Она состоит в том, что друидическая иерархия могла организовать перевозку золота по вышеупомянутому маршруту, прежде всего для собственных ритуальных целей; если это действительно так, это предположение может послужить частичным объяснением того, почему отдаленный остров Мона стал центром этого британского культа. Из этого также следует, что порт, в котором сосредоточилась торговля золотом с континентом, находился в Норфолке. Фанатичное сопротивление Риму, продемонстрированное ужасными сценами, происходившими на Англси в 59 году н. э., когда легионеры под руководством Светония уничтожали священные рощи, жрецов и верующих, в таком случае было обусловлено экономическими мотивами в той же мере, что и мотивами религиозными и политическими».

Укрепления

Требования торговли и внутреннего хозяйства, а также военные нужды привели, как мы видели, к необходимости обустройства торговых маршрутов и дорог.

Домашняя жизнь требует строительства жилищ, а военное дело предполагает возведение укреплений и оборонительных сооружений. То обстоятельство, что кельты были изумительными фортификаторами и что укрепленные городища, настоящие замки, составляют одну из самых характерных и важных черт их материальной культуры, лишний раз говорит о том, какую важную роль в их повседневной жизни играла война. Пока что мы располагаем гораздо большим количеством сведений о кельтских укреплениях на всех этапах кельтской истории, чем об их домах и домашнем бытоходе. Кельты, в отличие от своих средиземноморских соседей, никогда не придавали большого значения постоянному поселению и сложному устройству домашнего быта, к которому приводит постоянное место жительства. Различные архитектурные ухищрения и планировку городского типа они переняли от римлян в очень поздний период. Однако в древние времена беспоконные, странствующие кельты, обладавшие мобильной племенной организацией и отличавшиеся агрессивным обидчивым характером, нуждались прежде всего в укрепленных местах, а не в богатых домах. Такие места были необходимы, в то время как богатые дома были избыточными.

Кельты строили укрепления, служившие временными убежищами, которые были защищены частоколами или валами и рвами и использовались по большей части во времена общих переселений, и замки, предназначенные для постоянного использования. Поначалу замки строились на вершинах холмов, что обеспечивало еще большую защиту, но незадолго до первых контактов с римлянами кельты начали возводить также большие «города», или оппидумы, на равнинах или в долинах рек.

Оборонительные укрепления включали в себя несколько различных элементов: простой частокол; вал и ров — один или несколько; стену и ров; одну лишь стену. Стены часто представляли собой простую сухую каменную кладку. Иногда их укрепляли бревнами. Цезарь столкнулся с особой формой укреплений, получившей название «галльская стена» (*muris gallicis*) (рис. 38). В некоторых случаях к внутренней стороне

стены пристраивались деревянные дома; и когда они загорались случайно или преднамеренно или когда нападающие складывали перед стеной хворост и поджигали его, часто случалось так, что начинала гореть вся стена, а жар, усилившийся в межстенном пространстве, плавил камни и превращал их в стеклообразную массу.

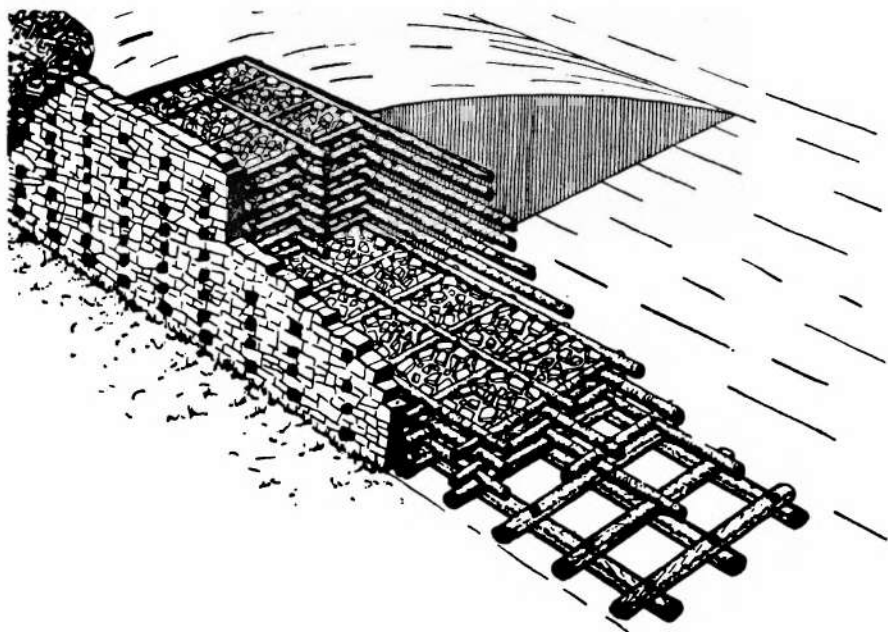

Рис. 38. «Галльская стена», настоящее галльское укрепление конца II и первой половины I в. до н. э. В лицевой стороне стены видны лишь концы деревянных балок

Размеры кельтских укрепленных поселений чрезвычайно разнообразны. В кельтском мире можно было встретить как укрепления, построенные для одной семьи, так и целые города, занимавшие площадь в сотни акров. Самые протяженные ограды относятся к самому позднему периоду. Например, в Бибракте под Отеном галльская стена тянулась примерно на 5 километров и охватывала площадь в 335 акров. Любопытно сравнить

эту стену со стеной гомеровской Трои, окружавшей территорию площадью менее пяти акров. На огороженном пространстве в Бибракте находились здания, по большей части прямоугольные, и улицы, говорящие о влиянии средиземноморских образцов. Некоторые из раскопанных археологами зданий оказались мастерскими эмальеров. Большой оппидум в Манхинге (Бавария) является еще одним примером, свидетельствующим о том, каких размеров могли достигать эти поздние кельтские равнинные замки.

Замки, большие и маленькие, ранние и поздние, обнаруживаются на широких просторах Европы. Античные писатели отмечали их присутствие в Галатии (современная Западная Турция), но пока что археологи не выявили там их следов. В восточной части кельтского мира, например в Зависте в Чехословакии, есть замок площадью 80 акров. В Британии в некоторых областях обнаружены белгские оппидумы, из которых мы можем выделить Камулодунум (Колчестер), Веруламиум (Сент-Олбэнс) и Каллеву (Силчестер). Более ранним периодом датируются такие знаменитые замки, как Мейден-Касл (Дорсет), занимающий 45 акров, Трапрейн-Лоу (Ист-Лотиан) площадью в 40 акров и Стенвик (Йоркшир), который на последней стадии своего существования достиг площади в 850 акров. Валы и рвы, окружавшие Стенвик, тянулись более чем на 6 миль. Пиггот утверждал, что это укрепление служило убежищем для пастушеского племени с большими стадами, требовавшими защиты от нападений.

В регионах, не испытавших римского влияния, сооружение замков продолжалось длительное время. Деревянный замок в Бергхеде (Мори) недавно был датирован V веком н. э.

Замки составляли неотъемлемую часть повседневной жизни ирландских кельтов, как и остальных кельтских народов. Похоже, существовало профессиональное сословие или гильдия строителей фортов, и это предположение подтверждается данными ирландских текстов. Грэм показал, что об этом же свидетельствуют брохи (*broch*) — примечательные круглые жилища с толстыми, но полыми стенами. 600 брохов отмечено

на территории современной Шотландии (рис. 39). Грэм пишет: «Технический стандарт каменной кладки броха столь высок, что приводит нас к заключению, что работа производилась профессионалами». Литературные источники подтверждают археологические данные, говорящие об огромных количествах дерева, использовавшихся при возведении замков. Замок короля Бруде в Инвернесе, например, якобы имел раздвижные

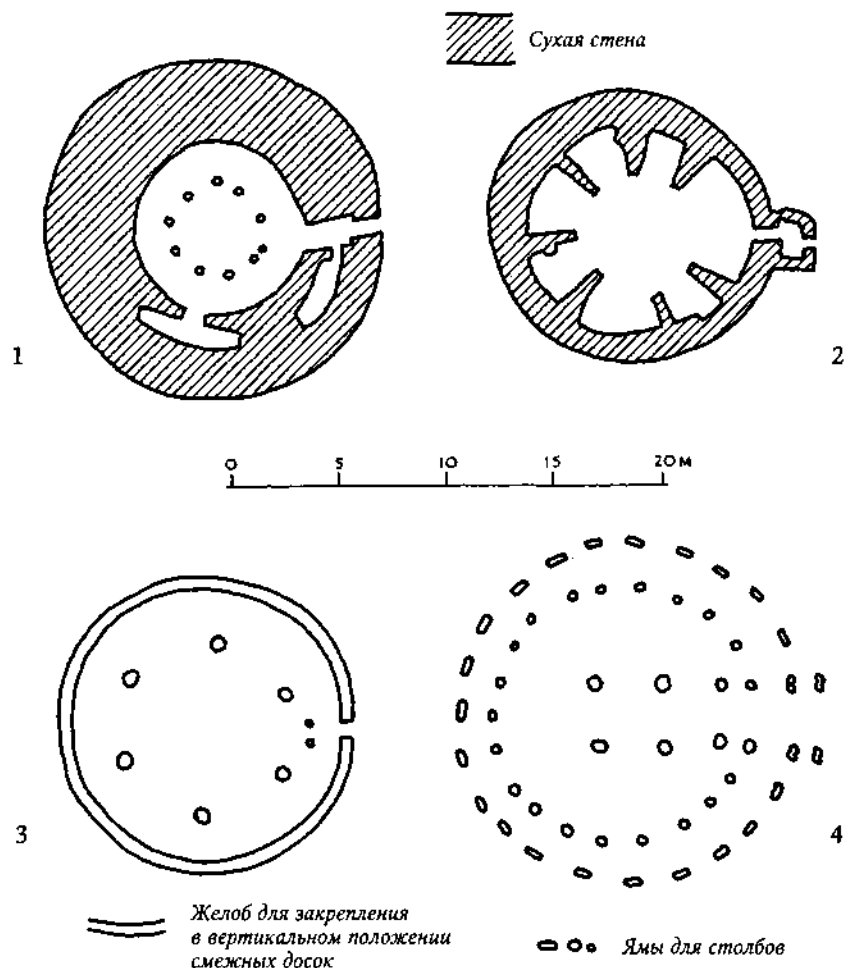

Рис. 39. Планы четырех типов круглых домов

1 — брох, Дун-Троддан, Инвернессшир; 2 — колесообразный дом, Ярлсхоф, Шетланд; 3 — Хэрхон, Пиблсшир; 4 — Литтл-Вудбери, Уилтшир

ворота. В Таре, большой укрепленной резиденции ирландских королей, были ворота и привратники. Замки принадлежали королям и высокопоставленным вельможам; многие укрепления были невелики размером. Дворец ирландского вождя окружался защитным валом с дорожкой и частоколом. Это также подтверждается археологическими находками.

Перед фортом устраивалась площадка для парадов (*faithche*), на которой проводились военные учения, упражнения и игры. В ранней ирландской саге «Изгнание сыновей Уснеха» говорится, что: «Как-то раз гулял Найси один на земляном валу». Таким образом, укрепления составляли важную черту кельтского образа жизни, простые сооружения, характерные для раннего этапа, развивались и становились все более сложными на протяжении латенского периода, все больше поддаваясь средиземноморскому влиянию и заимствуя его архитектурную традицию. Кроме того, к более тщательному обустройству защитных сооружений кельтов подталкивала агрессивная политика и осадная тактика римлян, которые несли с собой гораздо большую угрозу, чем межплеменные раздоры.

Дома

Кельтские дома были четырехугольными или круглыми; в докельтский период (период полей погребальных урн) четырехугольные дома пользовались большой популярностью и преобладали в галлыштаттскую и латенскую эпохи. Круглые дома распространились в западном европейском мире, в Испании и Португалии, и возводились вплоть до периода римского завоевания. Круглый дом также обнаруживается в Британии и в Ирландии со времен Бронзового века, и все данные говорят о том, что такой тип домов в сущности составлял атлантическую строительную традицию. В ирландских текстах мы находим упоминания о прямоугольных зданиях, но, судя по всему, они относятся к сооружениям ритуальной природы, тогда как круглые дома представляли собой обычные жилища; впрочем, прямоугольную форму имел большой зал. Археологи не

нашли круглых домов в Европе к востоку от Рейна. Страбон пишет о белгах: «Что же касается их домов — больших и куполообразных, — то они строят их из досок и плетней, набрасывая наверх массу тростника» (Страбон IV, IV, 3). Описание Страбона, по-видимому, подтверждается находками круглых домов на Британских островах. Одним из наиболее известных примеров является дом в Литтл-Вудбери (см. рис. 39). Таким образом, в Центральной Европе четырехугольные дома в конечном итоге восходят к неолиту, в то время как на атлантическом побережье традиция строительства круглых домов уходит корнями в Бронзовый век. Такие дома представляли собой постоянные жилища, строились из дерева и укреплялись столбами. В Центральной Европе до сих пор не найдено ни одного образца сооружений подобного типа.

Внутренний интерьер этих кельтских домов, вероятно, был в высшей степени грубым, и все наши данные говорят о том, что хотя кельты уделяли много внимания личным украшениям, их вовсе не смущала скромность их жилищ. Очаг располагался посреди помещения, а дым вылетал через отверстие в потолке. Над очагом к поперечной балке подвешивался большой котел, в котором кельты варили пищу в том случае, если не жарили ее на вертеле (рис. 40). Хлеб использовался в небольших количествах знатью; рыбу варили или жарили. Афиной, цитируя Посидония, упоминает о гастрономических вкусах кельтов, которые хорошо подтверждаются ранними ирландскими текстами:

«Пища их состоит из небольшого количества хлеба в сочетании с большим количеством мяса, вареного или поджаренного на углях или на вертеле... Живущие близ реки или неподалеку от Средиземного моря и Атлантики вдобавок едят рыбу, добавляя соль, уксус и тмин».

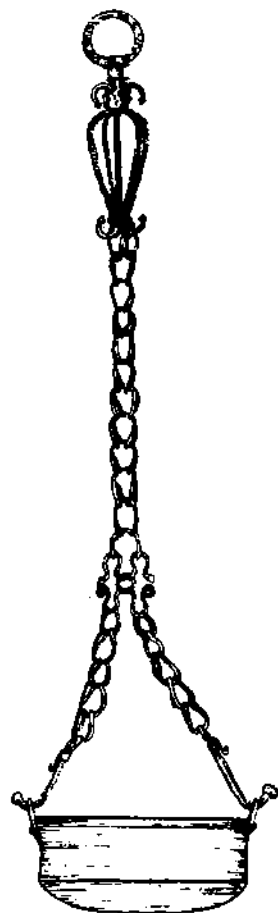

Рис. 40. Котел, подвешенный над очагом на железной цепи

Вокруг стен этих домов, как мы можем судить по описаниям ирландских домов, располагались отделения, называвшиеся *imdae*, представлявшие собой маленькие помещения, в которых занимались различными делами члены семьи. Предположительно, они отгораживались от главного зала кожаными или плетеными ширмами, когда требовалось уединение. Если считать достоверными античные наблюдения по поводу галльских спальных обычаев, люди спали вместе в этих помещениях, несомненно, часто на голом полу. Диодор Сицилийский пишет: «В обыкновении у них спать прямо на земле на звериных шкурах, перекатываясь вместе с возлюбленными, которые находятся и с той и с другой стороны» (Диодор V, 32).

Типичный диаметр круглого дома Железного века составлял примерно 50 футов. Внутренние помещения, должно быть, отделялись деревянными или плетеными перегородками*. В так называемых колесообразных домах западных островов Шотландии (см. рис. 39) перегородки делались из камня, так как дерево было редким товаром на западе: таким образом, комнаты отгораживались каменными простенками. Сообщения, которые мы находим в самых ранних ирландских сагах, в поразительной степени соответствуют информации, предоставленной античными писателями и данными археологии. Дом кельтского вельможи был довольно солидным зданием, окруженным укрепленной оградой, за которой располагалась площадка для сбора (*faithche*), которая служила одновременно домашним пастбищем и полем для спортивных игр и военных упражнений. Внутри ограды размещалась резиденция короля или вельможи и остальные деревянные здания: жилища слуг, служебные помещения и так далее. Основная часть ирландского дома состояла из дерева, использовались также планки и плетенка, крышу крыли щепой или соломой. Дом поддерживался столбами,

* В Гленмористоне (Инвернессшир) Босуэл, путешествуя с доктором Джонсоном по Хайленду, отмечает: «Дом был построен из толстых кусков торфа, а крыша покрыта более тонкими кусками торфа и вереском. В ней было три комнаты и маленькая комната, которая выдавалась... стены были обшиты досками с прекрасно сплетенными ивовыми прутьями».

часто покрытыми резьбой, и они представляли прекрасный материал для искусных кельтских художников. Снаружи были большие ворота и комната привратника, который следил за посетителями и смутьянами. Роль сторожа всегда подчеркивается в сагах; ничто не происходило без его наблюдения. Ворота закрывались на закате; это делалось даже в домах простых свободных общинников, ведущих ремесленников и т. д.

Когда король Конхобар, дядя Кухулина, отправляется погостить к кузнецу Кулану, Кухулин, в то время еще маленький мальчик, говорит, что он останется, пока не закончит игру с детьми в Эмайн Махе, а затем придет в дом Кулана: «По следам воинов, лошадей и колесниц отправлюсь я». Конхобар приезжает к Кулану раньше Кухулина, его сопровождает большое количество спутников, которое закон разрешал королю брать с собой в подобных случаях: «Принял Кулан короля, и никто не был обойден почестями согласно его рангу, занятию, праву, деяниям и благородству. Свежие циновки из тростника постелили гостям, и принялись они пить да веселиться». Когда Кулан выясняет, что больше никто не приедет — ибо король позабыл о своем юном племяннике, — он спускает своего могучего сторожевого пса, охранявшего дом; пес бежит вокруг ограды: «Спустили пса с цепи и, быстро obeжав окрестности, направился он к холму, где обычно лежал, сторожа дом, и улегся, положив морду на лапы». Когда Кухулин подходит к дому Кулана, пес нападает на него, и мальчик убивает его голыми руками; это один из его величайших подвигов, ибо благодаря ему он получает имя, заслужить которое должен каждый герой. Это происходит таким образом: король слышит собачий лай, вспоминает про мальчика и говорит:

«**О** воины, лучше б и вовсе не быть нам на этом пиру!» „Отчего же?“ — воскликнули разом улады. „Да ведь сгубил сейчас пес того мальчика, что решил идти следом за нами, сына моей сестры, Сетанта, сына Суалтайма“. Немедля вскочили улады, и, хотя двери дома были отворены, все устремились в поле за ограду».

Когда кузнец увидел, что случилось, он очень опечалился из-за смерти пса: «Лучше бы вовсе не звать мне вас в дом да не потчевать питьем и кушаньями, ибо отныне добро мое равно что пустошь, а припасы уж не пополнятся. Верного слуги лишили вы меня, что стерег стада и отары моего скота». Тогда мальчик вызвался сторожить владения Кулана вместо пса до тех пор, пока не вырастет щенок погибшей собаки. Услышав это, друид Катбад сказал: «Отчего бы теперь не носить тебе имя Кухулин?». Мальчик соглашается и меняет свое прежнее имя Сетанта на героическое Кухулин (Похищение, с. 155–158).

Это одно из множества реалистических описаний жизни, привычек и домашнего обихода древних ирландцев, прекрасно согласующееся с данными других источников информации. Таким образом, в Ирландии, как и в Британии, социальной единицей по большей части являлась изолированная усадьба с защитными укреплениями и служебными зданиями, а не деревня с прямоугольными домами, как в Центральной Европе. Британский и ирландский тип домашнего хозяйства был практически неизвестен в Европе в галльштаттский и латенский период.

Вернемся к рассмотрению интерьера кельтского дома; аристократы обедали каждый в своем помещении в окружении слуг и избранных спутников. Они могли обозревать остальную часть зала и таким образом участвовать в общих развлечениях: слушать музыку, чтение стихов и саг, наблюдать за выступлениями жонглеров и так далее. Их охраняли собственные воины. Афиней, цитируя Посидония, описывает подобную обстановку:

«Кельты сидят на сухой траве, а пищу им подают на деревянных столах, лишь немного поднимающихся над землей... когда же пирует большое число людей, они садятся в круг, в центре которого сидит самый влиятельный человек, как бы в роли корифея хора, превосходит ли он остальных в боевом искусстве или в знатности рода или в состоянии. Рядом с ним сидит хозяин, и далее, по обе стороны, остальные согласно своим отличиям. Их щитоносцы стоят

за ними, а копейщики располагаются в кругу на противоположной стороне и пируют вместе, как и их господа».

Это описание поразительным образом согласуется с ирландским отрывком, который мы только что рассмотрели, в котором говорится, что тростник и трава расстилаются в доме Кулана для короля и его спутников и что люди рассаживаются, как и говорит Афиней, согласно своим заслугам. Конечно же, должны были существовать определенные различия в размещении гостей, особенно в свете противопоставления прямоугольных и круглых домов. Предметов мебели было совсем немного, а в доримскую эпоху кельты не использовали даже стульев, по крайней мере для еды. Античные писатели упоминают о сундуках. Некоторые данные позволяют предполагать, что ирландские дома строились в два этажа. Верхний этаж занимала комната и балкон с ограждением, выдававшийся наружу и носивший название *grianán*, «солнечный покой». Там жили женщины, занимавшиеся шитьем и болтовней вдали от своих обидчивых шумливых мужей. В загадочной повести «Пир у Брикriu», которую можно датировать VIII веком н. э., рассказывается, что Брикriu построил роскошный дом, в который пригласил Конхобара и уладских героев. Брикriu предстает в роли злобного интригана и обязуется не присутствовать на собственном празднике. Он строит солнечный покой с окнами, чтобы иметь возможность наблюдать, что происходит в зале. Один из самых забавных эпизодов в этой замечательной саге, занимающей в Ульстерском цикле второе место по объему после «Похищения быка из Куальнге», повествует о ссоре напившихся женщин, спорящих о том, кто из них превосходит всех остальных красотой, мудростью и красноречием. Когда три женщины произнесли речи, восхваляя достоинства своих супругов, трое мужей, разгоряченных крепкими напитками, вырывают столбы дома, чтобы впустить обратно покинувших дом женщин. Кухулин просто поднимает ту часть дома, в которой он находится, и его жена, а за ней и остальные женщины проникают обратно. Когда Кухулин возвращает стену

на прежнее место, весь дом сотрясается и солнечный покой обрушивается наземь. Несмотря на курьезность ситуации, описание дома и его легковесности, а также расположение солнечного покоя, судя по всему, отражает подлинную традицию постройки зданий Железного века.

Глава IV

**ИГРЫ И ОХОТА,
МУЗЫКА
И РАЗВЛЕЧЕНИЯ,
ЕДА И ПУТЬЕ**

Ы РАССМОТРЕЛИ ПРЕДМЕТЫ, ФОРМИРОВАВШИЕ ОБЩИЙ ФОН кельтской повседневной жизни: внешний облик, своеобразную одежду и личные украшения, способы ведения войны и использовавшееся оружие, дороги и водные пути, жизненно важные для экспансии и завоеваний, для торговли и путешествий, а также укрепления, в которых кельты оборонялись от врагов, и дома, в которых они вели свою семейную жизнь. Как проводили время кельтские знатные мужи, когда они не воевали? В «Похищении быка из Куальнге» о времяпрепровождении короля Конхобара говорится:

Ибо вот как текли дни Конхобара с тех пор, как он стал королем. Лишь только поднявшись, решал он дела королевства и всякие споры, остаток же дня разделял на три части: сперва наблюдал он забавы и игры юнцов, затем принимался играть в брандуб и фидхелл, а уж под вечер, пока всех не охватывал сон, вкушал он напитки и яства под навевающую дремоту музыку» (Похищение, с. 150).

Настольные игры и словесные игры

Конечно, в этом отрывке описывается жизнь короля, но именно так протекал типичный день из жизни любого высокопоставленного мужа Железного века

в мирное время. Игры составляли важную часть социальной жизни язычников-кельтов. Благородные мужи часто развлекались настольной игрой, носившей название *fidchell*, «знание дерева»; в валлийских легендах ее называют словом *gwyddbwyll*, имеющим то же значение. Это не шахматы в том виде, в котором мы их знаем, но, по-видимому, в фидхелл входило два набора фигурок, располагавшихся в определенном порядке на игровой доске. Иногда игра велась исключительно для забавы, иногда ставки были чрезвычайно высоки, как в саге «Сватовство к Этайн». В этой мифологической повести богиня Этайн, жена бога Мидира, подвергается череде перевоплощений, пока она наконец не возрождается в образе Этайн, дочери знатной женщины из Ульстера. К ней сватается Эохайд Айрем, король Ирландии, и женится на ней; она возродилась через одну тысячу и двенадцать лет после своего первого рождения, когда она была дочерью бога Айлилля. Мидир все еще хочет вернуть себе жену и приходит к ней в облике Айлилля, брата Эохайда, заболевшего от любви к Этайн. На третью ночь Мидир рассказывает Этайн, кто он такой и кто она, а также об их прошлой связи, которую он хочет восстановить. Она отказывается уйти с ним без согласия супруга. Однажды Эохайд поднимается на вал Тары, своей резиденции, и видит, что к нему приближается великолепно одетый человек. Это бог Мидир. «Я не знаю тебя», — говорит король. «Зато я тебя знаю», — отвечает незнакомец. Затем Мидир достает превосходную «шахматную» доску из серебра с фигурками из золота. Он предлагает королю сыграть с ним и проигрывает. После проигрыша он отдает королю 50 серых лошадей с прекрасной упряжью. На следующее утро с восходом солнца Мидир вновь появляется на том же месте, и они играют еще раз. Эохайд вновь побеждает, и Мидир опять отдает ему богатый выигрыш. Это повторяется три раза, и каждый раз король торжествует победу. Однако в четвертой игре ставки должен назвать победитель после окончания партии. Конечно же, побеждает Мидир и требует, чтобы ему позволили обнять и поцеловать Этайн. Эохайд соглашается и просит Мидира вернуться через «один месяц считая с этого дня». В этот день он собирает всех своих воинов и приказывает

запереть двери. Но это не помогает; Мидир все равно появляется в пиршественном зале во всем своем блеске. Он подходит к Этайн и обнимает ее:

«Тут он взял оружие в левую руку, а правой обнял Этайн и унес ее с собой через отверстие в крыше дворца. Устыдились тогда воины и окружили своего короля. Потом увидели они в небе над Тарой двух лебедей...» (Предания, с. 72).

В «Видении Ронабви», одной из самых причудливых и загадочных повестей «Мабиногион», в фидхелл играют Артур с Оуэном. Артур говорит Оуэну: «Оуэн, сыграешь ли ты в gwyddbwyll?». «Сыграю», — сказал Оуэн. И рыжий слуга принес Артуру и Оуэну gwyddbwyll, состоящий из «золотых фигур и серебряной доски».

Они начинают играть, после чего случается ряд необычайных событий; Оуэн хочет прекратить игру, пойти и посмотреть, что происходит, но Артур раз за разом повторяет, не обращая никакого внимания на происходящее: «Играй».

Кельты играли и в другую настольную игру, известную под названием *brandub*, «черный ворон». Фигуры для игры и игральные кости были недавно обнаружены при раскопках белгского захоронения в Велвин-Гарден-Сити.

Некоторые разновидности настольных игр пользовались большой популярностью и, несомненно, помогали скоротать долгие вечера. Поощрялись и дворовые игры. Подобно современным школьным регбийным командам, родные и приемные дети знати учились играть с ранних лет. В таких играх особенно выделялся герой Кухулин. Прекрасное описание его спортивного снаряжения мы находим в «Похищении быка из Куальнге». Подобно Килоху в «Мабиногион», отправившемуся на поиски двора короля Артура, чтобы остаться при короле, Кухулин против воли своей матери отправляется в Эмайн Маху, чтобы стать членом королевского двора, ибо король Конхобар был братом его матери:

«Вскоре пустился он в путь, собрав все, что нужно для игр. Взял он свою бронзовую палицу для бросков и серебряный шар, свой маленький дротик для

Глава IV

Игры
и охота,
музыка
и развлечения,
еда и питье

метания и детское копьё с закаленным на огне острием и, чтобы скоротать путь, принялся играть с ними. Сперва ударом палицы далеко отбрасывал он серебряный шарик, а затем туда же бросал и саму палицу. Метал он свой дротик и копьё, играя бросался за ними, поднимал палицу, шарик и дротик и успевал ухватить копьё за древко, прежде чем втыкалось оно в землю».

Так, беззаботно отрабатывая приемы, будущий герой держит путь к своему дяде Конхобару, чтобы попытать счастья при королевском дворе. Когда Кухулин приходит в Эмайн Маху, он видит, что дети придворных играют в керлинг; Кухулин не обращает внимания на запрет, гласящий, что каждый пришедший на их площадку для игр сначала должен заручиться их защитой. Они все нападают на него, но он быстро справляется с напавшими и побеждает 150 юношей. Пока Кухулин сражается с юношами, Фергус играет в фидхелл с королем. Игральная доска называется *Cendchaem*, «прекрасная голова». Мы вспоминаем, что особые имена носит оружие великих героев и богов. Судя по всему, считалось, что доска, как и оружие, обладает сверхъестественными силами.

В ранних повестях мы часто встречаем упоминания об игре, напоминающей керлинг, сходной с современной игрой «каман», в которую играют в шотландском Хайленде, и отдаленно похожей на хоккей. В эту игру играет Кухулин, когда его зовут сопровождать своего дядю к дому Кулана:

«Подошел он [Конхобар] к площадке для игр и не мог надивиться на то, что увидел: трижды пятьдесят юношей было у одного ее края и лишь один у другого, но всех превосходил он в бросках и метании в цель. А когда принялись они метать шары в цель — как издавна играли они на поле в Эмайн — и наступал их черед бросать мячи, а его — защищаться, все сто пятьдесят мячей ловил он, ни одного не пропуская к цели; если же сам он бросал, а они защищались, не зная промаха попадал он» (Похищение, с. 154).

Эта командная игра называлась *báire*; играющим нужно было попасть в ямку, вырытую в земле. В Британии мы находим два изображения людей, играющих или снаряженных для игры, сходной с керлингом или хоккеем. Одна фигурка, найденная в Кеттеринге и хранящаяся ныне в Британском музее, изображена на глиняной форме из римской печи. На ней мы видим обнаженного человека, держащего в руках палку, похожую на хоккейную клюшку, мяч и, вероятно, голову; он бьет по второму мячу (рис. 41). Другое изображение, также

Рис. 41. Фрагмент ритуальной короны из Хокволдкама, Уилтон, Норфолк. Форма из Кеттеринга, Нортгемтоншир

хранящееся в Британском музее, вырезано на пластине из ритуальной короны или диадемы, найденной в Хок-волдкам-Уилтоне, Норфолк. На ней изображен обнаженный человек, который держит перед собой в правой руке палку, похожую на хоккейную клюшку, а левой рукой поднимает мяч. Четыре мяча украшают углы пластины.

Охота

Кроме игры в фидхелл («шахматы») и брандуб и дворовых игр кельты увлекались охотой, которая служила им как развлечением, так и средством добычи пищи. Популярным времяпрепровождением была охота на птиц, в которой использовалась праща. В сагах мы встречаем множество фантастических описаний охоты на птиц. Некоторые из этих описаний (например, охота Конайре в саге «Разрушение дома Да Дерга») содержат очевидные мифологические черты. Матерью Конайре была Этайн, дочь Этайн, дочери Этер, а отцом — таинственная птица, которая могла по желанию принимать человеческий облик. Это существо сопровождала свита, состоявшая из таких же оборотней. Однажды Конайре, играя со своими молочными братьями, соскучился и начал искать других развлечений:

Потом оставил он братьев играть, повернул колесницу и пустился в дорогу. У Ат Клиат заметил он вдруг огромных птиц с белыми пятнами, невиданной красоты и цвета. Бросился за ними Конайре и скакал, покуда не истомились его кони. И все это время не подпускали его птицы на бросок камня, но и не улетали дальше. Сошел тогда Конайре на землю и достал из колесницы свою пращу. Двинулся он вперед и подошел к морю, где опустились птицы на воду. Уже занес он руку, но тут сбросили птицы оперение и предстали перед ним воинами с копьями и мечами» (Предания, с. 104).

Широкая популярность, которой пользовалась у кельтов охота на птиц, подтверждается также античными

писателями. Страбон пишет: «Есть у них еще одно деревянное оружие, похожее на „гросф“. Его бросают рукой, а не из петли, и оно летит даже дальше стрелы. Этим орудием они пользуются главным образом для охоты на птиц» (Страбон IV, IV, 3). Охотой на птиц развлекается единственный сын Кухулина, отправившийся на поиски отца и в итоге нашедший смерть от отцовской руки в трагической саге «Смерть единственного сына Айфэ». Ульстерские мужи стояли на берегу в Трахт Эйси, когда они увидели направляющуюся к ним бронзовую лодку. В ней сидел мальчик; он сбивал птиц прашой, не причиняя им вреда, а затем отпускал их на волю. Его отец проделывал подобные вещи в тот день, когда он впервые взял в руки оружие и проявил себя в бою. Кухулин возвращается в Эмайн Маху с отрубленными головами, живыми оленями и остальной добычей и видит, что мимо пролетает стая белых лебедей.

«- Что это там за птицы, о Ибар, — спросил тут Кухулин, — ручные они или вольные?»

— Это воистину вольные птицы, — сказал ему Ибар, — стая, что к нам прилетает со скал, островов и утесов огромного моря кормиться в поля и долины Ирландии.

— Что будет лучше, о Ибар, — спросил его мальчик, — живыми или мертвыми взять их нам в Эмайн?

— Уж верно живыми, — ответил возница, — ибо не каждый поймает свободную птицу.

Кинул тут мальчик в них маленький камень и сбил восемь птиц, метнул большой камень, и пало на землю шестнадцать... Тогда привязал Ибар птиц к оглоблям, веревкам, ремням, бечевам колесницы» (Похищение, с. 171–172).

В «Похищении быка из Куальнге» описывается случай, когда страсть Кухулина к птичьей охоте чуть не привела его к позору. Нат Крантайл, могучий воин, служивший королеве Коннахта Медб, отправляется на поединок с Кухулином; он презирует юношу и считает, что для победы ему хватит такого оружия, как

27 жердей из падуба, заточенных, заостренных и обожженных на огне*.

Прежде него успел Кухулин подойти к потоку, над неверными водами которого возвышались лишь девять жердей, с которых он все ж никогда не оступался. Метнул Нат Крантайл жердь в Кухулина, но тот наступил на ее острие. Вторую и третью жердь метнул Нат Крантайл в Кухулина, но с острия второй переступил Кухулин на острие третьей. Меж тем показалась над равниной стая птиц. Сам словно птица устремился Кухулин за ними в погоню, дабы не упустить их и заполучить себе на ужин» (Похищение, с. 197).

В этих отрывках отчетливо проявляется кельтское отношение к жизни и развлечениям. В сагах описываются напыщенным языком фантастические, великие подвиги легендарных героев-полубогов, и мы можем представить себе безыскусную радость, которую испытывали кельты, слушая рассказы про эти деяния и пытаясь подражать им в реальной жизни. Кельты охотились не только на птиц. Они считали кабана лучшим зверем для охоты, а свинину — лучшим угощением на пиру. Они охотились на свиней, ели их мясо и почитали кабана как магическое животное, принадлежащее Иному миру.

Во многих сагах основной сюжет повествования вращается вокруг охоты на кабана, и эта черта типична для всей кельтской традиции. По свидетельству античных писателей, кельты предпочитали свинину остальному мясу, о том же говорят и находки останков свиней в кельтских захоронениях. Описывая белгов, Страбон замечает: «Пища у них обильная, состоящая из молока

* Это описание напоминает о коротких деревянных копьях, которые, по словам Арриана, использовались в конных упражнениях; нечто подобное, возможно, можно усмотреть и в следующем отрывке из «Похищения»: «Из боевого оружия для битвы взял он свой меч светлоликий с рукоятью из кости и к нему восемь малых мечей; пятирогое взял он копье и к нему восемь маленьких копий; взял он свой деил клисс и восемь маленьких дротиков» (Похищение, с. 219).

и мяса разного рода, но главным образом из свинины, как свежей, так и соленой. Свиньи у них живут на свободе и отличаются величиной, силой и быстротой; они опасны для подошедшего к ним незнакомого человека и даже для волка» (Страбон IV, IV, 3). Охота на огромного сверхъестественного кабана стала основной темой нескольких саг в ранней ирландской и валлийской традициях. В повести о Килохе и Олвен в «Мабиногион»^{*} рассказывается о погоне за громадным таинственным кабаном по имени Турх Труйт, который на самом деле является заколдованным принцем. В ирландской традиции аналогом Турха Труита является Орк Трейт. Молодой Килох, родич Артура, хочет жениться на Олвен, дочери великана Исбаддадена, «Повелителя Великанов». Но, прежде чем получить ее в жены, он должен выполнить множество сложнейших заданий, требующих от исполнителя нечеловеческих усилий, и одним из таких заданий является ловля магического кабана. Великан говорит ему: «В целом мире нет гребня и ножниц, что могли бы справиться с моими жесткими волосами, кроме тех, что спрятаны между глаз Турха Труита, сына Тарета Вледида, Великого кабана. Он не отдаст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению» (Маб., с. 75). Килох совершает множество почти невыполнимых подвигов, к которым его принуждают условия великана, и валлийские воины отправляются за море в Ирландию, где обитает чудесный кабан.

«Впереди себя он [Артур] пустил собак, и они подняли Турха Труита, и в этот день с ним сражались ирландцы, и он опустошил пятую часть Ирландии. На другой день с ним сражались воины Артура и не смогли его одолеть. На третий день с ним сражался сам Артур, и бился девять дней и девять ночей, и смог убить только самую маленькую свинью. Его

^{*} Конечно, «Мабиногион» нельзя считать первичным источником информации об обычаях кельтов языческих времен; однако в этих повестях можно найти следы того состояния дел, которое было характерно для языческой эпохи, и это заставляет нас со вниманием относиться к их свидетельствам и по возможности рассматривать их в более широком контексте.

люди спросили, что это за свинья, и Артур ответил: „Это король, которого Господь превратил в свинью за его грехи“» (Маб., с. 83).

На чудесных кабанов, так же как и на простых земных свиней, охотились и в Ирландии. В одной из саг повествуется об охоте на легендарного кабана из Формазля.

Таким образом, кабан был излюбленной дичью кельтской аристократии, а в местных традициях мы находим множество упоминаний об охоте на свиней, настоящих и сверхъестественных. Охотились кельты и на оленей. В одном отрывке из «Похищения быка из Куальнге» Кухулин проявляет свою магическую власть над животными, прежде чем сбить пращей лебедей и возвратиться с ними в Эмайн Маху:

«Вдруг заметили они стадо диких оленей.

— Что там за звери, о Ибар, — спросил его мальчик, — ручные они или дикие?

— Воистину то дикие олени, — ответил Ибар, — стадо, что бродит в чащобах у Слиаб Фуайт.

— Подхлестни же кнутом лошадей, — молвил мальчик, — чтоб смог я поймать одного-двух оленей.

Взмахнул кнутом возница, но не угнаться было за оленями раскормленным королевским лошадям. Спрыгнул тогда с колесницы Кухулин, ухватил двух быстроногих и сильных оленей и привязал их к оглоблям, ремням и веревкам колесницы» (Похищение, с. 170–171).

Охота является обычным времяпрепровождением и в валлийских легендах. Вот, например, описание охоты из «Мабиногион»:

«Король Пуйл правил семью частями Диведа. Однажды, находясь в своем дворце в Арберте, решил он выехать на охоту. Место, куда он собрался, называлось Глин-Кох. И той же ночью он отправился в путь. Добравшись до Ллойн-Диарви, он заночевал там, а на рассвете приблизился к Глин-Кох, пустил собак в чашу и протрубил в рог, объявляя начало охоты. Он устремился вслед за собаками, и его

спутники отстали; тут он услышал вместе с лаем своей своры лай других собак, доносившийся со стороны. И он выехал на лесную поляну и увидел там не своих собак, а чужих, преследовавших большого оленя. На середине поляны они настигли его и повалили наземь. Тогда Пуйл смог разглядеть этих собак, подобных которым он не видел никогда в жизни. Они были белы как снег, а их уши — красны; и белое и красное сверкало и переливалось. И он подъехал ближе, и отогнал собак от оленя, и увидел собственную свору» (Маб., с. 11).

Красноухие белые животные в кельтской традиции являются типичными представителями Иного мира, и они на самом деле принадлежат Арауну, королю Аннуна, Иного мира. В той же саге можно найти описание того, как Пуйл проводит год во дворце Арауна: «И год прошел в охоте, в песнях и празднествах и в веселье с придворными». Судя по всему, это краткое высказывание отлично характеризует жизнь кельтов благородного происхождения в те краткие промежутки времени, когда они не воевали и не занимались воинскими упражнениями.

Инструментальная музыка и пение

Кельты очень любили как инструментальную музыку, так и пение. На праздничных собраниях их развлекали арфисты и тимпанисты, а также барды, исполнявшие свой репертуар перед собравшимися. Изображение лиры, датируемое галльштаттской эпохой, можно увидеть на горшке из Шопрони в Венгрии (см. рис. 22). Иной мир, который являлся такой же естественной составляющей кельтской повседневной жизни, как и далекая страна, до которой можно добраться после долгого путешествия, славился сладостью и красотой музыки. Арфист Дагды, великого языческого ирландского бога, мог исполнять волшебную музыку и по желанию заставлять людей смеяться, плакать или погружаться в глубокий сон. Описания Иного

мира переполнены упоминаниями о музыке. Например, одна богиня соблазняет Брана отправиться в Иной мир и говорит ему: «Там нет ничего грубого или жестокого, есть только сладостная музыка, текущая в уши». В ирландской саге «Приключение Кормака» Кормак находится на валу Тары (обычная обстановка при встрече со сверхъестественными силами), когда он видит, что к нему приближается воин с веткой на плече, на которой висят три золотых яблока. Когда ветку трясли, она издавала столь красивую музыку, что под нее мирно заснул бы и раненый, и больной. Прекрасная музыка составляет неотъемлемую часть радостей Иного мира; музыку и празднества очень любили кельты и в реальной жизни. В саге «Болезнь Кухулина» Иной мир описывается следующими словами:

«Перед другой дверью, со стороны востока,
Стоят три дерева пурпурно-стеклянные,
Птицы на ветвях их сладким пением
Нежат слух детей дома королевского.
Посреди двора стоит дерево,
С ветвей его льется сладкая музыка.
Все из серебра оно, в солнечных лучах
Сияет оно, словно золото».*

В саге «Битва при Маг Мукриме» Ане, дочь Эогабула, выходит из сида (волшебного холма), играя на бронзовой лире. В той же саге два героя, Лугайд Мак-Кон и Эоган, идут к дяде Лугайда, Арту, сыну Конна. По пути они слышат музыку из зарослей тиса над водопадом. Они хватают музыканта и привозят его к Айлилию. Оказалось, что это Фер Фи, сын Эогабула. Айлиль заставил его играть. Фер Фи сыграл грустную мелодию, так что все заплакали, затем он сыграл веселую мелодию, которая привела его слушателей в веселье, сходное с истерическим смехом. Затем он сыграл дремотную песнь, и все вокруг заснули и проспали целые сутки. К тому времени, когда они проснулись, Фер Фи, естественно, исчез. Кельтские божества и обитатели

* Перевод по изданию: Исландские саги, ирландский эпос. М., 1973; пер. А. А. Смирнов. С. 644. Далее — ИрЭ.

Иного мира должны превосходить смертных во всех самых высоко ценимых кельтами достоинствах. Так как в кельтском мире рассказывание повестей было в высшей степени утонченным искусством, боги должны были быть превосходными рассказчиками; музыка также была (и остается) одной из любимых кельтских забав, и жители Иного мира должны уметь петь и играть лучше, чем любой из смертных. В саге, известной под названием «Разрушение Динн Риг» мы находим еще один пример использования музыки для погружения слушающих в сон. Крайптине, арфист Дагды, идет с Лабрайдом на восток, где Лабрайд ищет руки Мориа, дочери короля народа Фир Морка. Арфист играет сонную музыку, так что мать девушки, до сих пор неусыпно охранявшая свою дочь, забывается в сладкой дремоте. Таким образом, любовники получают возможность провести вместе ночь. На следующий день мать говорит своему супругу: «Поднимайся, о Скориа, — сказала она, — ибо во зло тебе сон. Запах женщины исходит от твоей дочери. Послушай, как вздыхает она после ухода возлюбленного» (Предания, с. 142).

В «Похищении быка из Куальнге» содержится любопытный отрывок, подтверждающий сверхъестественную силу арфистов:

«Тем временем пришли к ирландцам арфисты Кайнбиле из Эсс Руад, чтобы повеселить их, но подумали воины, что явились они от уладов следить за ними и долго с жаром гнались за арфистами, пока те не ускользнули от них, обернувшись дикими оленями у камней Лиа Мор. Ведь хотя звали их Арфистами Кайнбиле, были они сведущи в великом знании, предсказаниях и магии» (Похищение, с. 176).

Античные авторы также упоминают об этих развлечениях и музыкальных инструментах. Афиней, цитируя Посидония, говорит: «Их увеселители зовутся бардами. Это поэты, исполняющие хвалу в песне». Кроме того, вот что рассказывает о кельтах Диодор Сицилийский: «Есть среди них и поэты, слагатели песен, которых они называют „бардами“. Исполняя песни в сопровождении инструмента, схожего с лирой, одних

они воспевают, других порицают» (Диодор, V, 31). В ранних текстах упоминаются и другие музыкальные инструменты, например волынки, а остатки труб были найдены в ходе археологических раскопок.

Музыка, как инструментальная, так и вокальная, составляла важную часть кельтских общественных собраний; на некоторых календарных празднествах (например, на фестивале в Уэксфорде, проводившемся 1 августа каждые три года) устраивались музыкальные и поэтические состязания.

На празднествах, проводившихся на открытом воздухе, большой популярностью пользовались также конные скачки. Они находились под покровительством какого-либо эпонимического божества, обычно богини земли, тесно связанной с данной географической местностью. Например, богиня Маха дала свое имя королевской крепости, где она умерла при родах, произведя на свет близнецов после того, как она выиграла забег у королевских лошадей. Название «Эмайн Маха» толковалось как «Близнецы Махи». Любое нарушение божественного мира на крупных календарных празднествах немедленно каралось смертью. В ранних текстах мы встречаем также упоминания о присутствии на торжествах дураков и шутов, и очевидно, что шуты держались при дворах знати для увеселения собравшихся, когда ощущалась необходимость в менее серьезных развлечениях, не требующих умственного напряжения. Как ни странно, в ранних ирландских текстах мы не найдем описания танцев, но, конечно же, кельты, как и другие народы, должны были танцевать. В нашем распоряжении имеются три небольшие фигурки с континента, которые, как кажется, подтверждают наше предположение. Одна из них датируется галльштаттской эпохой и представляет собой изображение танцующей женщины (см. рис. 22). Две другие являются бронзовыми статуэтками из Неви-ан-Сюлли (Луара) и датируются галло-римским периодом. Одна из них изображает танцующую обнаженную женщину (рис. 42), а другая — танцующего обнаженного мужчину (рис. 43). Другая бронзовая фигурка из Сен-Лоран-де-Буа изображает еще одну обнаженную женщину, производящую танцевальные движения.

*Рис. 42. Бронзовая фигурка
танцующей женщины,
Неви-ан-Сюлли, Луара, Франция*

*Рис. 43. Бронзовая фигурка
танцующего мужчины,
Неви-ан-Сюлли, Луара, Франция*

Античные писатели проявляли очень большой интерес к этим аспектам кельтской жизни и оставили относительно их множество любопытных наблюдений; наклонность кельтов к выпивке производила неизгладимое впечатление на средиземноморский мир. Кельтская способность к неумеренному поглощению крепких напитков сохранилась на протяжении всей их истории и часто приводила к плачевным итогам (рис. 44). Например, Афиней, цитируя Посидония, говорит:

Они также используют тмин в своих напитках... напиток состоятельных классов составляет вино, завозимое из Италии или из области Марсея. Оно не разбавляется, разве что изредка в него добавляют немного воды. Низшие классы пьют пшеничное пиво, при изготовлении которого используют и мед, но большая часть пьет его так. Оно называется „корма“. Они используют обычную чашку, отхлебывая

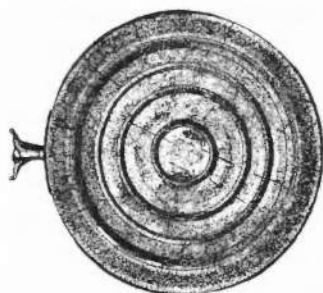

Рис. 44. Пивная кружка (и дно кружки) из Шепик-Хита, Сомерсет; ружка кружки из Травсвинидда, Мерионетр; ружка кружки из Уоддон-Хилла, Сток-Аббот, Дорсет

понежному, не более чем на один глоток, но делают это очень часто. Слуга подает чашку направо, а не налево».

Грандиозное празднество было устроено королем Луерием в Галлии. Вот достоверное свидетельство о подготовке пиров, чрезвычайно напоминающее сведения, которые мы находим в ранних кельтских текстах:

«...он установил квадратную ограду на полторы мили в каждую сторону, а внутри нее наполнил сосуды дорогими напитками и приготовил столь много еды, что много дней все желающие могли заходить и наслаждаться приготовленным пиром, а слуги обслуживали их без перерыва».

Подобные античные описания подготовки праздника и необычайно долгой продолжительности застолья равным образом приложимы к таким судьбоносным ирландским пирам, как «Пир у Брикриу», где мы узнаем, что Брикриу устроил пир для Конхобара, сына Несс, и всех уладов. Он целый год собирал еду и построил дом в Дун Рудрайге, как Луерий воздвиг для своего праздника огромную квадратную ограду. «Затем Брикриу подготовил долю героя: вскормленную молоком свинью; быка, которого кормили только молоком, травой и зерном, и 100 пшеничных хлебов, испеченных в меде». Афинея также упоминает долю героя, которая является неотъемлемой частью ирландских пиров: «И в прежние времена, когда подавалась задняя часть, храбрейший герой брал бедро, а если другой выдвигал на нее притязания, они поднимались и сражались в поединке до смерти». Диодор Сицилийский рассказывает: «Рядом с ними стоят жаровни с сильным огнем, на которых находятся котлы, а также вертела с целыми звериными тушами. Достойных мужей они чествуют, поднося им лучшие куски мяса...» (Диодор, V, 28). В истории о Ллудде и Ллевелисе в «Мабиногион» сходным образом описывается тщательно подготовленное празднество, и, хотя это поздний источник, в данном контексте нам кажется уместным процитировать из него некоторые отрывки: «И третьей напастью

было то, что в ту же ночь исчезали неведомо куда все запасы, хранящиеся в королевском дворце, пусть даже они были запасены на год» (Маб., с. 59). Празднество срывает сверхъестественное существо: король, стоящий на страже, видит, что «во дворец вошел человек громадного роста, богато одетый и вооруженный, неся с собой корзину. И он положил в корзину все приготовленные яства и напитки и собрался уходить» (Маб., с. 61). Этот человек обладает необычайными способностями, уже известными нам по ирландским текстам, ибо он «своей волшебной и колдовской погружает всех в сон». Он делает это «сладостным пением и музыкой».

Диодор Сицилийский, как и другие средиземноморские писатели, обращает внимание на обильное количество выпивки на кельтских трапезах и на неизбежно следующие за выпивкой ссоры. Женщины также принимали активное участие в пирях, и в саге «Пир у Брикриу» мы находим чрезвычайно занимательный эпизод. Здесь описывается, как жены героев покидают пиршественный зал со своими мужьями, «выпив много вина». Затем между ними возникает перебранка о том, кто из них больше всего выделяется своими добродетелями и привлекательностью, известная под названием «Перебранка уладских женщин».

На Британских островах кельты часто пили на праздниках вино, но на самом деле самым привычным алкогольным напитком было пиво (*cúirm*, галл. *corma*). Для его изготовления чаще всего использовался ячмень, но в ход шли также рожь, овес и пшеница. Сначала из зерна делался солод (*brac* или *braich*), затем его сушили в печах. Затем солод перерабатывали в сусло, добавляя воду, затем он бродил, его кипятили и процеживали до тех пор, пока не достигали желанного результата. Пиво часто варили для семейного употребления. Существовали и профессиональные пивовары, *cerbsire* (от латинского слова *cervisia*, *cervisarius*, которое также является заимствованием в латынь из галльского). Кельты пили также другие сорта пива и мед; имя богини Медб означает «опьяняющая» или «хмельная»; возможно, самым своеобразным кельтским хмельным напитком был мед. Бог, которому посвящен алтарь, обнаруженный в Дербишире и находящийся

сейчас в Хэддон-Холле, зовется Марс Бракиака, «Марс солода или пива». Различные алкогольные напитки изготавливались из ягод и т.д.; и хотя со временем типичным гэльским напитком стало считаться виски, первое упоминание виски в ирландских анналах относится к 1405 году. Его изготовление, естественно, зависело от использования дистиллятора, который был изобретен лишь в XII веке (рис. 45).

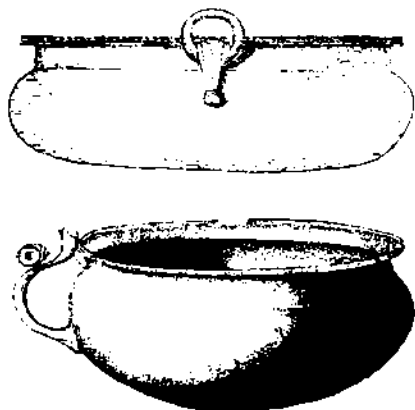

Рис. 45. Чашки — Кешкарриган, графство Лейтрим, Ирландия; Роз-Эш, Девон. Такие чашки могли использоваться как в домашнем обиходе, так и в ритуальных целях

По-видимому, кельты не имели поводов жаловаться на нехватку еды и питья; по крайней мере, это с уверенностью можно сказать о высших слоях общества. Благодаря широкому использованию соли они могли засаливать и хранить мясо скота, убитого осенью. Афиней говорит о малом количестве съедаемого хлеба наряду с большим количеством мяса, и это подтверждают ирландские тексты. На стол шла также рыба, ирландцы любили печь лосося с медом и травами, а Афиней, как мы уже видели, сообщает о рыбе, испеченной с солью, уксусом и тмином. В «Похищении быка из Куальнге» Кухулин говорит о дикой дичи и травах. Он говорит Фергусу:

«...ведь если случится над полем лететь стая птиц, будет твоим дикий гусь и половина другого в придачу. Рыбе ли в устье случится зайти, будет всегда тебе лосось да половина другого. Будет тебе и пригоршня водяного салата, да пригоршня морской травы, да пригоршня водяной травы» (Похищение, с. 191).

Возможно, упомянутая в этом отрывке морская трава является съедобными водорослями, до сих пор употребляемыми в пищу в Ирландии и на гэлоязычных островах Шотландии, сваренными с молоком и затем процеженными до желеобразного состояния. С этим можно сравнить и красные водоросли, которые ели в Южном Уэльсе.

Каша, как и хлеб, составляла важный второстепенный элемент кельтской диеты, как и молочные продукты — молоко, масло, сыр, творог. В «Похищении быка из Куальнге» говорится о Флидас (богиня лесов, как римская Диана), «той самой, что весь поход спала с Фергусом и каждую седьмую ночь утоляла молоком жажду любого ирландца, будь то король, королева и люди их рода, или поэты да мудрецы» (Похищение, с. 131). Говядина и свинина были любимыми блюдами на пирах. Страбон упоминает о них, когда говорит о белгах: «Пища у них обильная, состоящая из молока и мяса разного сорта, но главным образом из свинины, как свежей, так и соленой» (Страбон IV, IV, 3). Диодор Сицилийский сообщает о большом количестве вина, ввозимом в Галлию из Средиземноморья; он говорит, что оно транспортировалось «в повозках через равнины». Нечто подобное описывается и в ирландских сагах: «Не каждому уготовила Медб напитки, которыми потчуют Фер Баета, ибо всего пятьдесят повозок нагружены ими» (Похищение, с. 204). Если подумать, пятьдесят повозок — это вовсе не мало.

Однако, несмотря на изобилие еды, которым по сведениям античных авторов и ирландских текстов вволю пользовались кельты, они очень заботились о своей фигуре. Пузатых людей встречали насмешками, а Страбон был настолько поражен этим отношением, что замечает: «они стараются не разжиреть и не стать толстобрюхими, и юноша, который превышает по размерам норму — меру пояса, подвергается наказанию» (Страбон IV, IV, 5). Интересно, кто был ответственен за наложение такого наказания?

Глава II

**ЗАКОНЫ,
«СОРАЗМЕРНОСТЬ»,
УЧЕНИЕ
И ЛИТЕРАТУРА**

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ПОБУЖДАЕТ НАС перейти к рассмотрению законов, которые управляли жизнью кельтского общества. Ирландские законы представляют собой хранилище чрезвычайно древней и подлинной традиции; валлийские законы также играют важную роль в исследовании древних общественных установлений, но не отражают столь архаического состояния, как законы ирландские. Ирландские правоведческие трактаты в письменной форме восходят к VII веку н. э., но следует помнить, что за ними стоят столетия устной традиции, и все это позволяет нам предположить, что они были составлены на рубеже христианской эры или, вероятно, еще ранее. Античные писатели также оставили наблюдения, которые дают нам некоторое представление о том, какие законы управляли жизнью кельтского общества на континенте, и о его моральных устоях.

Кельтский «идеал» и кельтский образ жизни никогда не соответствовали друг другу. В идеале кельты всегда стремились к строгой классификации, к тщательному определению и установлению всех сфер жизнедеятельности. Если бы теории проводились кельтами в жизнь, возможно, их последующая судьба и история чрезвычайно отличались бы от того, что произошло на самом деле. Они сформировали бы сильные политические центры власти, организовали бы эффективное

управление; дезинтегрирующие силы, всегда появлявшиеся в кельтском обществе при давлении извне, не играли бы столь значительной роли. Прекратилось бы ослабляющее действие постоянных междоусобных войн. Прекратились бы катастрофические излишества в крепких напитках, неизбежно воздействующие на все устойчивое общества. Кельтский закон и кельтский «идеал» поведения следует воспринимать как высокие стремления, в действительности практически не имевшие отношения к реальной жизни.

Законы

Ирландские законы состоят из трактатов, язык которых был намеренно затемнен и переполнен техническими терминами. До 1920 года ни один правоведческий текст не был адекватно переведен. Эти трактаты были известны под названием «законы брегонов»; судья назывался *breitheamh*. Различные ученые в течение XIX века проложили путь для кропотливой работы, которая проводится современными учеными. В особенности следует отметить труды профессора Бинчи, крупнейшего специалиста в области правоведческих трактатов. Его работа делает для нас доступной чрезвычайно важную и интересную информацию о раннем кельтском обществе (идеальном обществе, ибо мы не знаем, в какой мере эти сложные, запутанные установления сохраняли свое действие в повседневной жизни), которая позволяет вплотную приступить к изучению законодательных основ кельтского прошлого. Как говорит Бинчи, в местных обычаях толкования законов должны были существовать значительные расхождения, но даже при таких обстоятельствах «ирландское право сохраняет в полуокаменелом состоянии множество ранних „индоевропейских“ установлений, лишь слабые следы которых выжили в других законодательных системах, берущих начало из того же источника». Все правоведческие трактаты в их первоначальной письменной форме относятся, по всей видимости, к VII веку н. э., хотя некоторые могут датироваться еще более древней эпохой. Традиционное право, положения

которого фиксируют трактаты, передавалось изустно в соответствии с повсеместным кельтским обычаем по крайней мере до VI века. Филиды («пророки», «провидцы») были традиционными хранителями правоведческих знаний. Как подразумевает название «провидец», считалось, что эти люди обладают сверхъестественным могуществом и знаниями, которые ставят их наравне с самими друидами.

Вероятно, многие знания передавались изустно в стихотворной форме, так как такой способ передачи облегчал заучивание. Впрочем, даже при таком условии задача была очень трудна и невозможна для современного человека, воспитанного на книжном знании. Мы знаем, что стихи сочинялись силлабическими размерами еще в VII веке.

Право было наукой, тайны которого строго и ревностно охранялись специалистами-правоведами. Даже самые первые глоссаторы находили язык законов темным и непонятным. Традиционное ирландское право было, как мы видели, индоевропейским по своему происхождению и структуре. Профессор Бинчи пишет: «Точно так же, как древнеирландский литературный язык не знал диалектных разновидностей благодаря постоянному общению ученых людей со всех концов страны, тесные отношения, существовавшие между профессиональными правоведами всех школ, поддерживали единообразие языка законов». По другому поводу, показывая чрезвычайную важность ирландских правоведческих трактатов в области сравнительного правоведения, Бинчи говорит: «В этом, как и в других деталях, ирландский закон демонстрирует характерные черты всех ранних законодательных систем. Наряду с воображаемым единообразием и универсальностью... мы также обнаруживаем необычайный схематизм и страсть к классификации, которые мы встречаем в книгах законов индусов. Иными словами, правоведа, несмотря на то что их труды без сомнения основывались на подлинных обычаях, создавали симметричную схему и ради симметрии иногда обобщали правила и установления, которые имели гораздо более ограниченную сферу применения в действительной жизни».

Чрезвычайно важно сравнить древние ирландские законы с законами валлийскими, ибо даже различия могут пролить свет на вопрос, до какой степени валлийское право подверглось воздействию римских представлений и терминов. Тем не менее мы можем утверждать, что валлийское право происходит из того же источника, что и право ирландское. Мы имеем в виду, что своими корнями оно уходит в традиционное знание, развитое и переработанное позднее профессиональными правоведами. Языческий элемент в ирландском праве очень силен, а неприятие каких-либо изменений в этих традиционных кодексах поведения было настолько сильным, что дало основания профессору Бинчи написать: «Важнейшее внешнее воздействие на [законодательную] систему пришло с принятием христианства в Ирландии... но по сравнению, скажем, с англо-саксонскими законами, в некоторых фундаментальных областях ирландские трактаты демонстрируют упорное нежелание соответствовать христианскому учению». В Ирландии применялась очень примитивная система, притом что там не действовал общественный наздор за соблюдением частных обязательств. Однако в Уэльсе король, выступая в роли представителя Государства, вмешивался в публичное исполнение эдиктов. В Ирландии большую роль играла опись имущества. В правоведческих трактатах описываются мельчайшие подробности того, как должна проводиться процедура описи имущества ответчика. Таким способом можно было принудить человека подчиниться решению третейского суда. Когда стороны соглашались прибегнуть к стороннему арбитражу, дело заслушивалось в доме судьи, а обе стороны выдвигали защитников, действовавших в их пользу. Обе стороны должны были изыскать поручителей, чтобы гарантировать, что они согласятся с приговором судьи и последуют его решениям.

Вся система кельтского права слишком громоздка и сложна, и мы вынуждены ограничиться лишь несколькими мимолетными замечаниями. Одной из чрезвычайно архаичных и любопытных процедур было использование поста. В некоторых случаях истец должен был поститься перед домом ответчика; в результате,

как правило, ответчик был вынужден дать согласие предстать перед судом. Пост продолжался с заката до восхода; ответчик также должен был поститься, и если он хотел поесть, то он должен был предложить еду и истцу. Затем он должен был поклясться выполнить приговор или заплатить требуемую сумму. Если ответчик игнорировал пост и не платил, он терял свою честь.

Еще одной интересной и архаической чертой ирландских законов является то обстоятельство, что возмещение за причиненный ущерб оценивалось в зависимости от социального ранга потерпевшего и от размеров нанесенного убытка. Это правило называлось *lóg n-enech* — «цена чести». Валлийскую параллель можно найти в «Мабиногион», в повести о Бранвен, дочери Ллира. Лошади Матолха, ирландского короля, были искалечены братом Брана. Матолх должен получить возмещение. Бран говорит:

«Встаньте, Манавидан, сын Ллира, и Хэфайдд Хир, и Иник Глеу Исгвидд, и идите к нему, и передайте, что он получит лучшую лошадь за каждую из испорченных. И кроме того, в возмещение он получит слиток серебра размером с него и серебряную пластину шириной с его лицо. И скажите, что за человек это сделал, и что сделано это против моей воли, и что это сделал мой брат по матери, которого мне трудно изгнать или казнить. И пригласите его навестить меня, — сказал он, — и мы заключим мир на условиях, которые он предложит» (Маб., с. 25).

Правовые трактаты имеют дело с такими разными сферами жизни кельтского общества, как клиента (фундаментальный и жизненно важный аспект кельтской социальной организации); пятью способами судебных процедур, известных под названием «Пять путей суждения»; поручительством; описью имущества; содержанием больного; браком — и так далее. Законы, управляющие браком, особенно интересны тем, что они демонстрируют архаические черты, не испытавшие воздействия христианских стандартов. Развод не встречал никаких препятствий со стороны закона; имеются

даже данные о заключении брака сроком на один год. Если обе стороны выражали желание расторгнуть брачный союз, им никто не мог воспрепятствовать. Более того, законы признают содержание наложницы. Человек мог иметь главную жену и вторую жену. Если первая жена нападала на вторую и наносила ей увечье, она не подлежала наказанию, но супруг был обязан возместить второй жене ущерб, нанесенный ей кем-либо другим. Несмотря на то что институт наложниц носил вполне законный характер, вторая жена звалась *adaltrach* — «прелюбодейка». В трактате о браке перечисляются десять видов союза, включая постоянное супружество и временную связь. Согласно древнему ирландскому закону дочь обладала правами наследования, если не было сына.

«Соразмерность»

У ирландцев существовали определенные моральные устои и представления о правильном поведении в обществе, которые отражают чрезвычайно архаическое состояние; хотя в обществе царили варварские и грубые нравы, существовали четкие представления о порядочном поведении и «соразмерности». Например, считалось само собой разумеющимся, что ответчик не будет прибегать к недостойным уловкам, если истец будет поститься перед его домом; существовала и другая примитивная практика, известная под названием «Деяние Истины». В основе ее лежала вера в сверхъестественную силу истинного высказывания. В ирландских текстах можно найти несколько примеров подобных представлений. В одной саге рассказывается о легендарном короле Ирландии Лугайде мак Коне, который правил семь лет в Таре. Он принял на свое попечение воспитанника, Кормака, сына Арта. Однажды овцы пришли на земли Лугайда и поели вайду королевы. Лугайд сказал, что в возмещение он заберет себе овец, потому что они паслись на его землях. Хотя Кормак был еще маленьким мальчиком, он не согласился с этим приговором: он сказал, что справедливым возмещением за поедание вайды будет стрижка овец,

а не конфискация. Как и вайда снова вырастет на полях, так и шерсть вырастет на овцах. После этого Лугайд еще год оставался королем в Таре, и не росло ни травы, ни листьев, ни зерна. После этого ирландцы лишили его престола, так как он был «ненастоящим» королем.

В саге «Приключение Кормака в Обетованной стране» к королю приходит воин с волшебной ветвью в руке. Он отдает ее Кормаку в обмен на обещание выполнить три его желания и просит у короля его дочь, сына и, наконец, жену Этне. Кормак не выдерживает и отправляется со своими спутниками на поиски семьи. В густом тумане он теряет сопровождающих и приходит к огаде, за которой находится серебряный дом, наполовину крытый птичьими перьями. Его встречают воин и прекрасная девушка. Вечером они забили для гостя кабана и положили тушу в котел вариться. Кабана можно было сварить, «только если сказать правду на каждую четверть его». Воин просит человека, который принес кабана, рассказать какую-нибудь историю. Тот рассказывает, как ему достались кабан, а также топор и бревно, на огне которого варится пища. Затем он говорит, что кабана можно убивать и есть сколько угодно, но на следующий день он опять будет живым и невредимым. С этими словами сварилась одна четверть кабана. Следующую правдивую историю рассказывает сам воин, и после его рассказа готовится вторая четверть кабана. Затем правдивую историю рассказывает девушка, и кабан сваривается на три четверти. Последним говорит Кормак, и он рассказывает о том, как его лишили жены, сына и дочери. На этом сваривается четвертая четверть. Мотив истинного суждения вновь возникает в саге, когда воину подносят прекрасную золотую чашу, от которой не может отвести глаз Кормак. Однако воин говорит: «В ней есть нечто еще более необычайное. Если сказать три слова лжи перед ней, она тотчас распадется на три части. Если затем сказать три слова правды перед ней, части вновь соединятся и чаша станет, как была прежде» (ИрЭ, с. 692). Он говорит три слова лжи и чаша разламывается на куски; затем он произносит три слова истины, говоря, что ни жена, ни дочь Кормака не видели лица мужчины, а сын не видел лица женщины с тех пор, как они ушли из

Тары, и чаша вновь становится целой. В ирландских текстах мы находим множество других примеров представлений о сверхъестественной силе правды, особенно правды короля. Из повести о рождении Кормака мы узнаем, что

«...хорошо было в Ирландии во времена этого короля. Нельзя было выпить воды из ее рек из-за обилия рыбы; нельзя было ходить по ее лесам из-за обилия плодов; нельзя было ездить по равнинам из-за обилия меда, и все это было даровано ему с небес благодаря правде его правления».

В стихотворных легендах, известных под названием Диндхенхас («Старина мест»), мы читаем: «Зерно и молоко в каждом месте, мир и хорошая погода ради него, были дарованы языческим племенам греков, ибо они хранили правду». Эта правда, известная под названием «Правда Правителя» (*firinne flátha*), имела параллель в понятии «Честной Игры» (*fir fér*). Как мы уже видели, речь идет о праве воина, вызвавшего противника на поединок, сражаться лишь с одним противником. Таким образом, правда считалась дарующей жизнь, волшебной силой. Не меньшим почетом у кельтов пользовалось и понятие табу. На человека возлагалась обязанность совершить какое-то особенное действие определенным образом в определенных обстоятельствах, или же ему запрещалось совершать определенные поступки. Нарушение табу (*geis*) могло привести к серьезным последствиям и даже к смерти. Пример такого табу мы находим в «Похищении быка из Куальнге». Кухулин, получивший свое имя после того, как он убил пса кузнеца Кулана, ни в коем случае не должен есть мясо собаки. Он обречен и конец его близок, когда враждебные, сверхъестественные силы обманом вынуждают его отведать собачатины и тем самым нарушить запрет. Нарушение табу влекло за собой потерю чести. Первостепенная важность такого понятия, как честь, отчетливо проявляется, например, в одном эпизоде из «Похищения быка из Куальнге» (версия XI века), когда Фер Диад стоит перед выбором: либо разорвать узы братства и сразиться с Кухулином, либо подвергнуться

сатирам друидов и бардов. В итоге от сатиры он умер бы через девять дней, если не погибнет немедленно от руки Кухулина: «Последовал за ними Фер Диад, ибо смерть от копья боевого искусства, геройства и силы считал достойней, чем гибель от жала заклятья, упрека, позора» (Похищение, с. 235).

В повести «Разрушение дома Да Дерга» мы узнаем, что Конайре, которому суждено было стать верховным королем Ирландии и отцом которого был сверхъестественный человек-птица, никогда не должен охотиться на птиц. Однажды Конайре едет на колеснице в Дублин и видит стаю громадных птиц, которых пытается сбить из пращи. Они превращаются в вооруженных мужей, но за него вступается один из воинов, который говорит: «Я Немглан, король птиц твоего отца. Запрещено тебе убивать птиц, ибо нет перед тобой никого, кто не был бы близок тебе по отцу или матери» (Предания, с. 104). Человек-птица приказывает Конайре идти в Тару, ибо судьбой предназначено ему стать королем Ирландии. Нам кажется достойным внимания способ, с помощью которого древние ирландцы якобы выясняли, кто будет законным верховным королем, и который опять-таки основывается на представлениях о магической силе истины:

Собрались тогда ирландцы на праздник быка. По обычаю, на нем убивали быка, и один из мужей наедался досыта его мясом и пил отвар, а потом над его ложем произносили слово правды. Тот, кого случилось ему увидеть во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмелюсь он сказать неправду» (Предания, с. 104).

Приведем один пример, наглядно показывающий, какого рода запреты налагались на ирландских королей. Человек-птица говорит Конайре:

Будут запреты лежать на правлении твоём, но благородна власть птиц. Вот каковы те запреты. Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару справа налево. Нельзя убивать тебе диких зверей Керны. Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары. Нельзя тебе проводить ночь в таком доме,

откуда наружу виднелся б огонь или свет был замечен оттуда. Три Красных не должны пред тобой идти к дому Красного. Не должен случиться грабеж при правлении твоём. Да не войдут в твоё жилище после захода солнца одинокий мужчина или женщина. Не должно тебе решать спор двух рабов» (Предания, с. 105).

Этот перечень представляется нам весьма любопытным; некоторые из перечисленных в нем запретов не вполне понятны и, конечно же, связаны с мифологическими мотивами. Враждебные силы принуждают короля нарушить эти запреты и тем самым неуклонно приближают его кончину. Диармайд, романтический персонаж, фигурирующий в сагах из цикла Финна, жизнь которого связана магическими узами с жизнью огромного кабана, не мог ни при каких обстоятельствах принимать участие в охоте на кабанов; когда он нарушает этот запрет и охотится за гигантским волшебным кабаном, кабан нападает на Диармайда, его оружие оказывается бесполезным, и он погибает. В той же саге можно найти и другие примеры, демонстрирующие силу табу в ирландском обществе. Грайне, жена Финна, сына Кумала, легендарного вождя фениев, влюбилась в Диармайда, одного из воинов Финна. Он не хочет нарушать верность своему вождю, но девушка налагает на него нерушимый гейс. Диармайд спрашивает Ойсина, сына Финна, что ему делать, и Ойсин отвечает, что гейсы необходимо соблюдать.

В глубокую древность уходит и восходящий к языческой религии обычай клясться стихиями. Кельты не боялись ничего, хотя бы даже под ними раскололась земля или небеса упали на землю. Они не боялись морских волн, хотя считали их враждебными, и иногда бросались в море, боролись с волнами и погибали, предпочитая смерть отступлению. Считается, что Кухулин сражался с волнами семь дней, и о существовании этого обычая у галлов также упоминают античные авторы. О безрассудной храбрости кельтов ходили легенды. С другой стороны, подобное бесстрашие отчасти проистекало из религиозных представлений о продолжении существования после смерти и благостной природе Иного мира.

Когда юноше приходило время принять оружие, он должен был пройти церемонию инициации и получить от своего господина щит, копье и колесницу. Этот ритуал «принятия оружия» подробно описан в «Похищении быка из Куальнге». Кухулин, хотя он еще слишком молод для этого обряда, случайно слышит, как друид Катбад рассказывает своим ученикам, что тот, кто примет оружие в тот день, прославится, но жизнь его будет скоротечна. Он тут же отправляется к своему дяде Конхобару и просит у него оружие.

К- Чего ты желаешь, о мальчик? — спросил Конхобар.

— Желаю принять я оружие, — отвечал тот.

— Кто надоумил тебя, о мальчик? — снова спросил Конхобар.

— Друид Катбад, — молвил Кухулин.

— Дурного совета не даст он, — сказал Конхобар и, препоясав Кухулин мечом, подал ему два копья и щит» (Похищение, с. 159).

Далее следует описание того, как молодой воин отвергает обычное оружие, которое ему предлагают:

Взмахнул Кухулин оружием и затряс им в воздухе, так что разлетелось оно на мелкие кусочки. Два других копья, щит и меч дал ему Конхобар, но снова воздел Кухулин оружие, замахал и затряс им, и как прежде разлетелось оно на мелкие кусочки. Было же у Конхобара в Эмайн четырнадцать пар боевого оружия, которым в положенный час наделял он юношей, не знавших потом поражения в битве, и все они вдребезги разлетелись в руках Кухулина.

— Вот уж воистину плохое оружие, господин мой Конхобар, — сказал мальчик, — не по руке оно мне!

Вынес тогда Конхобар свой собственный меч, щит и копья и подал Кухулину. Поднял оружие в воздух Кухулин, затряс, замахал им, так что острия меча и копий коснулись потолка, но на этот раз невредимым осталось оно.

— Вот славное оружие, — сказал мальчик, — и вправду под стать мне. Хвала королю, что носит его! Хвала и земле, откуда он родом!

Между тем вошел к ним друид Катбад и молвил:
— Уж не принять ли оружие задумал ты, о мальчик?

— Воистину так, — ответил Конхобар.

— Вот уж не желал бы я, чтобы сын твоей матери принял сегодня оружие, — молвил Катбад.

— Что ж так, — сказал Конхобар, — или не по твоему совету пришел он ко мне?

— Не бывало такого, — ответил Катбад» (Похищение, с. 159–160).

После объяснения напряженная ситуация разряжается.

 Что ж, юноша, тогда поднимись на колесницу, ибо и это добрый знак для тебя.

Поднялся мальчик на колесницу, но лишь начал трясти ее и раскачивать, как разлетелась она на мелкие кусочки. В щепки разнес он вторую и третью, да и все семнадцать колесниц, что держал Конхобар в Эмайн для утех юношей, и ни одна не устояла перед ним.

— Нехороши эти колесницы, о господин мой Конхобар, — сказал мальчик, — ни одна мне не впору.

Кликнул тогда Конхобар Ибара, сына Риангабара, и, лишь тот отозвался, велел ему запрячь королевских лошадей в его собственную колесницу. Возница привел лошадей и запряг в колесницу, а мальчик взошел на нее и принялся раскачивать, но невредимой осталась колесница.

— Вот добрая колесница, — молвил Кухулин, — воистину под стать мне!» (Похищение, с. 160–161).

Приняв оружие, Кухулин убеждает возницу взять его в набег на соседние земли. В «Повести о кабане Мак-Дато» один из главных коннахтских героев, Кет, сын Матаха, говорит: «У вас, уладов, есть обычай, что каждый юноша, получив оружие, должен использовать его в первый раз на нашей меже» (ИрЭ, с. 579), то есть, иными словами, этот обычай составляет специфическую черту уладского уклада. Юноша должен был получить боевое снаряжение из рук определенного человека и не мог стать воином, если не проходил этот ритуал. Такую ситуацию мы наблюдаем в валлийской

повести о Мате, сыне Матонви. Мать Ллеу, богиня Арианрод, предсказывает судьбу своего сына: «Что ж, я предскажу этому мальчику будущее: он не получит оружия, пока я сама не дам его ему». После этого мы читаем: «И они отправились в Динас-Динллеф, и там он [Гвидион] воспитывал Ллеу, пока тот не достиг совершенства в силе и ловкости. И Гвидион знал, что теперь Ллеу начнет просить у него коня и оружие». Тогда они являются к Арианрод и обманным путем заставляют ее вручить сыну оружие и тем самым провести обряд инициации. «„Госпожа, — сказал Гвидион, — помоги снарядиться этому юноше, а я снаряжусь сам“. „Я займусь этим без промедления“, — сказала Арианрод и полностью снарядила юношу для битвы» (Маб., с. 46–47).

Королевская инаугурация

Другой чрезвычайно древний ритуал был связан с избранием и возведением на престол ирландских королей. Мы уже рассмотрели церемонию праздника быка, посредством которой человек во сне узнавал истинного короля. В кельтском обществе, как и в других цивилизациях, король считался священным существом, полубогом; его предком был эпонимический племенной бог. Король имел огромное значение для морального и материального благосостояния народа. Чтобы стать правителем племени или союза племен, избранный король должен был сочетаться браком с идеей верховной власти. Скорее всего, этот обряд, известный под названием *banais rigi*, «королевская свадьба», восходит к обряду плодородия. Если сам король оказывался бесплодным, то же несчастье постигало его народ, его скот и его земли. В повести «Приключения Арта, сына Конна» читаем:

«**К**онн Ста Битв, сын Федлимида Рехтмара... правил однажды в Таре, прекрасном благородном замке, девять лет, и всего было в достатке у людей Ирландии в правление этого короля, ибо на самом деле собирали они урожай трижды в год».

Однако когда королева умирает и Конн берет в жены любовницу из Иного мира, женщину из племен богини Дану (*Tuatha Dé Danann*), все меняется. «Конн и Бекума прожили год вместе в Таре, и в это время в Ирландии не было ни зерна, ни молока».

Король должен быть чист и не иметь никаких изъянов. В саге «Битва при Маг Туиред» королем племен богини Дану является Нуаду. Очевидно, Нуаду близко родственен бриттскому Нодонсу, которому было посвящено святилище в Лидни на реке Северн. В бою Нуаду отрубают руку, и бог врачевания Диан Кехт изготавливает для короля искусственную руку из серебра. Хотя она и сгибается во всех суставах и ничем не отличается от настоящей, Нуаду уже считается ущербным и должен отречься от королевской власти: «И тогда начался раздор между племенами Богини и их женщинами из-за того, кому править Ирландией, ибо не мог королем быть Нуаду, с тех пор как лишился руки» (Предания, с. 34). Таким образом, если король лишался какого-либо качества, необходимого для правителя, он должен был отречься вне зависимости от того, насколько хорошим правителем он проявил себя или как бы ни был он любим народом. Если его народ выносил решение, которое ему не нравилось, он должен был придерживаться его во всех аспектах своей жизни, даже если это шло вразрез с его наклонностями. В поздней повести о Пуйле в «Мабиногион» есть замечательный отрывок, иллюстрирующий это правило. Пуйл женился на Рианнон, и они

«...Благополучно правили страной год и другой. А на третий год мужи страны опечалились, видя человека, любимого ими, своего господина и кровного брата, лишенным потомства. И они попросили встречи с ним и встретились в месте, что называется Пресселеу в Дифеде. „Господин, — сказали они, — мы видим, что ты уже старше многих мужей этой страны, и печалимся, что нет у тебя потомства от твоей жены. Возьми другую жену, от которой ты сможешь иметь детей. Может быть, ты желаешь того, что есть, но мы этого не потеряем“» (Маб., с. 19).

Бракосочетание короля при обряде возведения на престол символизировало его глубокое влияние на плодородие, его собственную мужественность и мужскую силу всего, что находилось под его властью. В ирландских текстах имеется множество плохо завуалированных намеков на свадьбу короля с женщиной, которая после этого оказывается местной богиней, «Властью над Ирландией». В некоторых сагах повествуется о приключениях принца и его братьев, которые встречаются безобразную старуху. Она просит каждого по очереди провести с ней ночь. Все с ужасом и отвращением отказываются, кроме «истинного» короля, который дает свое согласие. Как только он обнимает старуху, она превращается в самую прекрасную девушку, о которой можно только мечтать. Затем она дарует ему власть над Ирландией. На самом деле в этом женском образе воплощается представление о бессмертной супруге ирландских королей. В повести «Безумие призрака» (*Baile in Scáil*), в которой призрак оказывается богом Лугом, короля Конна Ста Битв приглашают посетить владения бога. Там стоял дом со столбами из чистого золота, и Конн вошел в него. В кристальном кресле сидела девушка с золотой короной на голове. Призрак также сидел на своем троне, и его красота поражала всех, кто видел его. Призрак заговорил с ними и сказал:

«Я не призрак и не видение, и я пришел после смерти, чтобы получить долю почтения от вас, и я из рода Адама. Мое имя Луг, сын Этниу, сына Смреты... и я пришел, чтобы поведать тебе срок твоей власти и власти каждого принца, кто будет править в Таре после тебя вовеки».

Прекрасная девушка, конечно же, олицетворяет «Власть над Ирландией»; она подносит Конну еду и питье. Как мы видим, по мнению ирландцев, боги проявляли живой интерес к выборам и инаугурации ирландских королей. Имеются вполне достоверные свидетельства — хотя их истинность пылко отвергают некоторые ученые — о существовании обычая королевского бракосочетания в ходе инаугурационной церемонии с местной богиней в облике белой кобылы.

В Индии, где также была известна такая практика, это бракосочетание носило символический характер, в то время как в Ирландии оно приобрело символические черты в достаточно поздний период. Геральд Камбрийский описывает обряд, очевидно, еще проводившийся в его время в одном из северных королевств и близко напоминающий индийский обычай. Считалось, что это — отвратительный и постыдный плод воображения валлийского писателя, стремившегося опорочить ирландцев. Однако мы склонны полагать, что наблюдения Геральда справедливы, даже если он не смог оценить их древнего ритуального значения. Он называет этот обряд «варварским и омерзительным». Племя, которое он описывает, жило в Ульстере, и этот ритуал проводился еще в 1185 году, если верить словам Геральда. К собравшемуся племени приводили белую кобылу, король подходил к ней на четвереньках и вступал с ней в брак.

Тот, кто вступает на престол не как принц, но как животное, не как король, а как преступник, ходит перед народом на четвереньках, признавая себя также зверем. Кобылу немедленно убивают, разрезают на куски и варят и из отвара готовят ему ванну. Сидя в ней, он поедает мясо, которое подносят ему, а стоящие вокруг люди также принимают в этом участие. От него также требуется выпить похлебки, в которой он оmyвается, не зачерпывая ее ни сосудом, ни даже рукой, но лакая ее ртом. Когда должным образом эти нечестивые вещи оказываются выполнены, его королевская власть и право подтверждаются» (Gir. Camb., Top. Hib., III, XVIII).

С этим обрядом можно сопоставить обычай жертвоприношения лошади, проводившийся при сходных условиях в Индии, — там, впрочем, в брак с силами плодородия вступал не сам король, а его жена. Тем не менее обычно король вступал на престол, когда ему вручали белую ветвь, символ королевской власти. Верховный король получал ее из рук главного короля-вассала. Сам верховный король даровал символическую ветвь вассальному королю.

С церемониями королевской инаугурации были также связаны символические и магические камни. Согласно древней традиции, Лиа Фаль, «Камень Фаля», вскрикивал, когда на него ступал законный король Ирландии. Когда верховный король Конн Ста Битв ступил на него, он издал несколько криков. По толкованию друидов, число криков означало число потомков Конна, которые будут править Ирландией. При возведении на престол использовались и другие священные камни, что подтверждает распространенное кельтское верование в сверхъестественную силу некоторых камней.

Все свидетельства говорят о том, что, как и во многих других древних обществах, король или вождь племени считался кельтами полубожественным существом. Боги любили короля, если он по праву вззошел на престол, и не любили, если выборы прошли неправильно. В зависимости от этого король впоследствии оказывал благотворное или вредоносное воздействие на землю и ее плодородие и благосостояние всего племени в целом. Его жизнь заключалась в рамки множества табу. Его инаугурация и последующие действия основывались на ритуале, умиротворении и толковании требований и желаний богов. Неудачливый, стареющий король, вероятно, встречал свою смерть в ходе ритуальной церемонии, прежде чем утрата сил могла причинить вред плодородию племенных земель. В ранних текстах мы находим лишь смутные намеки на ритуальное убийство короля, так как подобное явление, носившее столь очевидный языческий характер, не могло не вызывать отторжения у писцов-монахов.

Ученость и литература

На протяжении всего нашего обзора повседневной жизни кельтских народов мы уже часто мимоходом касались этих аспектов кельтского общества, ибо они составляли основу всего кельтского мышления и образа действий. Мы посвятим этот раздел краткому описанию кельтской учености. Мы должны рассмотреть ее *формальную* природу и способы ее передачи, а также отношения между учителем и учеником. Мы находимся

в несколько неловком положении, так как временные рамки данной книги не позволяют нам подробно рассматривать кельтскую историю в христианскую эпоху, между тем как литература на кельтских языках была занесена на бумагу только в христианские времена. До нас не дошло никаких сведений о кельтской литературе в Европе, хотя мы можем подозревать на основании античных источников, что устная литературная традиция на континенте должна была быть по меньшей мере столь же богатой, как и у островных кельтов.

Кельтские народы всегда имели естественную склонность к учености и интеллектуальным упражнениям. Эта сторона кельтского характера часто удивляла и интриговала чужеземцев, вступавших в общение с кельтами и находивших столь примечательный контраст между их грубым домашним обиходом и изяществом и утонченностью их языка и пониманием лингвистических тонкостей. Даже в современную эпоху эта способность к обучению и уважение к умственным занятиям приводит в удивление стороннего наблюдателя. Доктор Джонсон в своем знаменитом описании путешествия по шотландскому Хайленду постоянно выражает свое изумление по этому поводу, да и сегодня можно вести разговор о литературе, языке и философии с каким-нибудь гэльским, ирландским или валлийским почтальоном, который своими знаниями посрамит многих университетски образованных чужестранцев. Кельтские вожди, возможно, проводили большую часть своего времени в пьяных дразгах; представители образованного сословия также часто опьянялись словами и любили использовать их самым утонченным образом, придавая своим высказываниям множество значений. Они получали удовольствие от чередования острых, кратких, лаконичных утверждений с цветастыми, пышными, многословными описаниями, часто навевающими скуку на современного читателя. О галльской литературе у нас нет никаких сведений, но у нас есть все основания полагать, что она была столь же богата, жива и разнообразна, как и литература Британских островов.

Обычай восхвалять вождей, с которым мы знакомы по ирландским и валлийским сказаниям, также прак-

тиковался в Галлии. Как мы видели, Афинея, цитируя Посидония, говорит:

Кельтов сопровождают, как в мирное время, так и на войне, спутники, которых они называют прихлебателями. Эти люди возглашают свои хвалы перед всем собранием и перед каждым вождем по очереди. Их артисты зовутся бардами. Это поэты, возносящие хвалу в песнях».

И по сей день в гэллоязычных областях Шотландии люди помнят и поют хвалы, сочиненные для прежних вождей, чей образ жизни вряд ли сильно отличался от жизни кельтских вождей Железного века. Афинея, вновь цитируя Посидония, рассказывает историю о вожде Луерии, который устроил большой праздник:

Кельтский поэт, прибывший слишком поздно, встретил Луерия и сочинил песню, в которой восхвалял его величие и оплакивал свое опоздание. Луерий был очень доволен, попросил принести мешок золота и бросил его поэту, бежавшему за его колесницей. Поэт подобрал его и спел другую песню, в которой говорилось, что сами следы, оставленные его колесницей на земле, дают человечеству золото и щедрые дары».

Диодор Сицилийский пишет о галлах:

В речах же они немногословны и иносказательны [и часто высказываются иносказательными намеками], зачастую прибегают к преувеличениям, чтобы возвысить самих себя, а других — унизить, привыкли угрожать, бахвалиться и превозносить самих себя, однако умом остры и к обучению склонны» (Диодор, V, 31).

Слова Диодора очень хорошо соответствуют тому, что нам известно из письменных ирландских источников. Выше мы уже имели повод обратить внимание на преднамеренно туманный и неясный язык ранних правоведческих трактатов.

По общему мнению, у представителей ирландского ученого сословия был тайный язык, известный под названием *bérla na filíed*, который понимали только

посвященные в его секреты. Любопытно, что им владел герой Кухулин, как и его жена Эмер. Кельтские герои и героини были не просто пустоголовыми красавцами. Согласно кельтским эстетическим представлениям, совершенство их умственных дарований должно было равняться красоте их тел. Страбон говорит о галлах: «Если же их убедить, то они легко доступны соображениям пользы, так что способны воспринимать не только образование вообще, но также науку» (Страбон IV. IV, 2). Цезарь пишет о друидах: «Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом» (Цезарь, VI, 4). Из этих сообщений, а также по данным островной литературной традиции, мы можем понять, что в кельтской Европе существовала процветающая устная литература, включавшая культовые легенды, прозу и поэзию.

Хотя барды, слагавшие хвалебные стихотворения во славу королей и знати, занимали высокое положение в ирландском обществе, еще более важную роль играли филиды. Это слово первоначально означало «провидец» и лишь с прошествием времени приобрело значение «поэт»; таким образом, скорее всего, в раннюю эпоху филиды обладали какими-то атрибутами друидов. Филид прорицал будущее с помощью различных обрядов. Считалось, что он также обладает сверхъестественной силой и посредством хулительного стихотворения (сатиры) способен опозорить человека или даже вызывать его смерть. Первоначально, в языческую эпоху, филид обладал как религиозными, так и светскими функциями. Своему ремеслу он обучался на протяжении 12 лет. Возможно, эти высоко квалифицированные поэты и мудрецы узурпировали некоторые функции друидов еще до принятия христианства, или же, скорее всего, это случилось уже в христианскую эпоху. Филиды, как и барды, обучались в школах. Как отмечает Джексон, обучение было устным и проводилось в форме вопросов и ответов. Учитель нараспев произносил заучиваемый текст, а ученики хором

повторяли его слова. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что древнеирландский глагол «учить» (*for-cain*) на самом деле означает «произносить нараспев». Филиды учились сочинять стихотворения, пользуясь различными размерами. Они должны были овладеть искусством составления генеалогий, уметь рассказывать героические саги, а также развивали в себе собственные магические способности. Как ни странно, эти бардовские школы продолжали процветать в Ирландии до XVII века, когда древний гэльский мир почти полностью разрушился под давлением извне. Ученики лежали на ложах в темной комнате, сочиняя стихи, которые затем подправлял учитель. Квалифицированный филид прославлял не только своего господина, но свободно перемещался по стране, восхваляя других знатных мужей. За искусные стихотворные панегирики полагалось высокое вознаграждение.

Высший ранг в иерархии филидов занимал оллам. По закону он мог путешествовать со свитой из 24 человек и требовать, чтобы всем его спутникам оказывали гостеприимство. Его положение на самом деле равнялось положению короля низшего ранга. Поэты могли свободно передвигаться по стране и были защищены законом. Однако безопасность им обеспечивало в первую очередь их умение слагать хулительные стихи и человеческая вера в сверхъестественную силу сатиры. Мы видели, что в «Похищении быка из Куальнге» королева Медб пожелала, чтобы Фер Диад сразился в поединке со своим другом и молочным братом Кухулином:

Тогда отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды закликали его, да возвели на лицо Фер Диада три порчи — позора, стыда и поношения, что, откажись он идти, сулили гибель немедля иль в девять дней срока» (Похищение, с. 235).

В другом отрывке из «Похищения быка из Куальнге» мы узнаем о покровительстве, которое оказывали людям искусства аристократы, и о праве свободного проезда по землям различных племен, которым они

пользовались: Кухулин спрашивает возничего Ибара, не знает ли он, почему брод носит название *Ath na Foraire* («Брод Дозора»):

Знаю, — сказал ему Ибар, — денно и ночью стоит там в дозоре один из славнейших уладов, дабы самому сразиться за весь Улад, если задумает недруг пойти на уладов войною. А случись кому из мудрецов и филидов оставить наш край без достойной награды, дело его поднести им сокровищ и разных подарков во славу всей нашей страны. Тем же из них, кто идет ко двору Конхобара, будет в пути он защитой до самого ложа владыки, где прежде всех прочих по праву должны быть пропеты их песни и сказы» (Похищение, с. 162).

Так почитались поэты и прорицатели, и знатному человеку приходилось потрудиться, чтобы не обидеть их и тем самым завоевать их благодарность за щедрость и хорошее обращение.

Друиды также обучались друидическому знанию в школах, где им прививали умение толковать знамения и разъясняли различные аспекты их призвания. В «Похищении быка из Куальнге» мы узнаем, что «в ту пору друид, что зовется Катбадом, обучал друидической мудрости восьмерых учеников к северо-востоку от Эмайн. Спросил один из них, дурные или добрые знаки являлись Катбаду в тот день» (Похищение, с. 158).

В нашем распоряжении имеются свидетельства об ограниченной грамотности среди ученых и торговых сословий. Об этом говорят античные авторы; Цезарь утверждает: «Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом» (Цезарь, VI, 4).

В Южной Галлии обнаруживаются надписи, составленные на галльском языке, но записанные греческими буквами; имеются также кельтские монетные легенды, Календарь из Колиньи, который мы рассмотрим ниже, и такие странные предметы, как железный меч из Швейцарии, датируемый I веком до н. э., с выбитым на нем греческими буквами именем Корисиос (см. рис. 1);

имеются также некоторые указания на ограниченную грамотность кельтов, о чем свидетельствует хотя бы наличие граффити (сделанных латинским алфавитом и датируемых периодом до римского завоевания) на гончарных изделиях из белгского оппидума Камулодунума (Колчестера). Друиды много занимались календарными подсчетами; это отмечают различные античные авторы, а Плиний рассказывает, что друиды измеряли свои месяцы и годы по луне:

Однако омелу не так уж часто можно найти на дубе; а когда ее находят, ее собирают с соблюдением должного религиозного ритуала, по возможности на шестой день луны (ибо именно по луне они исчисляют свои месяцы, и годы, и века по 30 лет)» (Плиний. Естественная история, XVI, 249).

Эти сведения подтверждаются открытием замечательного Календаря из Колиньи (рис. 46), сохранившегося во фрагментарном состоянии. Благодаря этому календарю в нашем распоряжении оказались важные сведения о научных достижениях кельтов. Календарь из Колиньи представляет собой остатки большой бронзовой пластины, на которой вырезан календарь, состоящий из 62 лунных месяцев. Надписи составлены на галльском языке, многие слова появляются в сокращенной форме, однако для записи используется латинский

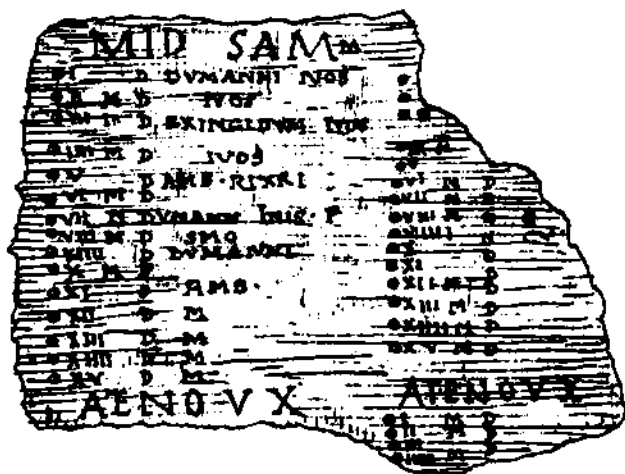

Рис. 46. Фрагмент
Календаря из Колиньи,
бронзовая пластина,
найденная в Бурге, Эн,
Франция

алфавит. В календаре особо отмечены благоприятные и неблагоприятные дни. Об этом обычае исчисления времени Цезарь пишет: «По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, а за ней день» (Цезарь, VI, 18). Некоторые континентальные топонимы, а также личные имена, слова, обнаруженные в Календаре из Колиньи, и некоторые надписи на галльском языке свидетельствуют об определенном уровне грамотности местного населения и дают некоторое представление о фонетической системе галльского языка, хотя почти ничего не говорят нам о его грамматической структуре.

Самые ранние ирландские письменные документы представляют собой надписи, сделанные алфавитом, известным под названием огам (рис. 47). Оно основано на латинском алфавите; каждая буква носит название определенного растения или дерева. Например, C — это *coll* «падуб», D — *daur* «дуб» и так далее. Похоже, огам был создан в Ирландии незадолго до принятия христианства. Это было, как отмечает Диллон, церемониальное письмо; его образцы обнаруживаются лишь на памятных камнях. В героических сагах огамические надписи традиционно ассоциируются с погребальными обрядами или с таинственными посланиями. В «Похищении быка из Куальнге» читаем:

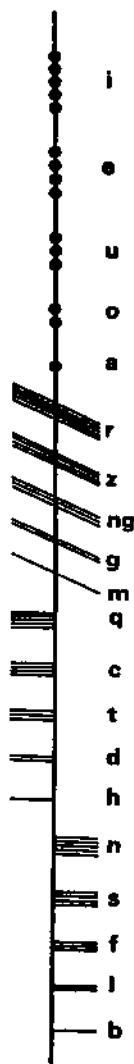

Рис. 47.
Огам

Пустился в путь Суалтайм предостеречь уладов, а Кухулин направился к лесу и одним ударом срубил молодое деревце дуба у самого основания. Стоя на одной ноге и прикрыв один глаз, связал он его одной рукой в кольцо и, начертав письмена на огаме, водрузил на острый верх камня в Ард Куиллен. Затем

натянул его Кухулин до самого поперечья камня и отправился на условленную встречу... Приблизились ирландские воины к камню и принялись в изумлении разглядывать следы конского пастбища и диковинное кольцо. Снял тогда Айлиль кольцо, передал Фергусу, а тот прочитал надпись и возвестил ирландцам ее смысл и спел такую песнь:

Что значит это кольцо для нас?
Что за тайна в нем скрыта от глаз?
Кто сюда его положил?
Много ль их было? Один ли он был?»

(Похищение, с. 137–138)

Некоторые огамические надписи относятся к дохристианскому периоду, некоторые были составлены уже в христианские времена; в любом случае мы не можем датировать их периодом ранее IV века н. э. Всего нам известно около 300 образцов огамической письменности.

Ирландская и валлийская литературные традиции были записаны только в христианскую эпоху. И хотя на данный момент исследователями установлено, что несколько ирландских поэм восходят к VI веку н. э., в то время как знаменитая бриттская (или шотландская) поэма «Гододдин» может датироваться в рукописной форме концом VIII века, все они относятся к слишком позднему периоду и выходят за временные рамки данной книги. Нас интересует только языческий мир, по сути своей нелитературный в том, что касается передачи традиционных знаний, и тем не менее высоко ценивший искусство сказителей. Языческие представления и местные традиции передавались изустно. Однако многие сказания, восходящие к устному репертуару сказителей языческого кельтского мира и записанные в христианские времена и в полностью христианском окружении, содержат языческие мотивы, мифологические легенды и описания материальной культуры, по сути варварской и нехристианской. Поэтому мы используем данные ранней литературной традиции, чтобы получить дополнительную информацию о язычниках-кельтах, о мире Железного века. Однако в качестве литературы эти сказания выходят за рамки нашего

Глава V
Законы,
«соразмер-
ность»,
учение и
литература

исследования. Нас занимает в первую очередь их содержание, а не форма и структура. В языческом кельтском мире не было литературы в том смысле, который мы ныне вкладываем в это слово: существовала только устная литература, богатство и сложность которой мы вряд ли можем постичь сегодня, в век книг и радио, телевизоров и компьютеров.

Богатая литературная традиция Ирландии, таким образом, уходит корнями в языческий мир древних кельтов; однако по своей форме и способу передачи она относится к поздней, христианской эпохе, а не к миру латенских вождей с привилегированным кругом друидов и бардов, провидцев и арфистов, филидов и «людей искусства». Ученость и литература ранних кельтов основывались на устной традиции; учитель нараспев произносил определенные тексты, а ученики повторяли за ним, пока не заучивали сказанное наизусть; друиды обсуждали знамения, а не книги. И хотя литература передавалась изустно, вряд ли большую роль в искусстве рассказчика играла импровизация. И по сей день в гэльских областях замена хотя бы одного слова сказителем отмечается и комментируется жадными слушателями, знакомыми с повестью в той же мере, что и ее рассказчик.

Ранние кельты были неграмотными; и в частности именно поэтому кельтское общество, обладавшее огромным объемом устной традиции, запутанно составленными правоведческими сводами, особым календарем, повестями и поэзией, приняло христианство столь легко и безболезненно.

A decorative border made of a complex Celtic knot pattern, possibly a variation of the 'Celtic Cross' or 'Gaelic Knot', surrounds the central text area. The border is composed of interlocking loops and lines, creating a continuous, intricate design. The corners of the border are embellished with stylized, swirling motifs that resemble acanthus leaves or floral designs.

Глава VI

**ЯЗЫЧЕСКАЯ
РЕЛИГИЯ КЕЛЬТОВ**

Природа кельтской языческой религии

СЛИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ КНИГИ: шестая и седьмая — окажутся длиннее предыдущих, то причина заключается в том, что религия и искусство — в совокупности с ученостью — составляли чрезвычайно большую часть жизни кельтской аристократии. Мы значительно меньше знаем о низших социальных слоях кельтского общества и их повседневной жизни, духовной и материальной; многое остается в области догадок и предположений. Из литературы раннего кельтского мира, как и из античных наблюдений о варварах, мы можем почерпнуть сведения только о деятельности ученых и владетельных членов общества. Материальные останки кельтской культуры, как подтверждается археологией, также отражают условия жизни наиболее благосостоятельной части кельтов. Нам известны захоронения, оружие и личные украшения, конская упряжь; дома и укрепления богатой аристократии. Несвободные общинники и представители низшего сословия владели слишком ограниченным количеством гончарной утвари и изделий из металла; их скромные жилища не требовали постоянных фундаментов, от которых остались бы ямы для столбов и другие остатки, которые могли бы привлечь внимание археологов. Похоже, сходная ситуация наблюдалась в горах Шотландии XVIII века, ибо, описывая свое путешествие туда с доктором Джонсоном, Босуэлл замечает:

Когда мы продвинулись по берегу Лохнесса достаточно далеко, я заметил маленькую хижину, в дверях которой стояла пожилая женщина. Я подумал, что эта сцена понравится доктору Джонсону и сказал ему об этом. „Зайдем“, — сказал он. Мы слезли с лошадей и с нашими проводниками зашли в хижину. Это была жалкая лачуга, землянка, а вместо окна в ней было небольшое отверстие, загороженное куском торфа, которое при случае вынималось, чтобы впустить свет. Посреди комнаты или помещения, в которое мы вошли, горел торфяной очаг, а дым выходил через отверстие в крыше. На нем она варила в котелке козлятину».

Наверное, подобную сцену можно было наблюдать и в Железном веке, и низшие классы, скорее всего, обитали лишь в скромных непостоянных жилищах, испытывая острую нехватку материальных средств. Несмотря на значительную ограниченность наших сведений обо всем, что не относится к жизни кельтской аристократии, имеются определенные факты, которые известны нам по наблюдениям за сохранившимися очагами кельтской культуры на периферии западного мира и которые позволяют предположить, что, невзирая на убожество жилищ и отсутствие личной собственности, низшие члены общества, как и вышестоящие соплеменники, питали глубокое уважение к искусству и учености; а также к богам и их служителям. Несомненно, они поклонялись местным духам и силам природы, которые, как они полагали, управляли их скромными судьбами, наряду с божествами высших классов и благородных жрецов, общавшихся с богами от имени всего племени. Возможно, они соблюдали определенные ритуальные дни и совершали священные обряды, известные им одним; возможно, в случае нужды они совершали особые жертвоприношения и твердо верили в чудодейственную силу воды из священных источников, способной помогать больным и излечивать бесплодие. Впрочем, все наши данные указывают также и на то, что они, будучи полноправными членами племени, участвовали в больших ритуальных собраниях

и присутствовали на крупных жертвоприношениях, от которых зависело благосостояние народа. Цезарь пишет:

«...если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их [друидов] определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность» (Цезарь, VI, 13).

Судя по тому, что мы знаем о жизни современных батраков и арендаторов в сохранившихся кельтских областях, можно с уверенностью предположить, что их далекие предки в языческие времена, занимавшие сходное социальное положение, относились с равным почтением ко всем сторонам культурной жизни, а особенно к интеллектуальной сфере, и это отношение никоим образом не умалялось их скромным социальным и материальным положением. И простые работники, и землевладельцы представляли себе великих богов и полубогов-героев обладающими необыкновенными интеллектуальными силами. Они могли владеть волшебством, но важнейшую роль играли их умственные способности. Кельты не могли вообразить, что могут существовать прекрасные, но пустоголовые герои, красивые, но глупые богини. Часто предполагалось, что функцию добродушного глупца исполнял бог Дагда, но у этой точки зрения нет реальных оснований. Вполне возможно, что некоторыми смешными чертами своего образа Дагда был обязан измышлениям враждебно относившихся к язычеству христиански образованных монахов, стремившихся низвести могущественного племенного бога до положения глуповатого хвостуна.

Считалось, что боги и герои обладали величайшими познаниями в местной традиции, были поэтами и пророками, рассказчиками и ремесленниками, волшебниками, целителями, воинами. Иными словами, они наделялись всеми свойствами, которые наиболее высоко

ценились в кельтском обществе, и представляли собой воплощения кельтских стремлений и желаний.

Таким образом, религия и суеверия играли фундаментальную роль в повседневной жизни кельтов. Они являются ключом к пониманию своеобразия их характера. Цезарь пишет: «Все галлы чрезвычайно набожны». Все наши данные подтверждают эти слова, вряд ли вызванные обычными античными предубеждениями по отношению к варварам. Возможно, религиозная сфера занимала в кельтской жизни даже более значительное место, чем у многих других древних народов, и пронизывала все аспекты их деятельности. Божества и Иной мир, в котором, по верованиям кельтов, обитали боги, когда они не вмешивались в людские дела, были не просто отвлеченными понятиями, о которых вспоминали через определенные промежутки времени: в праздничные дни или на торжествах по случаю крупной победы, во время общих жертвоприношений или крупных бедствий, или в других особых обстоятельствах. Боги всегда присутствовали в жизни кельтов. Иногда они были зловещими и весьма опасными. Когда они были довольны принесенными жертвами, они были снисходительными и щедрыми; когда их оскорбляли, они становились мстительными и безжалостными. В повседневной жизни кельтов сверхъестественное не отграничивалось от естественного, божественное от земного. Для кельтов Иной мир был столь же реален, как осязаемый физический мир.

Следует с самого начала подчеркнуть, что нам очень мало известно о языческой кельтской религии. Религиозные представления, из которых в конечном итоге состоит религия, разнородны и неуловимы, а источники для ее изучения неравноценны как по качеству, так и по времени, скудны и разрозненны. Следует лучше изучить все аспекты повседневной жизни ранних кельтов, природу их социальных отношений и их племенной структуры, их законы и отличительные черты художественного стиля, чтобы получить представление о правилах и запретах, которые управляли их религиозным поведением. Раннее кельтское общество было по сути децентрализованным. Племенная система, которая его характеризовала, приводила к раздробленности, из-за

которой тем не менее кельтские племена не переставали сознать себя частью единого целого. Мы знаем, что на пике своего могущества кельты занимали в Европе чрезвычайно обширные пространства. Как мы видели, их территория простиралась от Атлантического океана на западе до Черного моря на востоке, от Балтийского моря на севере до Средиземного на юге. Однако, несмотря на обширную территорию и долгий период времени, протекший между зарождением кельтского мира до 500 года н. э., несмотря на племенные особенности и предпочтения и, вероятно, различия в диалектах и способах ведения экономического хозяйства — несмотря на все это, можно говорить о *кельтской* религии, хотя и не о религиозной *системе*; о сходстве ритуалов, единообразии культовых типов; о характерном сочетании естественного и сверхъестественного. Все это указывает на фундаментальную однородность религиозной жизни у древних кельтов.

В нашем распоряжении имеются различные источники информации о языческой кельтской религии, а фрагментарный характер этих источников создает дополнительные трудности для осмысления содержащихся в них сведений. Впрочем, сопоставляя различные данные и пользуясь материалами различных научных дисциплин, можно достичь достаточно целостного представления о природе кельтских верований и ритуалов. Прежде всего мы должны исследовать главные источники по языческой кельтской религии. Однако нам недостает самых важных источников — текстов, написанных на каком-либо кельтском или на классическом языке самими кельтами, которые отражали бы взгляд изнутри кельтского общества. Таких текстов просто не существует. Кельты не заботились о том, чтобы записывать свои законы, генеалогии, историю, поэзию или религиозные наставления. Они наделяли их практически сакральным характером. Как мы видели, для торговых отношений кельты определенно использовали греческий язык. Тем не менее, несомненно, кельты не желали, чтобы их традиционные знания и ученость стали достоянием нечестивых чужестранцев; сакральные тайны ревностно охранялись людьми, ответственными за их сохранение и передачу. Более того,

культурация устной памяти является одной из наиболее характерных черт кельтской культуры, а устная традиция до сих пор сохраняется и пользуется большим почетом в кельтоязычных областях современного мира.

Таким образом, все эти традиционные дисциплины передавались изустно от учителя к ученику, из поколения в поколение. Ученику друида, как мы знаем, требовалось около 20 лет, чтобы полностью овладеть тайнами своего ремесла. Сходным образом в Ирландии филиду требовалось от семи до двенадцати лет, чтобы изучить все необходимое для своей деятельности. Живучесть устной традиции является одной из самых поразительных черт кельтской культуры. В Ирландии не сохранилось текстов, напрямую соотносящихся с данными археологии, но ирландцы, как и валлийцы, создали богатую литературу; и хотя героические саги и мифологические повести были занесены на бумагу относительно поздно (в VII–VIII веках), они определенно относятся к событиям гораздо более архаическим, чем период, в который они приобрели литературную форму.

Источники

Из-за отсутствия письменных свидетельств, составленных самими кельтами, мы вынуждены черпать наши сведения в других источниках. Эти источники можно разделить на три группы, и со всеми ними следует обращаться с большой осторожностью. Мы можем быть уверены в относительной достоверности того или иного сообщения, лишь когда оно подкрепляется другими данными.

В определенном смысле самым надежным из трех этих групп источников является археология, но эта наука по самой своей специфике не дает в руки исследователя тех подробностей, которые может предоставить написанное слово. Ко второй группе мы относим наблюдения о некоторых аспектах кельтской религиозной жизни, принадлежащие античным писателям; однако не всегда бывает ясно, о каком именно периоде кельтской истории идет речь и основываются ли авторы только на слухах или же были очевидцами описы-

ваемых событий. В третью группу источников попадают произведения островной кельтской литературы. Они производят наиболее яркое впечатление, достаточно полно и подробно рассказывают о языческой кельтской религии; однако эти тексты подвергались столь тщательной переработке со стороны христианских писцов и впитали в себя столь много интернациональных фольклорных мотивов, что требуют от исследователя чрезвычайно пристрастного отношения. В целом у нас вполне достаточно сведений о кельтской религии, чтобы составить довольно обстоятельную и правдоподобную картину из многочисленных и разнородных обрывков информации. До некоторой степени мы даже можем определить, какие понятия и представления составляют универсальный фонд всех религий, а какие являются собственно кельтскими.

Бросив беглый взгляд на характер наших источников и убедившись, что у кельтов на самом деле была религия, которую можно изучать, пользуясь сведениями самых разнообразных дисциплин, мы можем попытаться ответить на вопрос о том, каковы же отличительные черты кельтской религии и каковы были самые распространенные религиозные культы.

У кельтов были святилища, в которых они поклонялись своим богам, а также жрецы, являвшиеся посредниками между богами и племенем. У них были священные дни и праздничные периоды, а также культовые легенды, объяснявшие происхождение праздников. Так как именно от этих аспектов религиозной жизни зависят все остальные ее стороны, мы постараемся сначала получить общее представление о них, прежде чем перейти к рассмотрению самих богов и богинь.

Храмы и святилища

В последние годы археологи обнаружили несколько сооружений, которые в корне изменили прежние представления о природе кельтских храмов и святилищ. Ранее считалось, что за очень редкими исключениями (такими, как сложные храмы, построенные по

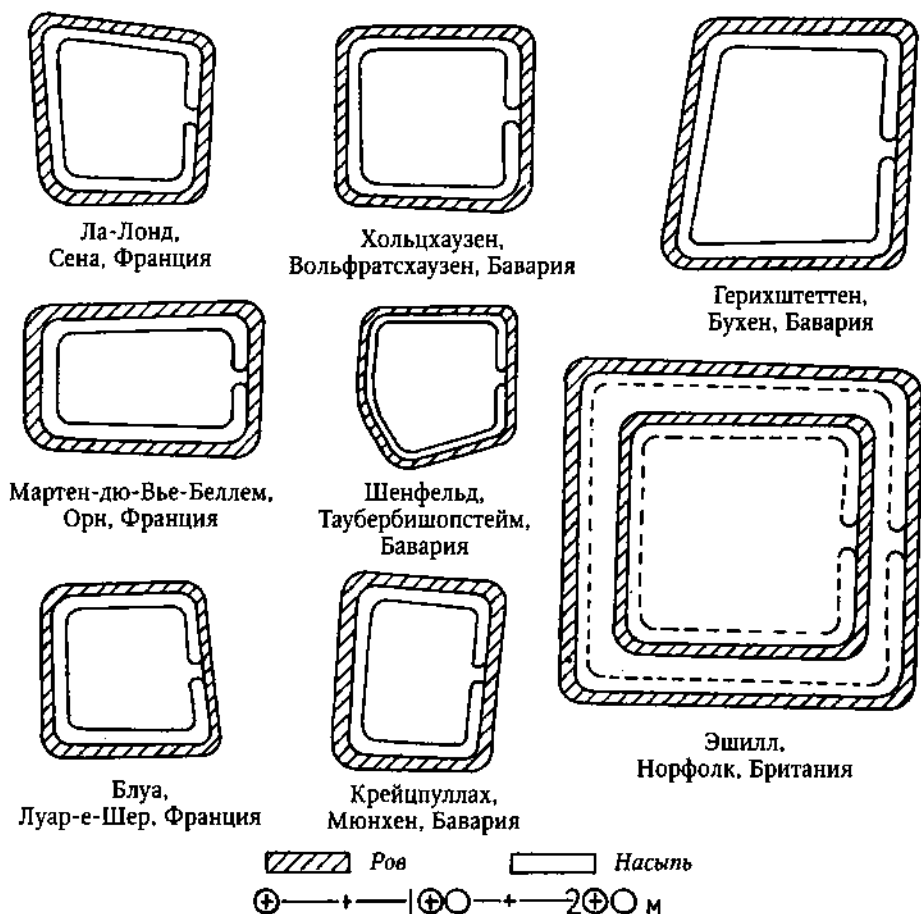
средиземноморскому образцу в Рокепертюзе и Энтремоне неподалеку от устья Роны (рис. 48)) кельты не использовали для отправления религиозных обрядов построенных храмов. Считалось, что жрецы-друиды проводили ритуальные церемонии и совершали жертвоприношения богам только в естественных местах — например, в священных рощах, ассоциировавшихся в воображении верующих с определенными богами, или у священных источников, воды которых обладали отличительными свойствами и через которые можно было найти доступ к богу-хранителю. Позднее под эгидой Христианской Церкви на смену этим местным божествам пришли местные святые, часто носившие те же имена, что и их языческие аналоги; почитание источников продолжалось и в христианскую эпоху. Чаше всего кельты наделяли сакральным характером вершины холмов или окрестности курганов, ассоциируемых с каким-либо божественным предком; однако ранее считалось, что они не использовали для религиозных целей сооружений, построенных человеческими руками. Ныне исследователи выявили ряд таких памятников, которые представляют собой святилища язычников-кельтов. Многие из них были обнаружены в Европе,

Рис. 48. Рокепертюз (Буш-дю-Рон).
Скульптура сидящего мужчины
(бога или героя) в позе Будды.
Известняк, следы раскраски

и некоторые в Британии. Дальнейшие исследования и раскопки, а также пересмотр результатов ранних раскопок, несомненно, прольют больше света на этот вопрос. Кроме того, в некоторых случаях ошибочные интерпретации функционального характера этих сооружений на самом деле скрывали их подлинное значение, и, скорее всего, например на Британских островах, их намного больше, чем принято считать.

Эти сооружения представляют собой обнесенные валом четырехугольные площадки, известные в Европе под названием *Viereckschanzen* (рис. 49). В общем они

датируются I веком до н. э. и в культурном плане восходят к квадратным огороженным захоронениям Железного века. На их основе позднее возникли квадратные или круглые галло-римские храмы, построенные обычно из камня. В некоторых местах внутри ограды обнаруживаются ямы или шахты для ритуальных приношений. В Хольцхаузене были найдены два земляных сооружения с деревянными частоколами; в огороженном пространстве были открыты глубокие шахты, в которых обнаружены следы приношений, включая останки мяса и крови (рис. 50). Внутри одной из оград найдены фрагменты деревянного храма.

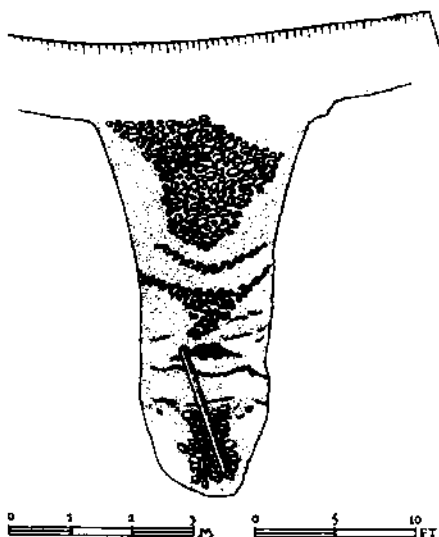

Рис. 50. Ритуальная шахта,
Хольцхаузен, Бавария

Много глубоких шахт, большей частью круглых в разрезе, было обнаружено в Британии. Некоторые из них были раскопаны в XIX веке при выемке земли, когда прокладывались железные дороги. Раскопки, проводившиеся дилетантами, нанесли большой ущерб научным исследованиям. Остатки земляных сооружений часто игнорировались или описывались столь неточно, что большая часть полученной информации оказалась совершенно бесполезной. Шахта, открытая в Уилсфорде (Уилтшир), на основании радио-углеродного метода датируется XIV веком до н. э., и мы можем предположить, что этот вид религиозных сооружений

уходит корнями в глубокую древность, намного древнее самих кельтов. Это предположение приводит нас к новым размышлениям о происхождении кельтских жрецов друидов, которые использовали эти святилища в кельтские времена.

Косвенное свидетельство Афиней, которое мы уже рассматривали в ином контексте, можно рассматривать как подтверждение существования этих прямоугольных религиозных сооружений:

«Посидоний, рассказывая о богатстве Луерия, отца Битуиса, которого лишили царства римляне, рассказывает, что, стремясь завоевать расположение народа, он ездил по равнинам в колеснице, раздавая золото и серебро десяткам тысяч кельтов, следовавшим за ним. Более того, он сделал квадратную ограду полторы мили в каждую сторону, внутри которой поставил сосуды с дорогими напитками и приготовил такое большое количество еды, что много дней все желавшие могли приходить и пировать, а служители без перерыва обслуживали гостей».

Из ирландских источников нам известно, что кельтские ритуальные собрания сопровождались обильными пирами и выпивкой и что игры, скачки и продажа товаров составляли естественную часть торжественных религиозных праздников. Одним из наиболее впечатляющих и любопытных открытий последних лет явились раскопки замечательного кельтского святилища в Либенице неподалеку от Колина в Чехии, проведенные в 1956 году (рис. 51). Там была обнаружена длинная

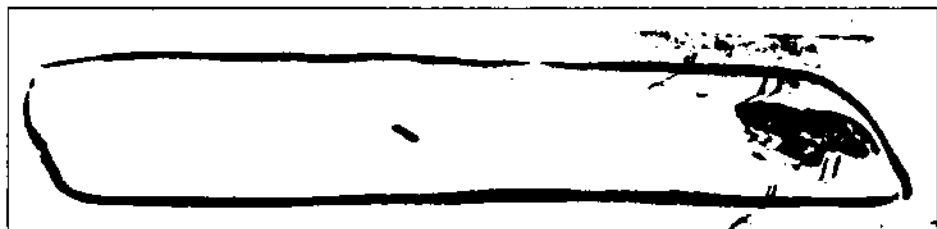

Рис. 51. Модель святилища латенского периода в Либенице, Колин, Чехия

окруженная рвом и валом ограда, а внутри нее были найдены останки жертвоприношений, человеческий череп, использовавшийся в качестве чаши, платформа для жертвоприношения, ямы с костями и большое количество ритуально разбитой утвари, а также две изогнутые бронзовые шейные гривны, которые, скорее всего, когда-то украшали шеи двух больших деревянных идолов, от которых сохранились лишь ямы. Было обнаружено захоронение пожилой женщины, возможно жрицы этого святилища, с брошами, керамикой и другими предметами, на основании которых святилище можно датировать III веком до н. э. Гораздо более раннее, но сходное по характеру с либеницким святилищем сооружение было найдено в Олнэ-о-Планше в долине Марны; оно относится к культуре полей погребальных урн и датируется XI веком до н. э. Возможно также, что длинная ограда, известная под названием «Пиршественного зала» на холме Тары, одном из самых важных священных мест в ранней Ирландии, также является образцом таких сооружений. За этими различными оградками последовали, с одной стороны, каменные романо-кельтские храмы и, с другой стороны, огороженные римские кладбища Галлии и Британии. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на то, что кроме священных рощ, холмов и источников у кельтов были разнообразные построенные сооружения; и нет никаких сомнений в том, что дальнейшие археологические изыскания на континенте и на Британских островах выявят множество других древних кельтских святилищ. У нас имеется также много свидетельств, говорящих о существовании деревянных храмов, возводившихся внутри земляных валов.

Кельты называли «святилище» словом *nemeton*; у нас есть все основания полагать, что этот термин относился как к полянам в священных рощах, так и к рассмотренным выше земляным сооружениям. Это слово перешло в древнеирландский язык в форме *nemed* и *fidnemed* — «священная роща». Данные топонимики показывают, что слово *nemeton* широко использовалось по всему кельтскому миру. В VI веке н. э. место под названием *Vernemet(on)* «Великое святилище» упоминает Фортунат, и такое же название носило одно место

в Британии, где-то между Линкольном и Лестером. Раннее название Нантерра — Неметодурум, а в Испании известен топоним Неметобрига. Зафиксировано название Друнеметон «Дубовое святилище», которое являлось одновременно святилищем и сборным пунктом галатов. В Британии мы находим название Медионеметон «Центральное святилище» где-то в Шотландии. В Бакстоне (Дербишир) священный источник назывался *Aquae Arnenmetiae*, «Воды богини Арнеметии», богини источников и священных рощ.

Таким образом, кельты почитали своих божеств и совершали свои искупительные обряды не только в священных рощах. Они сооружали земляные укрепления различного рода, в которых находились либо деревянный храм, либо какая-то центральная площадка для жертвоприношений и умиловливания богов, типа ритуального столба, шахты или ямы, в которую помещались останки жертв, животных или человеческих, и хранилище для votivных даров иного рода. Несомненно, в большинстве случаев в состав комплекса входила грубая деревянная хижина жреца, в которой хранились его знаки отличия и ритуальные предметы.

Друиды

Мы поговорили о кельтских святилищах, и теперь мы должны попытаться выяснить, кто осуществлял связь между богами и их почитателями. По крайней мере, некоторые кельтские жрецы известны под именем «друидов», и мы уже рассматривали это сословие в контексте их общественного положения и их роли в качестве хранителей древней традиции. Теперь мы должны поместить их в собственно религиозный контекст. Большинству людей знакомо слово «друид», и многие думают, что за ним скрываются романтические кельтские жрецы, совершавшие священные обряды, столь ярко описанные Плинием:

«Они называют омелу словом, означающим „вселеящий“. Подготовившись к жертвоприношению и пиршеству под деревьями, они приводят туда двух

белых быков, рога которых они связывают первый раз. Одетый в белые одеяния, жрец взбирается на дерево и отрезает омелу золотым серпом, и затем остальные заворачивают ее в белый плащ. Затем они убивают жертвы, вознося молитвы, чтобы бог сделал этот свой дар благотворным для тех, кому он даровал его. Они верят, что омела, если ее принимать в напиток, дарует плодovitость бесплодным животным и что она является противоядием против всех ядов. Таковы верования, которые питает множество людей по отношению к незначительным вещам» (Плиний. Естественная история, XVI, 249).

Интересно, не указывает ли странная манера изображения бычьих рогов в кельтской религиозной иконографии на существование обычая связывать рога при подготовке к жертвоприношению. Вероятно, это действие символизировало, что звери принадлежат богу или сами являются богом в звериной форме. Любопытно отметить также, что слово, обозначающее омелу в современном ирландском и шотландском гэльском — *uile-ioc*, — означает «всеисцеляющий». Рассказ Плиния об этом ритуальном растении, использовавшемся при жертвоприношении быков, наложил значительный отпечаток на отношение к вопросу о кельтском жречестве позднейших любителей древности, не придававших значения чрезвычайной ограниченности наших реальных знаний о друидах и полностью отдавших во власть своего пылко го воображения. Правда состоит в том, что кроме некоторых фрагментарных комментариев античных писателей по поводу языческого жреческого сословия и некоторых не вполне ясных описаний, обнаруживаемых в островной кельтской литературе, мы не располагаем практически никакими данными. Мы знаем о друидах очень мало. Мы не знаем, составляли ли друиды универсальный жреческий класс по всему кельтскому миру, были ли они единственными представителями жреческого сословия, в какой именно период времени они действовали. Нам известно лишь то, что в какой-то период кельтской истории у некоторых кельтских народов имелись могущественные жрецы, носившие имя друидов, которые защищали соплеменников от враждебных сил Иного мира и владели

знаниями о правильных ритуалах, которые могли направлять эти силы к добру и пользе человеческого рода в целом и племени в частности.

Особым вниманием, которым пользуются друиды в наше время, они полностью обязаны деятельности писателей, активно разрабатывавших эту тему начиная с XVI века. Целый культ друидов был связан с представлениями о благородных дикарях, и на тонком слое плохо изученных фактов была построена сказочная теория, приведшая к возникновению современного друидического культа, который действует в Стоунхендже. У нас нет никаких данных о том, что языческие жрецы древних кельтских народов ассоциировались с этим неолитическим сооружением, хотя, конечно, такую связь могли поддерживать их непосредственные предшественники. Такие современные собрания, как Айстеддвод, ежегодный валлийский фестиваль музыки и местной культуры, и многие другие праздники в сохранившемся кельтском мире внесли свой вклад в дело увековечивания идеализированного образа друида, но по сути своей это ложный образ, основанный не на *сохранении*, а на *возрождении* традиции.

Влияние философствующих любителей древности было столь велико, что сегодня в Британии едва ли можно найти хоть один мегалитический памятник или другое сооружение эпохи неолита или Бронзового века, которое бы так или иначе не связывалось с друидами. Мы обнаруживаем Кольца, Места, Холмы, Камни Друидов по всем Британским островам и в особенности в кельтских областях. Доктор Джонсон написал по поводу одного из них:

«**О**тъехав на три мили от Инвернесса, мы увидели прямо у дороги очень хорошо отделанный образец того, что называют Храмом Друидов. Это сооружение представляло собой два круга. Один круг был сложен из очень больших камней, другой из камней меньшего размера. Доктор Джонсон справедливо заметил, что „увидеть один друидический храм значит всего лишь понять, что он ничего из себя не представляет, ибо в нем нет ни искусства, ни творческой силы: и увидеть один такой храм вполне достаточно“».

Сами кельты не оставили никаких свидетельств о своем жречестве в дохристианский период. Поэтому все упоминания о друидах в Ирландии относятся уже к христианской эпохе, и не вполне ясно, насколько достоверен образ друидов, вырисовывающийся в записях христианских писцов. В некоторых случаях друиды наделены высоким достоинством и большой властью, и иногда обладают превосходством над самим королем. В «Похищении быка из Куальнге» друид Катбад является отцом самого короля Конхобара, сына Несс. Катбад руководит группой учеников, которых он наставляет в друидическом учении. В ирландской традиции он изображается мудрым наставником молодежи, искушенным в толковании знамений. Это совпадает со словами Цезаря о кельтских жрецах (I век до н. э.): «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом» (Цезарь, VI, 13).

В одной из ранних древнеирландских саг «Изгнание сыновей Уснеха» друид Катбад благодаря своему пророческому дару объясняет крик нерожденного младенца в чреве матери. После того как раздается необычный крик, устрашающий праздничное собрание, будущая мать спешит к друиду и умоляет его разъяснить случившееся:

Тогда подошла она к Катбаду и так сказала:
Вы послушайте лучше Катбада
Благородного* и прекрасного,
Осененного тайным знанием.
А сама я словами ясными
Про то, что Федельмид вложил в меня,
Не могу сказать.
Ведь не ведомо женщине,
Что во чреве
У нее спрятано.

* Как мы видели, Цезарь отмечает то обстоятельство, что сословие друидов пополнялось из аристократов; друиды и воины составляли высшие классы кельтского общества.

...Положил Катбад ладонь на живот женщины и ощутил трепет под своей ладонью.

— Поистине, — сказал он, — это девочка. Будет имя ее — Дейрдре. И много зла случится из-за нее» (Похищение, с. 16–17).

После этого рождается девочка, и ее жизнь действительно подтверждает пророчество друида.

Таким образом, как мы видим, в ирландской традиции друиды окружались таинственным ореолом и наделялись необыкновенным могуществом. Впрочем, в других сагах мы обнаруживаем не столь лестные отзывы. В одном рассказе друид выступает практически в роли шамана. Речь идет о могущественном друиде Мог Руйте; один кельтский исследователь считал его по происхождению солнечным божеством. Хотя это предположение лишено реальных оснований, Мог Руйт тем не менее является могучим волшебником, способным вызывать бурю или сгонять облака одним своим дыханием. В повести «Осада Друйм Дамгайре» он носит *énchennach*, «птичье платье». Вот его описание: «Кожу Мог Руйта из безрогого серого быка принесли ему, и его пестрое птичье платье с его крылатым полетом, и его друидические принадлежности. И он поднялся вместе с огнем в воздух и в небо».

В некоторых ирландских сагах друиды предстают в облике смешных персонажей, обладающих гораздо меньшим достоинством, чем хотелось бы их современным поклонникам. Впрочем, может быть, унижение друидов не в последнюю очередь было связано со сходством их наименования со словом *drúith*, «шут». В саге «Недуг уладов», полной мифологических мотивов, королеву Медб (изначально ирландскую богиню) охраняют два друида: Кром Деройл и Кром Дарайл. Они стоят на стене и спорят о том, что они видят. Один считает, что к крепости приближается большое войско, а другой утверждает, что они видят всего лишь природные явления. На самом деле через некоторое время перед ними появляется войско.

Друидическое сословие могло сохранять какую-то власть и после принятия христианства. По крайней мере, так произошло в гойдельском мире, ибо у нас нет

оснований полагать, что с приходом христианства языческие культы и все их атрибуты и служители исчезли в одночасье. В Шотландии святой Колумба якобы встретил друида по имени Бройхан неподалеку от Инвернесса в VII веке н. э. Вероятно, сословие друидов существовало еще некоторое время после наступления христианской эпохи, хотя и лишилось своей былой религиозной силы и своего политического влияния; возможно, друиды стали исполнять роль лишь волшебников и колдунов.

Однако их прежняя власть, по крайней мере в каких-то частях древнего мира, не может подвергаться сомнению. Цезарь вряд ли сильно ошибался, когда отмечал:

«...они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершенно ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания... Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею ознакомиться, отправляются туда для ее изучения» (Цезарь, VI, 13).

Более того, Плиний отмечает аристократическую природу друидизма на Британских островах. Он пишет: «На сегодняшний день Британия до сих пор зачарована волшебством и исполняет свои обряды с такой торжественностью, что могло бы показаться, что именно отсюда заимствовали свою религию персы».

Цезарь не упоминает о друидах, рассказывая о своем походе в Британию. Впрочем, мы можем заключить, что друидизм существовал по крайней мере в некоторых областях Британии в I веке н. э., рассматривая сообщения о восстании Боудикки, мимоходом касающиеся кельтских религиозных воззрений и обычаев. О друидах в Британии сообщает лишь один античный писатель. Описывая нападение римлян на друидические укрепления на острове Англси в 61 году н. э., Тацит пишет:

«На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными

волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого исступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суевренных обрядов...» (Тацит. *Анналы*, XIV, XXX).

Мы уже говорили о том, что друидический центр на острове Англси мог играть важную роль не только в религиозной, но и в экономической сфере, и что, возможно, именно этим объясняется фанатичное сопротивление римскому нападению. Дальнейшие археологические раскопки вкупе с классификацией некоторых культовых фигур, которые не изучались в этом контексте, могут пролить больше света на природу друидизма как на острове Англси, так и, возможно, во всей Британии.

Сообщения античных авторов о том, что в отправлении обрядов языческой кельтской религии принимали участие женщины, подтверждаются данными островных текстов. Вописк, сведения которого, впрочем, следует рассматривать с крайней осторожностью, делает несколько любопытных замечаний:

Когда Диоклетиан, как говорил мне мой дед, оставившись на постоялом дворе в земле тонгров в Галлии, в те времена, когда он еще занимал скромное положение в армии, и составлял ежедневный отчет о своем содержании с женщиной-друидом, эта женщина сказала ему: „Ты слишком жаден и расчетлив, Диоклетиан“. На что он в шутку ответил: „Я буду более щедрым, когда стану императором“. В ответ женщина сказала: „Не смейся, Диоклетиан, ибо когда ты убьешь Кабана, ты на самом деле станешь императором“» (Numerianis, XIV).

В другом сочинении тот же автор рассказывает:

«Он [Асклепидот] говорил, что однажды Аврелиан посоветовался с галльскими женщинами-друидами, желая узнать, сохранят ли его потомки в своей власти императорскую корону. Эти женщины сказали ему, что ни одно имя не будет столь славным в императорских анналах, как имя Клавдиева рода. Конечно же, правда, что нынешний император Констанций происходит из того же рода, и я думаю, что его потомки непременно завоюют славу, предсказанную друидами» (Aurelianus, XLIII, 4, 5).

Мы уже видели, что в «Похищении быка из Куальнге» пророческими качествами наделяется прорицательница Федельм; и у нас есть все основания полагать, что в друидическое сословие принимались женщины — по крайней мере в некоторых областях и на некоторых стадиях.

Идолы, образы и вотивные дары

Мы рассмотрели некоторые вопросы, касающиеся кельтских храмов и святилищ, и увидели, что друиды были жрецами по крайней мере у некоторых кельтских племен. Следующий вопрос состоит в том, почитали ли кельты своих богов в доримскую эпоху в осязаемой форме или удовлетворялись абстрактными понятиями и представлениями? Все наши данные говорят о том, что у кельтов было множество разнообразных идолов. Многие из них, должно быть, изготовлялись из сердцевины дуба; об этом свидетельствует огромный склад, состоящий примерно из 190 деревянных предметов из дуба, найденный в храме Секваны у истоков Сены (рис. 52). Этот вывод можно подкрепить многими другими деревянными культовыми принадлежностями из Франции, с Британских островов и из Дании, где были обнаружены изделия с заметным кельтским влиянием. Необычайно большое количество дошедших до нас изваяний говорит о том, что в кельтские времена таких идолов было еще больше. Похоже, идолы чаще всего изготовлялись из дерева, а так как кельты почитали

*Рис. 52. Три из 190 предметов,
сделанных из сердцевины дуба
и найденных в святилище
Секваны у истоков реки Сены,
Кот-д'Ор, Франция*

дуб превышает всех остальных деревьев, естественно, что предпочтение отдавалось именно ему. Некоторые филологи связывают слово «друид» с кельтским словом, обозначающим дуб и родственным греческому слову, *drus*. Второй слог в слове «друид», предположительно, связан с индоевропейским корнем *wid*, означающим «знать», а сложение этих элементов дает значение «мудрец, почитающий дуб». Максим Тирский сообщает, что кельты представляли Зевса (имея в виду кельтский эквивалент античного бога) в образе высокого дуба. Цезарь пишет, что Меркурию было посвящено большее количество образов в Галлии, опять же говоря о местных богах, слившихся с Меркурием в римские времена. Судя по всем этим сведениям, кельтская религия вовсе не была столь абстрактной, как считалось ранее, и отнюдь не пренебрегала осязаемыми формами изображения богов.

Более ограниченной популярностью пользовались каменные изваяния; и хотя небольшое их количество дошло до нас от сравнительно раннего периода (VI век до н. э.), только под воздействием римских образцов начиная с I века до н. э. каменная скульптура приобретает широкое распространение. Тем не менее имеется много свидетельств, показывающих, что кельты почитали и наделяли сверхъестественной природой сами камни, декорированные в кельтской манере (в качестве примеров можно привести камни из Туро и Каслстренджа в Ирландии или столб из Сент-Гоара в Швейцарии), или просто необработанные каменные глыбы или стоячие камни (рис. 53). Как мы видели, камни иногда служили пограничными межами. Лиа Фаль, камень в Таре, являвшийся непременным атрибутом инаугурационной церемонии, вскрикивал, когда на него ступал правомочный правитель страны. В древнеирландской традиции мы находим множество рассказов, повествующих о необычайных качествах священных камней. Определенные камни наделяются сверхъестественными силами и в современном кельтском фольклоре, а использование камней в черной магии и в связанных с нею практиках все еще встречается в изолированных областях кельтского мира.

Рис. 53. Столб
из Пфальцфельда,
Гунсрюк, Германия

В ирландских «Диндхенхас» (легендах, объясняющих происхождение названий различных мест) содержится упоминание о каменном идоле по имени Кенн Кройх или Кромм Круах (в современном фольклоре — Кром Дув) и одиннадцати окружавших его меньших камнях. Хотя эту легенду нельзя принимать на веру целиком и полностью, в ней заключаются некоторые черты, согласующиеся с нашими представлениями о кельтских верованиях, почерпнутыми из других источников. Кроме того, ее правдоподобие подкрепляется тем обстоятельством, что этот идол якобы стоял на равнине Маг Слехт в северо-западной части графства Каван, в которой находилась обширная область, имевшая первостепенное значение в религиозной жизни ирландцев в языческую эпоху. В легенде говорится:

«Здесь стоял огромный идол, который видел много сражений и чье имя было Кромм Круах; из-за него все племена не ведали мира... Он был их богом, высохший Кромм, скрытый многими туманами; что до людей, веривших в него, то не вступят они никогда в царство вечное... Рядами стояли каменные идолы, по четыре в три ряда; чтобы ввести людей в заблуждение, фигура Кромма была сделана из золота. Со времен царствования Эремона, щедрого вождя, почитались эти камни, пока не пришел в Ард Маху благородный Патрик. Он обрушил на Кромма кувалду и разбил его с головы до ног; без малейших усилий изгнал он бессильного духа, стоявшего там» (Gwynn, XI, 19ff).

Возможно, эта красочная сцена, описывающая низвержение языческих идолов Христианской Церковью, поможет нам лучше понять, почему до наших дней дошло так мало каменных изваяний доримского периода.

Очевидно, Кромм или Кенн Круах до сих пор фигурирует в ирландской фольклорной традиции под именем Кром Дув. Маре Мак-Нейлл рассмотрела легенды, относящиеся к этой культовой фигуре, в контексте своего исследования, посвященного важному языческому празднику Лугназад. Другой каменный идол описывается в ирландском «Мартирологе Энгуса»: «Клохар, то есть золотой камень, то есть камень, оправленный

золотом, который почитали язычники; и демон по имени Керманд Кестах говорил из него, и это был главный идол севера».

Другой идол, якобы почитавшийся бриттами, звался Этарун. В этом имени можно выделить тот же корень, который мы обнаруживаем в имени великого галльского бога Тараниса, изображавшегося с колесом. Следы культа Тараниса можно найти и в Британии. Считалось, что боги или демоны обитают не только в камнях; точно так же обиталищем духов могло служить оружие. Священное оружие богов или героев могло, согласно народным верованиям, действовать и говорить независимо от своих владельцев под влиянием обитающих в нем сверхъестественных сил. В «Похищении быка из Куальнге» говорится, что Суалтайм, земной отец Кухулина, погибает из-за своего щита; он нарушил запрет, по которому никто не может говорить до того, как выскажется друид:

Тогда в гневе и ярости ушел от них Суалтайм, ибо не услышал желанного ответа. И случилось так, что поднялся на дыбы Серый из Махи и поскакал прочь от Эмайн, а щит Суалтайма выскользнул из его рук и краем своим отрубил ему голову. Тогда повернула лошадь обратно к Эмайн, и на спине ее лежал щит с головой Суалтайма. Вновь молвила голова: „Мужей убивают, женщин уводят, скот похищают, о улады!“» (Похищение, с. 290).

В Британии и на континенте было найдено большое количество миниатюрных копий, мечей и щитов, составлявших часть votivного дара, что лишний раз указывает на существовавшую в глазах кельтов устойчивую связь оружия со сверхъестественными силами. Некоторые из этих миниатюрных предметов были намеренно сломаны, несомненно в соответствии с требованиями религиозного ритуала. Кинжалы с антропоморфными рукоятями (рис. 54), изображавшими дух или божество, обитающее в кинжале или присутствовавшее при его создании, являются еще одним свидетельством почитания, которым пользовались такие предметы в древнем кельтском мире.

Рис. 54. Антропоморфная рукоять
короткого меча, Норт-Гримстон,
Йоркшир

Латенское искусство, как мы увидим в следующей главе, является настоящим кладезем религиозной символики, искусно вплетавшейся в общий рисунок, состоявший из ломаных линий, спиралей, стилизованных листьев и растений; магическим символом, судя по всему, считалась и шейная гривна: ее часто можно увидеть на изображениях богов и героев (рис. 55). Многие элементы конской упряжи и украшения шлемов можно рассматривать как знаки магической силы, обладавшие, скорее всего, способностью защищать

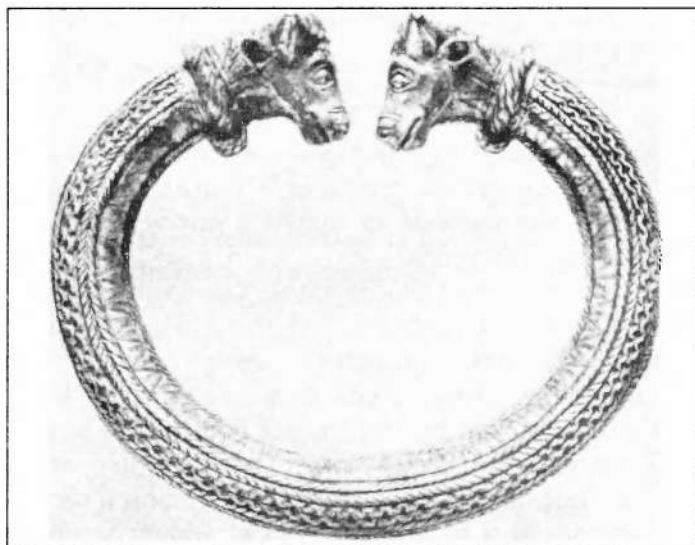

Рис. 55. Кельтская
шейная гривна с
быгими головами,
Трихтинген,
Вюртемберг

своего владельца от злых чар. Таким образом, в отличие от господствовавшей ранее точки зрения, мы можем утверждать, что кельты почитали идолов и наделяли своих богов антропоморфными образами. Однако из-за типично кельтского косвенного способа выражения верований и представлений этих идолов не всегда удастся распознать, и только изучение полного культурного и бытового контекста может раскрыть скрытый религиозный смысл многих вещей, которые на первый взгляд кажутся предельно ясными и земными.

Праздники и ритуальные собрания

Когда мы говорили о кельтских святилищах, то выяснили, что таких святилищ было у кельтов множество, хотя некоторые из них были признаны таковыми только в последние годы, а многие еще ожидают идентификации. Затем мы обратились к жреческому сословию, в обязанности которого входило посредничество между людьми и богами, и обнаружили, что у некоторых кельтских племен были жрецы, известные под именем друидов, и что имеются свидетельства о существовании других категорий жрецов, носящих другие названия, хотя мы ничего не знаем об их значении или их взаимоотношениях с сословием друидов. Мы видели, что у кельтов было множество идолов, и мы не сомневаемся, что по мере того, как будут продвигаться исследования и увеличиваться объем наших знаний, будет обнаружено или опознано еще больше вещей подобного рода. Но для чего использовались эти вещи? Какие ритуалы проводились жрецами в святилищах, какое участие в них принимали идолы и другие предметы культового назначения?

Кельты отмечали определенные календарные праздники. Как мы уже говорили, кельтский день начинался ночью. Кельтский год делился на четыре главные части в Ирландии и, скорее всего, во всем кельтском мире. Каждой части года предшествовал большой религиозный праздник, связанный с определенной культовой легендой. Праздник сопровождался пиршеством и весельем, ярмарками и играми, а также торжественными

религиозными обрядами и, по крайней мере в Галлии, жертвоприношениями людей и животных. Этот обычай вызывал отвращение у римлян, которые отказались от практики человеческих жертвоприношений задолго до того, как вступили в тесные связи с языческим кельтским миром.

Первое религиозное торжество, связанное с календарным годом, отмечалось 1 февраля. Очевидно, этот праздник был посвящен богине Бригите, место которой позднее заняла христианская св. Бригита. Эта могущественная богиня была известна под именем Бригантия и почиталась в Северной Британии. Посвящения и другие надписи, найденные на континенте, свидетельствуют о том, что ей поклонялись и континентальные кельты. Вероятно, Бригита входила в общекельтский пантеон богов. Функциональный характер праздника Имболк (или Оймелг) остается не вполне проясненным. Скорее всего, это был пастушеский праздник, связанный с приплодом овец. В поздней христианской традиции отмечается связь св. Бригиты с овцами, пастушеским хозяйством и с плодородием в целом, которая, по-видимому, является пережитком функции, которую исполняла ее божественная предшественница.

Второй праздник, Бельтан, праздновался 1 мая. Возможно, он был связан с почитанием древнего кельтского бога Беленоса. Беленос упоминается в 31 надписи из Северной Италии, Юго-Восточной Галлии и Норика. В нашем распоряжении имеются также эпиграфические следы присутствия его культа в Британии, а некоторые данные литературной традиции позволяют утверждать, что этот бог был известен и в гораздо более поздний период. Бели Маур, фигурирующий в «Мабиногион» в роли могущественного короля Британии, по всей видимости, считался божественным предком аристократических родов раннего Уэльса. Возможно, этот персонаж следует возводить к самому богу Беленосу. Власть и влияние этого древнего пастушьего бога, таким образом, объясняют популярность и живучесть посвященного ему праздника, отголоски которого до сих пор сохраняются в некоторых областях горной Шотландии. Согласно Кормаку, ирландскому глоссатору IX века, слово «Бельтан» происходит от *Bel-tene*,

«прекрасный огонь». Это был праздник, связанный с плодородием, который сопровождался магическими обрядами, призванными обеспечить прирост скота и богатый урожай зерна. Люди разжигали костры и проводили между ними скот. Согласно тому же Кормаку, друиды зажигали два костра и животных прогоняли между ними. Несомненно, на всех этих праздниках приносились жертвы. Бельтан также был известен под названием Кетхамайн.

Третий праздник также получил широкое распространение в кельтском мире, и его следы все еще сохраняются в современных кельтских народных обычаях. Проводившийся 1 августа праздник Лугназад по сути своей был сельскохозяйственным праздником, связанным с жатвой, а не с пастушеским хозяйством. Он был посвящен Лугусу в Галлии (Лугу в Ирландии, Ллеу в Уэльсе), могущественному общекельтскому богу, которого могли принести с собой в Ирландию поздние кельтские поселенцы. В римской Галлии в этот период в Лугудунуме (Лионе) отмечался праздник Августа, и очевидно, что он заменил собой древний праздник в честь кельтского бога. Как показывает современный фольклор, Лугназад был чрезвычайно значительным событием в Ирландии. Иногда его называли Брон Трогайн, «Печаль Трогана», и это, возможно, более древнее имя, чем Лугназад. В Ирландии в день Лугназада традиционно устраивались два больших собрания, связанных с могущественными богинями. Одно собрание называлось Ойнах Тайльтен, другое — Ойнах Кармайн. Ойнах Тайльтен проводился в Телтауне в графстве Мит. Нам известны две легенды, объясняющие возникновение праздника. В одной говорится, что Лугназад был установлен самим Лугом в честь его приемной матери Тайльтиу, которая умерла 1 августа. Мы уже видели, насколько важна была система воспитанничества для кельтского общества и как почитались приемные родители. Это установление, по мнению кельтов, действовало и в обществе богов.

Праздник Лугназад продолжался целый месяц, 15 дней до и 15 дней после 1 августа. Согласно другим традициям, Луг основал праздник в Тайльтиу, чтобы почтить память двух своих жен: Нас и Буи. В Ульстере

Лугназад проводился в Эмайн Махе, в Лейнстере — в Кармане. Считалось, что Карман была матерью трех сыновей; вместе с сыновьями мать опустошала Ирландию: она, как свойственно женщинам, использовала волшеббу и колдовство, а они применяли силу и оружие. В конечном итоге сыновья были побеждены и изгнаны из Ирландии, а Карман осталась в качестве заложницы вместе с «семью вещами, которые они чтили». Она умерла с горя, и после смерти согласно желанию Карман в ее честь отмечается праздник.

Четвертый праздник — который на самом деле был первым в кельтском календаре, так как с него начинался год, — назывался Самайн, и, возможно, он был самым важным из всех четырех календарных праздников. В этот день Иной мир открывался перед человеческим взором и все сверхъестественные силы беспрепятственно врываются в человеческий мир. Это было время большой опасности и духовной уязвимости. Самайн праздновался в ночь накануне 1 ноября и в сам этот день. В древнеирландских сагах этот праздник занимает важное место, что вовсе не удивительно, если учитывать, что именно в день Самайн происходило множество событий, обладающих мифологическим и ритуальным значением. Самайн отмечал конец одного пастушеского года и начало следующего, и не подлежит сомнению, что для умиловливания сил Иного мира и умиротворения враждебных стихий совершались жертвоприношения.

Дагда, племенной бог ирландцев, в день Самайн вступал в ритуальный брак с Морриган, богиней воронов и войны, воздействовавшей на воюющих с помощью волшебства, а не посредством оружия. В ранней традиции мы постоянно встречаем упоминания о ее искушенности в искусстве прорицания. Морриган была хорошим другом и безжалостным врагом.

Согласно другой традиции, Дагда вступал в брак с речной богиней, покровительницей реки Бойн.

Праздник Самайн все еще проводится в отдаленных кельтских областях, где до недавних пор исполнялись довольно сложные обряды. Это была ночь ворожбы и волшебства, и, чтобы утихомирить сверхъестественные силы, которые в то время пронизывали весь человеческий мир, следовало соблюдать правильный ритуал.

Конечно, древние кельты отмечали и другие языческие праздники. Можно вспомнить о празднике Теа, божественной покровительницы Собрания Тары, одного из крупнейших священных мест Ирландии; она тоже содержалась в плену, как Карман и Тайльтиу. Глахтга, также покровительница праздника, родила одновременно трех сыновей — типичный кельтский мифологический мотив, — у каждого из которых был свой отец. Как богиня Маха, она умерла при родах. Эти древние богини, очевидно, играли большую роль в ритуальных празднествах древнего кельтского календаря.

Отрубленные головы

От святилищ и храмов, жрецов и идолов, календарных праздников и ритуальных собраний мы переходим к рассмотрению природы подлинных божеств, для которых и устраивались все эти религиозные установления. Однако, прежде чем рассмотреть природу некоторых отдельных божеств и их культы, можно ненадолго задержаться на отдельном символе, который воплощает в себе всю кельтскую религию и является столь же характерным ее атрибутом, как знак креста в христианской вере. Мы говорим о символе отрубленной человеческой головы. Несмотря на все разнообразие проявлений этого символа в кельтской иконографии и письменной традиции, именно он составляет сущность, ядро кельтской религии. Он представляет собой нечто вроде стенографического знака, за которым скрывается вся совокупность религиозных представлений. Его существование прекрасно засвидетельствовано, причем сведения о нем мы можем извлечь из всех трех категорий источников, о которых мы упоминали в одной из предшествующих глав. Кроме того, символ отрубленной головы обладает необыкновенной устойчивостью и сохранился до сегодняшнего дня в суевериях и фольклоре кельтских народов. Кельты, как и многие другие варварские народы, охотились за человеческими головами. Мы можем утверждать это, основываясь на таких находках, как черепа, обнаруженные в кельтских укреплениях на холмах; в некоторых случаях были

найлены даже гвозди, которыми черепа прибавались к воротам или столбам, располагавшимся вокруг укрепления. Эти отрубленные головы служили трофеями, подтверждавшими воинскую доблесть их владельцев; и в то же время сверхъестественные силы, по верованиям кельтов присущие человеческой голове, защищали крепость или дом от зла и враждебных чар, обеспечивая удачу и счастье. Диодор Сицилийский отмечает у галлов обычай обезглавливать врагов и пишет, что они прибавляли отрубленные головы к стенам своих домов или бальзамировали их кедровым маслом и бережно хранили, словно бесценное сокровище. Свидетельство Диодора подкрепляется наблюдениями Ливия: «Консулы не имели сведений о несчастье, пока в поле зрения не появились галльские всадники с головами, прикрепленными к лошадям или надетыми на копья, распевающие свои обычные победные песни».

Ливий также рассказывает о том, что в 216 году до н. э. племя бойев поместило в храм голову уважаемого вражеского вождя. Человеческие черепа выставлялись в особых нишах в больших храмах Рокепертюза и Энтремона, и это обстоятельство также подтверждает справедливость наблюдений античных писателей. Более того, Ливий отмечает кельтский обычай украшать человеческие головы золотом и использовать их как чаши, и именно такую функцию, должно быть, исполнял череп, найденный в Либеницком святилище. Множество упоминаний об обычае обезглавливания мы находим в островной литературной традиции. Настоящая охота за головами разворачивается в Ульстерском цикле ирландских саг. В «Похищении быка из Куальнге», завершив свою первую схватку после принятия оружия, Кухулин возвращается в Эмайн Маху со стаей лебедей, дикими оленями и тремя отрубленными головами. В другом отрывке говорится, что он нес «девять голов в одной руке и десять в другой, и ими он размахивал перед войском в знак своей доблести». Вряд ли можно предположить, что кто-либо пожелал бы поставить это под сомнение.

Некоторые герои и божества никогда не садились пировать, не положив перед собой отрубленной головы. Кельты верили, что голова является вместилищем

души, источником жизни. Она символизировала само божество и обладала всевозможными чудесными свойствами. Она могла оставаться живой после смерти тела; она могла отгонять зло и изрекать пророчества; она могла двигаться и говорить, действовать и петь; она могла рассказывать развлекательные истории; она Распоряжалась на пиру в Ином мире. В одних случаях она изображала какое-то отдельное божество или являлась атрибутом определенного культа, в других — использовалась как символ для выражения самых общих религиозных чувств.

Самое впечатляющее литературное свидетельство о вере кельтов в чудодейственные силы отрубленной головы можно найти в повести о Бранвен в «Мабиногион». В этом рассказе, повествующем о злосчастной сестре Брана Благословенного, «Благословенного Ворона» (возможно, по происхождению могущественного кельтского бога), играет важную роль волшебная отрубленная голова евгемеризированного* божества. Сверхъестественная природа Брана проявляется хотя бы в том, что он столь велик телом, что ни один дом не может вместить его; после неудачного нападения на Ирландию раненый Бран требует у спутников, чтобы ему отрубили голову. Но прежде чем они это сделали, он предрек им будущее и дал им указания, что делать и как вести себя, чтобы избежать несчастья и разочарования. Его отрубленная голова продолжает жить после смерти Брана. Спутники забирают ее с собой в Иной мир, где они пируют и веселятся значительный промежуток времени, не имея понятия о том, где они на самом деле находятся, и забыв о страданиях, которые они претерпели. Голова развлекает их и оказывает гостеприимство:

«И они оставались там четыре по двадцать лет, но так, что не замечали времени и не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не было для них времени более приятного и веселого. И голова была с ними, будто живой Бендигейд Вран. И потому их

* Евгемеризм — переосмысление образов богов в виде живших в древности людей или героев. По имени др.-гр. ученого Евгемера. — *Примеч. ред.*

пребывание там названо Гостеприимством Достопочтенной Головы» (Маб., с. 31–32).

Наконец один из спутников пренебрегает предостережением Брана и открывает запретную дверь. Все волшебство исчезает, и они вновь вспоминают все, что случилось. Действуя по указанию Брана, они забирают голову в Лондон и погребают ее там. Она является талисманом, охраняющим страну от бед и несчастий до тех пор, пока ее не выкопают. Тогда ее силы исчезнут. В ирландской традиции отрубленная голова иногда распускается на пиру или развлекает собрание.

Археологические данные полностью подтверждают существование культа отрубленной головы у языческих кельтских народов. Сотни голов вырубались из камня; еще больше голов изготавливалось из дерева, однако деревянных образцов по естественным причинам дошло до нас меньше, чем каменных. Латенское искусство использует человеческую голову или маску в качестве постоянно повторяющегося мотива, часто снабжая изображения головы дополнительными культовыми атрибутами, рогами или коронами из листьев. Эти головы, несомненно, наделялись волшебными, отгоняющими зло силами, а некоторые из них представляли собой изображения отдельных богов и богинь.

Кельты твердо верили в магическую природу числа три. Кельтские божества часто имели тройственную природу. Некоторые мифологические персонажи имели три головы. Изображения трехликих голов (рис. 56)

Рис. 56. Два лица
трехголовой
фигуры,
найденной
в Корлек-Хилле,
графство Каван,
Ирландия

Рис. 57. Янусоподобная голова из базальта, Лейхлинген, Рейнланд, Германия

Рис. 58. Голова с рогами из Штаркенбурга, Германия

создавались в кельтских странах в римское время и, несомненно, подтверждали священный характер тройки. Некоторые из них были обнаружены в Британии. Другие, янусоподобные, головы (рис. 57) воплощают в себе представления о способности божества одновременно смотреть вперед в Иной мир и назад в мир человеческий. Иногда изображаются головы с рогами, и такие изображения скорее всего следует связывать с более общим культом рогатых богов (рис. 58). Иногда у голов нет ушей, иногда уши достигают огромных размеров. Иногда по бокам головы делались прорезы, в которые вставлялись уши животных. Обычно особо подчеркиваются глаза; иногда один глаз больше другого, иногда в одном или в обоих — по несколько зрачков. Лица обычно маскообразны и лишены выражения, в отличие от образов, известных нам по античному миру. Этот огромный запас изображений голов и данные о существовании когда-то еще большего количества голов, исполненных как в дереве и камне, так и

в металле (см. рис. 76), предоставляют крупный дополнительный источник информации о фундаментальной и жизненно важной роли человеческой головы в языческой кельтской религии на всех стадиях ее развития и во всех областях, населенных кельтами. Мы с полным правом можем говорить о том, что кельты почитали божественную голову, являвшуюся главным символом их религии.

Божества и культы

Теперь мы перейдем к вопросу, каким божествам поклонялись кельты; ибо хотя нельзя не отметить единообразия религиозного отношения и религиозной практики, присутствует также и отчетливая тенденция рассматривать богов и богинь как божественные типы, наделенные специализированными функциями в пределах их особых культовых сфер. Таким образом, хотя в нашем распоряжении имеются буквально сотни божественных имен, известных по эпиграфике и литературной традиции — некоторые повторяющиеся и обнаруживаемые по всему языческому кельтскому миру, некоторые зафиксированные лишь единожды, — существует ограниченное число типов кельтских божеств; и очевидно, что один и тот же тип божества почитался в широкой области, даже хотя он или она могли иметь различные имена и немного различающиеся культовые легенды, в соответствии с индивидуальными пристрастиями каждого племени.

Прежде чем рассмотреть некоторые наиболее примечательные культы, необходимо сказать несколько слов об иерархии кельтских божеств, насколько позволяют наши данные. Похоже, у кельтов не существовало пантеона в привычном смысле этого слова, как не существовало и строгого различения богов и богинь по особым функциям. Нам известны некоторые божества, частые упоминания о которых в эпиграфике и литературе подразумевают более обширную сферу влияния, чем известность тех богов, которые упоминаются один или два раза. Возможно, это позволяет нам говорить об определенной иерархии божеств. Однако и в этом

случае эти боги и богини не ограничены своими особыми функциями, а могут заниматься и другими сферами (рис. 59).

Кажется, кельтские божества в целом считались благими всесторонними сущностями. Основным типом кельтского божества являлся бог племени, вне зависимости от того, каким именем его называли в разных областях. У каждого племени был свой божественный прародитель. Его могли считать предком народа, отцом короля или вождя, в котором, как считалось,

Рис. 59. Некоторые боги Галлии галло-римского периода:

1 — Эпона, покровительница лошадей. 2 — Бог с коклюшками.

3 — Три богини-матери. 4 — Меркурий с четырьмя лицами. 5 — Нантосвелта и Сукеллос. 6 — Галльско-римский Юпитер с колесом и спиралью

случае эти боги и богини не ограничены своими особыми функциями, а могут заниматься и другими сферами (рис. 59).

Кажется, кельтские божества в целом считались благими всесторонними сущностями. Основным типом кельтского божества являлся бог племени, вне зависимости от того, каким именем его называли в разных областях. У каждого племени был свой божественный прародитель. Его могли считать предком народа, отцом короля или вождя, в котором, как считалось,

Рис. 59. Некоторые боги Галлии галло-римского периода:

1 — Эпона, покровительница лошадей. 2 — Бог с коклюшками.

3 — Три богини-матери. 4 — Меркурий с четырьмя лицами. 5 — Нантосвелта и Сукеллос. 6 — Галльско-римский Юпитер с колесом и спиралью

пребывали божественные силы. Бог нес ответственность за общее благосостояние племени, за плодovitость скота и самих людей, за хорошие урожаи и отсутствие бед и катастроф, за хорошие законы и справедливые приговоры. Такая же ответственность возлагалась и на короля. Король, ущербный в физическом или моральном плане, не мог принести племени ничего, кроме вреда; хорошее правление обеспечивало хорошую погоду и урожай, все благоприятствовало людям. Как король, бог-отец управлял правосудием и законами в мирное время. Он брал оружие и вел свой народ в битву в дни войны. Цезарь говорит: «Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов» (Цезарь, VI, 18). Этот кельтский эквивалент образа бога-прародителя, несомненно, является универсальным племенным богом, представленным в образе Дагды, «Хорошего Бога» ирландской традиции — великого, могучего, обладающего всепокрушающей палицей и чудесным котлом война, супруга богини Морриган, богини воронов и войны, и Боанн, эпонимической богини реки Бойн. Его эквивалентом в Галлии, скорее всего, наряду с другими богами, следует считать Сукеллоса, «Благого молотобойца», изображения которого чрезвычайно напоминают словесные описания Дагды.

Племенной бог вступал в брак с богиней земли, носившей различные имена в различных областях и традициях. Как мы видели, одной из супруг бога Дагды была могущественная богиня войны, принимавшая по желанию облик ворона и воздействовавшая на исход битвы с помощью волшебства. Еще одним связующим звеном между галльским Сукеллосом и ирландским Дагдой, выступавших в качестве прародителей племени, является тот факт, что супругой галльского бога была Нантосвелта, а ее атрибутом является ворон.

Таким образом, кельтский пантеон состоял из племенного бога, в ведении которого находились все сферы деятельности, божественного аналога короля или вождя, с его супругой, матерью-землей, обеспечивавшей плодородие земли и плодovitость скота и принимавшей активное участие в сражениях с врагами племени, используя заклинания и волшебные чары, а не

оружие. Кроме божественной супружеской четы кельты поклонялись богам, имеющим более четко определенные сферы влияния, подобные разделению труда, существующему в человеческом обществе. У кельтов были бог-кузнец, бог-целитель, бог сказителей, бог-покровитель некоторых могущественных источников или рек. Однако при необходимости эти функции могли выполнять и племенные боги, и, таким образом, области «божественной компетенции» зачастую накладывались, перекрывая друг друга (рис. 60).

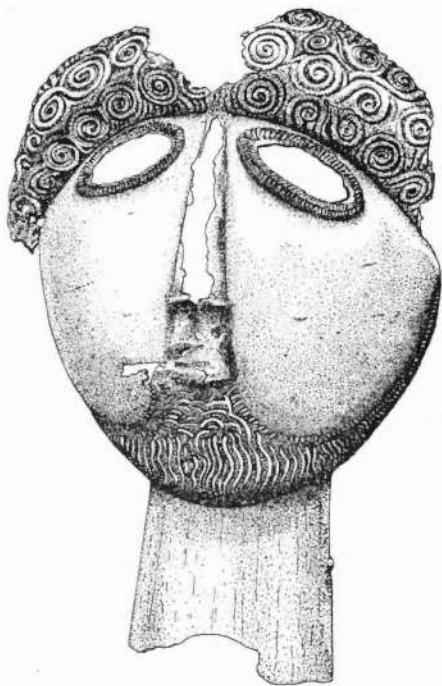

Рис. 60. Маска кельтского бога из области Пиренеев. В отверстия для глаз были первоначально вставлены эмаль или стекло

Итак, по всей видимости, кельты считали общественное устройство богов сходным с племенной иерархией. Имеются также некоторые данные, говорящие о существовании группы «верховных» божеств, занимавших более высокое положение, чем боги племени. Речь идет о богах самих богов. Некоторые богини на определенной стадии развития кельтской религии считались «матерями богов». Мы знаем множество таинственных, но могущественных богинь, таких как Ану или

Дану; Бригита или Бригантия; или валлийская Дон. Ану, «кормилица богов», возможно, тождественна ирландской Дану и валлийской Дон. Бригита — языческая богиня, в некоторых легендах выступающая в качестве матери богов Бриана, Иухара и Иухарба. Согласно другим традициям, матерью этой троицы, «людей трех богов» (*fir tri ndea*), является Дану. Культ трех Бригит, дочерей племенного бога Дагды, нашел свое продолжение в почитании раннехристианской святой Бригиты из Килдара. Вокруг ее священного, вечно горящего огня всегда бодрствуют девять дев. Ее британским эквивалентом является, конечно же, Бригантия, «Высокая», которая дала свое имя территории римской Британии (соответствующей современным шести северным графствам Англии) и могущественному союзу племен, бригантам, которые населяли эту область.

Существование всех этих могущественных женских божеств вне зависимости от того, являются ли они в конечном итоге одним и тем же божеством или же восходят к единому образу божественной матери, свидетельствует о том, что выше племенного бога и его супруги — матери-земли — стояла группа верховных богинь, вскармливавших самих богов и рождавших сыновей, также занимавших более высокое положение по отношению к племенным божествам.

Смутные и плохо различимые образы других богинь угадываются в женских персонажах, обучавших Кухулина приемам ведения боя, которые сослужили ему такую хорошую службу в тяжелые времена. Скатах, которую Кухулин, герой Ульстерского цикла, заставил пообещать выполнить три его желания, является великой воительницей-королевой, подобно ранней ирландской королеве Медб. Она дает герою в жены свою дочь, обучает его военному делу и предрекает ему будущее. Затем Кухулин побеждает ее врага, еще одну могущественную воительницу Айфэ, которая разъезжает в своей колеснице и с высокомерным пренебрежением относится к миру мужчин. Уладский герой захватывает ее в плен и добивается у нее обещания выполнить три его желания: он требует от нее не только заключить мир со Скатах, но и провести с ним ночь и родить ему сына. Так и происходит, и рожденный ею

сын и есть тот мальчик, которого позднее Кухулин был вынужден убить в поединке, до последнего мгновения не понимая, с кем он сражается.

Все эти могучие воительницы-королевы-богини могут считаться родственными другу другу и, возможно, в действительности воплощают в себе образ верховной надплеменной богини, великой богини самих богов.

Рассмотрев основные принципы, на которых строился Иной мир кельтов-язычников с его фундаментальным разделением божеств на супружескую чету, состоящую из племенного бога и матери-земли и всех остальных богов и богинь, исполнявших разнообразные и более частные функции, мы должны теперь взглянуть на некоторые отдельные культы, с которыми были связаны эти божества. Мы видели, что культ отрубленных голов играл жизненно важную роль в кельтской религии и выражал все аспекты кельтской религиозности. Учитывая то обстоятельство, что этот символ мог замещать любой из многочисленных культов кельтских божеств, мы должны перейти к общему обзору некоторых наиболее типичных культов и типов божеств, с которыми они были связаны.

Кельты, как мы сейчас увидим, часто поклонялись богам в образе животных. Поэтому вовсе не удивительно, что одним из наиболее распространенных типов богов, засвидетельствованных по всему кельтскому миру, является рогатый бог. Имеется два главных «подвида» рогатого божества. Во-первых, это бог с оленьими рогами, названный в одной надписи именем Цернуннос, «Рогатый». Следы его культа обнаруживаются во всех областях кельтского мира, а его изображениям присуще замечательное единообразие. На его голове растут оленьи рога (рис. 61), а сам он часто появляется в сопровождении оленя. Его шею часто охватывает сакральная шейная гривна. Его постоянным спутником является таинственный змей с головой барана или с рогами. Это странное существо часто изображается также с божеством, которого римляне считали местным эквивалентом Марса. Бог-олень часто появляется в кельтской иконографии в сидячем положении, возможно, отражающем обычай галлов, которые не использовали стульев, а сидели на земле. Его культ был широко

распространен в кельтских областях, и, возможно, его особо почитали друиды. Убедительные следы его почитания можно найти в литературной традиции как Ирландии, так и Уэльса; и тот факт, что в поздних христианских иллюминированных рукописях он стал символизировать дьявола и антихристианские силы, свидетельствует о важной роли, которую он играл в кельтской религии. Цернуннос часто изображается в виде повелителя животных. Например, на котле из Гундеструпа он сидит, держа за шею змею с рогами вола, а по бокам его стоят волк и медведь; множество других зверей видно на заднем плане. В отличие от второго «подвида» рогатого божества, бог с оленьими рогами никогда не носит оружия, и, судя по всему, его культ был связан в первую очередь с плодородием и торговым процветанием. В нем есть достоинство и изящество, которые подразумевают большую древность и почтение.

Рис. 61. Бог с оленьими рогами, Кориниума, Сиренстер, Глостершир

Вторым «подвидом» рогатого бога, изображения которого также обнаруживаются по всему кельтскому миру, является бог с рогами быка или вола. Он гораздо грубее, чем его собрат с оленьими рогами, но имеет с ним и некоторые общие черты. Иногда эти два культа, похоже, пересекались. Оба рогатых бога, например,

связывались с римским Меркурием. Причина того, что кельтский оленерогий бог сближался в римские времена с этим античным богом, наверно, заключалась в связи Меркурия с экономическим благосостоянием. Более того, в своей более древней функции покровителя стад и скота Меркурий сближается с оленерогим богом в образе повелителя животных и с быко- или волорогим пастушеским богом. Быкорогий бог безымянен; он мог быть любым из божеств, почитаемых в Галлии или в Северной Британии, где его культ наиболее широко представлен. Он же является и богом войны (рис. 62).

Рис. 62. Рогатый
бог-воитель,
Мерипорт, Камберленд

Иногда в местной иконографии его символизирует образ рогатой головы. Чаще всего он изображается в облике обнаженного воина с копьем и щитом, причем эти изображения часто носят откровенно сексуальный характер. Иногда он схож с Марсом, иногда с Меркурием. Его же можно связать с Сильваном, мирным богом лесных чащоб. Выступая в роли покровителя непрестанно воюющих пастушеских племен, быкорогий бог, конечно же, воплощал в своем лице самые насущные их чаяния. Он был могущественным воителем,

покровителем скота, олицетворением мужественности и плодovitости.

Как мы видели, бог племени был по сути своей могучим воином, и все его мирные функции отходили на второй план, если племя оказывалось под угрозой нападения со стороны враждебных сил или готовилось к захватнической вылазке. В таком случае бог-отец становился военным вождем, идеалом человеческой выносливости и стойкости. Так как кельты были беспокойным кочевым народом и больше заботились об украшениях, чем о постоянных жилищах и долговечных религиозных сооружениях, скорее всего, во время своих переселений они брали с собой какие-то амулеты и небольших идолов, по большей части символизировавших божественного воителя. Должно быть, чаще всего это были головы, сделанные из камня или дерева, или небольшие деревянные идола, или даже каменное священное оружие, в котором, как они считали, пребывал бог. Естественно, кельтские боги должны были показаться римлянам чрезвычайно агрессивными при их первых столкновениях с кельтами, и поэтому бог кельтского племени обычно отождествлялся античными писателями с Марсом, римским богом войны. Когда раздоры и войны прекратились, а римляне захватили власть над обширными кельтскими территориями, первоначальные изображения местного бога в облике Марса не вышли из употребления. Однако мы знаем по некоторым посвящениям и данным иконографии, что во многих случаях этот бог-воитель был тесно связан с такими вещами, как целебные воды и сельское хозяйство, или считался покровителем отдельных мест, хранителем местной культурной традиции.

В северных областях Британии, где римляне постоянно сталкивались с ожесточенным сопротивлением кельтов, бог войны — часто в форме быка или быкорого бога — занимался только военными делами. Лишь одно северное божество, а именно Марс Кондатис, «Марс Слияния Рек», почитавшийся в Честере-ле-Стрит и Пирсбридже в графстве Дарем, устойчиво ассоциируется с силами священного потока или реки, и эта его функция напоминает роль Марса во многих частях Галлии и в Юго-Западной Англии. Таким образом,

боги, отождествляемые с Марсом в этой области Британии, по большей части выступали в роли целителей, и любопытно отметить, что ирландские божества также славятся искусством врачей-целителей. Луг из племен богини Дану, могучий и ловкий воин, но владеющий и всеми остальными ремеслами, считался божественным отцом великого героя Кухулина. В «Похищении быка из Куальнге» говорится, что Кухулин был тяжело ранен, и тогда Луг пришел к нему в облике воина, и никто, кроме сына, не мог его увидеть. Он спел, погрузил Кухулина в сон, затем исцелил его ужасные раны священными травами, а своими чарами полностью излечил раненого героя.

Для такого воинственного народа, каким были кельты, бог-воитель играл важнейшую роль в мифологии и поздней иконографии. Таким же большим значением обладал культ оружия. Как мы видели, во многих ранних ирландских сагах рассказывается, как боги сами создавали некоторые мечи, щиты и копья или приносили их в Ирландию из других мест.

Кельтские богини в целом были могущественными женскими божествами. В основном в сферу их влияния входили плодородие земли и скота, сексуальные удовольствия и боевые чары. Похоже, фундаментальную роль в языческих верованиях кельтов играл образ тричного женского божества. Стандартное иконографическое представление матери племени состоит из трех матерей-богинь, матрон, известных как в галло-римском, так и в бритто-римском мире. Так как материнская сущность богини племени играла чрезвычайно важную роль, вовсе не удивительно, что ее скульптурные изображения часто отражают именно эту ее функцию. Мать-богиня зачастую изображается с младенцем на коленях. Однако сверх этой основной функции матери племени у кельтских богинь можно выделить определенные специфические сферы влияния. Например, три богини по имени Морриган ассоциировались в первую очередь с битвой, с предсказаниями и с изменением облика, хотя очень отчетливо проявляются и их сексуальные коннотации. Такие богини, как Флидас, вероятно, были прежде всего связаны с владычеством над лесными зверями, подобно Цернунносу и римской

Диане. Такие богини вели охоту, ездили на колесницах по безлюдным лесам и оберегали стада. Флидас была супругой великого героя Фергуса мак Ройга, «Фергуса, сына Великой Лошади». Только она могла полностью удовлетворить его в сексуальном отношении.

Мы должны вспомнить еще одну великую богиню, известную нам по ранней ирландской традиции, — королеву Медб с ее бесконечной чередой мужей и любовников. Можно упомянуть великих богинь целебных источников и колодцев. Гораздо меньше нам известно о таких загадочных и туманных персонажах, как британская богиня Ратис, «Богиня укрепления»; Латис, «Богиня заводи» (или «Богиня пива»); и так далее. Очень мало мы знаем о Ковентине, богине-нимфе Северной Британии, которой посвящены многочисленные надписи и центр культа которой находился в Карроуборо (Броколитии) у вала Адриана в Нортумберленде. Богатство votivных даров, найденных в ее священном источнике, говорит о почитании, которым она пользовалась. Следы ее имени на континенте подразумевают, что она, возможно, имела более широкую культовую орбиту, чем может показаться на первый взгляд.

Бат (Сомерсет, Акве Сулис) был центром культа другой великой местной богини источника. Сулис, богиня горячих целебных источников, стала отождествляться с римской Минервой. В иконографии римских бань этот образ приобретает одновременно античные и местные черты; однако античная форма в данном случае воплощает верования местных кельтских племен, посвятивших эти священные источники богине Сулис.

В Акве Арнеметие (Бакстон) в Дербишире в римские времена также почиталась местная богиня священных источников.

Итак, главные кельтские богини в основном исполняли функцию матерей племени. Часто встречается и образ богини войны, иногда владеющей оружием, иногда использующей колдовские силы, чтобы принести успех той стороне, которую она поддерживает. Великая Морриган не задумываясь дает герою Кухулину почувствовать ее гнев и силу, когда тот отвергает ее сексуальные

домогательства. В отместку она выступает против Кухулина, когда его сильно теснят в поединке:

Предстала им Морриган в облике белой красноухой телки, что вела еще пятьдесят телок, скованных попарно цепочками из светлой бронзы. Наложили тут женщины на Кухулина запреты и гейсы, дабы не дал он уйти Морриган, не изведя и не погубив ее. С первого же броска поразил Кухулин глаз Морриган. Тогда обернулась она скользким, черным угрем, поплыла вниз по течению и обвилась вокруг ног Кухулина. Пока силился он освободиться, нанес ему Лох рану поперек груди. Явилась тогда Морриган в обличье косматой рыжей волчицы, и вновь ранил Кухулина Лох, пока тот отгонял ее. Переполнился гневом Кухулин и ударом га булга поразил врагу сердце в груди» (Похищение, с. 209).

Кельтские богини обладали властью над землей и временами года; они обладали сексуальной притягательностью и одновременно считались по-матерински заботливыми. Многие из них, очевидно, перешли в фольклорную традицию.

Птицы

Птицы в языческой кельтской религии играли важную и фундаментальную роль, пожалуй, даже в большей степени, чем звери. Такое почтение к птицам, очевидно, уходит своими корнями в глубокую древность. Можно проследить отчетливые и устойчивые ассоциации, которые вызывали у кельтов различные виды пернатых (рис. 63). Некоторые птицы веками пользовались и по сей день пользуются особым почетом. У других был лишь кратковременный период популярности, но птицы в целом привлекали особенный интерес кельтов. Они играли в кельтской религии разные роли. Друиды извлекали знамения из наблюдений за полетами и криками птиц. В некоторых текстах отмечаются примеры толкований различных птичьих криков. Еще в период полей погребальных урн в протокельтском

Рис. 63. Сова. Деталь сломанной броши из Вайскирхена, Лотарингия, Франция

контексте образы некоторых птиц имели отчетливую связь с религией. Всевозможные водяные птицы ассоциируются с культом солнца в его целебных аспектах. Идолы изображаются сидящими в колесницах, влекомых птицами. Само солнце влекли за собой баклан (рис. 64), утка или гусь, и эти птицы продолжают фигурировать в поздней художественной традиции.

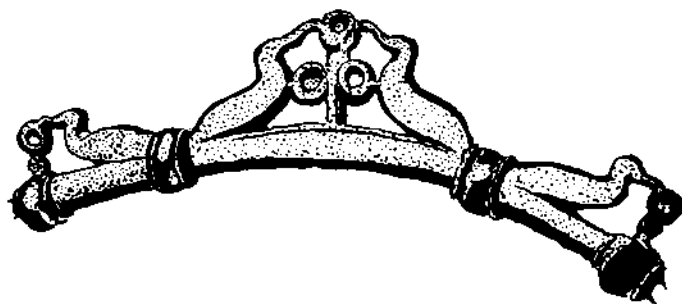

Рис. 64. Бакланы на шейной гривне из Бревени, Марна, Франция

На изображениях можно различить несколько видов уток, а точность орнитологических деталей в иконографическом репертуаре языческой Европы поражает воображение. Одним из самых изящных примеров использования изображений птиц на функциональном объекте, который, впрочем, мог употребляться и для ритуальных целей, является стрекало из Дунавэрни, Ирландия (рис. 65). Здесь изображены вороны и лебеди с детенышами. Все фигурки птиц можно передвигать.

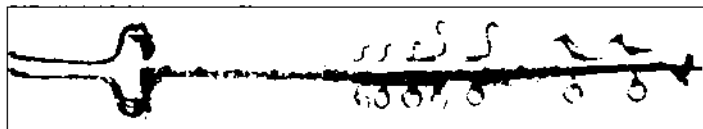

Рис. 65. Стрекало, Дунавэрни, графство Антрим, Ирландия

Это говорит о том, что с помощью фигурок могли производиться гадания, а сам предмет, скорее всего, принадлежал королю или жрецу.

В кельтской традиции особую роль играли некоторые большие птицы. В их число входили лебедь, журавль или цапля, ворон, утки и орел, который тем не менее занимает гораздо менее заметное положение, чем можно было бы ожидать. Атрибутом кельтского Юпитера выступает не орел, а колесо. Лебедь устойчиво ассоциируется с чистотой, красотой и удачей; очевидны и его сексуальные коннотации. Облик лебедя часто принимают любовники обоих полов, отправляясь на любовное приключение. Журавль связан с более темной стороной; есть его мясо в древнем кельтском мире запрещалось. Его облик принимали при необходимости враждебные богини или злобные женщины-колдуньи. Отрицательное отношение к этой птице сохраняется и в современной гэльской традиции. Ворон всегда считался вероломным и опасным, эту птицу следовало умиротворять правильными ритуалами (рис. 66).

Рис. 66. Лука седла (?)
из Лиснакрогера,
Ирландия, с воронами

В этой форме людям часто являлись ирландские богини войны; ворон исполнял функцию слуги и посланца некоторых богов. Птицы кельтского Иного мира обладали сладкими голосами, умеряющими боль. Они часто изображаются в иконографии и в текстах как атрибуты некоей лучезарной богини, богини любви, благосклонности которой добиваются боги и герои. Сказания о птицах и связанные с ними суеверия в изобилии представлены в современном кельтском фольклоре и свидетельствуют о фундаментальной природе птичьей символики в религиозных традициях языческого мира.

В завершение мы должны вкратце рассмотреть роль животных в языческой кельтской мифологии. Животные занимали выдающееся положение в кельтской традиции, уступая только птицам. Похоже, главным животным в раннем кельтском обществе был кабан. Данные о почитании этого животного в изобилии появляются начиная с латенского периода; свидетельства галльштаттских захоронений, в которых обнаруживаются останки кабаньих туш, говорят о том, что в ранние времена кабан имел и ритуальное значение. В иконографии римско-кельтских областей встречается множество изображений кабана (рис. 67); островные тексты также содержат множество упоминаний об этом звере, выступающем одновременно в качестве сверхъестественного существа и излюбленной пищи людей и богов. Это был лучший зверь для охоты, пища, подходящая для героев; его сексуальные силы, его физическая мощь, его героическая защита и его страсть к плодам священного дерева, дуба, — все

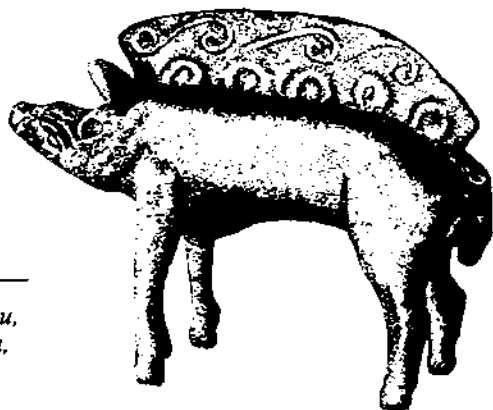
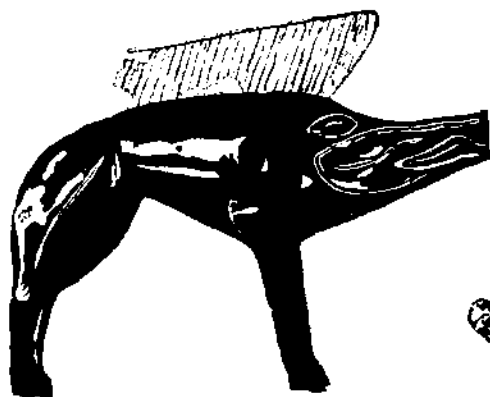

Рис. 67. Бронзовый кабан из Невин-ан-Сюлли, Луара, Франция; бронзовый кабан из Батты, Тольна, Венгрия

Глава VI
Языческая
религия
кельтов

это обеспечивало ему выдающееся место в кельтской мифологии. Один галльский бог носит имя Моккос, «Свинья»; на туловище другого изображен большой кабан (рис. 68), а алтари загадочного бога северных бриттов Ветериса (или Витириса) украшали изображения кабана и змеи.

Мы уже говорили о том, что атрибутом бога Цернунноса являлся олень (рис. 69). Начиная с эпохи полей погребальных урн большое культовое значение приобретает образ лошади (рис. 70). Бык (рис. 71), похоже, играл несколько второстепенную, но тем не менее важную роль в местных кельтских культах. Трехрогий бык часто появляется в религиозной иконографии белгов, а некоторые бронзовые изображения

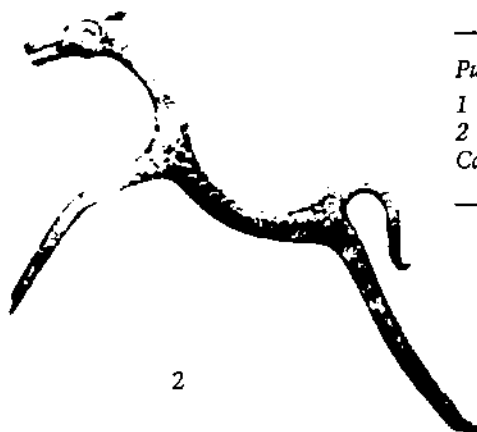
Рис. 68. Каменная статуя
из Эффины, Верхняя Марна,
Франция

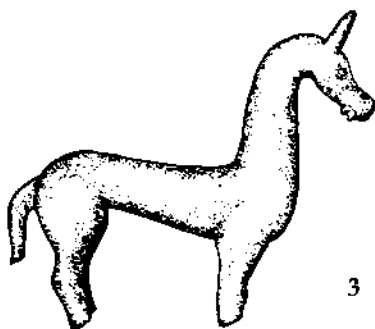
Рис. 69. Фибула
в форме оленя,
Таунус, Германия

1

2

3

Рис. 70. Кельтские фибулы в форме лошади
1 — Швибердинген, Людвигсбург, Германия;
2 — Силгестер, Гемпшир; 3 — Фризен,
Саарланд, Германия

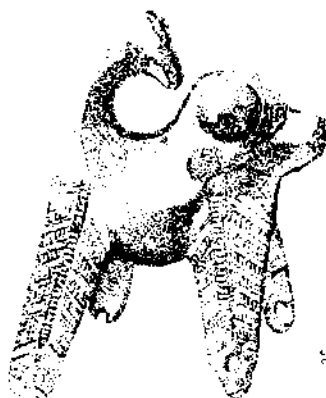

Рис. 71. Изображение
быка на бронзовой
детали колесницы
из Булбери, Дорсет

достигли Британии (рис. 72). Действие «Похищения быка из Куальнге» вращается вокруг фигуры огромного сверхъестественного быка, Донна из Куальнге, который на самом деле является божеством, последовательно принимавшим множество звериных форм, в конечном итоге остановившись на облике могучего быка. Впрочем, бык и олень, судя по всему, обладали определенным преимуществом в мифологии языческих кельтов. Баран (рис. 73), как в форме таинственной баранорогой змеи, так и в более естественном виде, также фигурирует в культовых контекстах, а баранорогий бог хорошо засвидетельствован в ранней иконографии.

Рис. 72. Бронзовый трехрогий бык с тремя (изначально) женскими бюстами на спине, Мейден-Касл, Дорсет

Рис. 73. Баран на золотой шейной гривне из клада, найденного в Фран-ле-Бюиссенале, Эно, Бельгия; баран на серебряной шейной гривне из Манербио-скюл-Мелла, Брешия, Италия

Некоторые водные животные также фигурировали в кельтских легендах. Самым важным из них являлся лосось; он считался кладезем мудрости Иного мира, его облик принимали некоторые боги. Он же являлся символом священных рек и заводов. Согласно ирландской традиции, лосось проглатывал орехи священного орешника, когда они падали в омут, и потому обладал необычайной мудростью и сверхъестественными силами. На одном галльском рельефе изображена человеческая голова, по обе стороны которой находятся два больших лосося; вероятно, это изображение символизирует сообщение магического знания божественной голове. Некоторые галльские боги и скандинавский Один получали знания о мире и происходящих событиях от двух воронов, которые садились на их плечи.

Собака (рис. 74) также играла важную роль в мифологии кельтских народов. Как мы уже видели, Кухулину

Рис. 74. Бронзовая собака (место находки неизвестно)

было запрещено есть собачье мясо; бог Нодонс, почитавшийся в Лидни, был тесно связан с собаками. На одной надписи его имя появляется в сопровождении изображения собаки, и мы можем предположить, что, как кельтские божества в целом, Нодонс мог быть оборотнем, принимавшим по желанию облик своего культового животного.

Иной мир

Кельты верили в страну радости, Иной мир, родину богов, источник всех наслаждений. Они верили в загробное материальное существование. Их могилы наполнялись предметами, которые считались необходимыми для пира и путешествия в Иной мир. Умный безжалостный герой мог пробить себе путь в Иной мир в смертной форме с помощью своего искусства или вероломством. В героя могла влюбиться богиня и забрать его в свои волшебные владения. Мы не встречаем указаний на то, что Иной мир рассматривался как вознаграждение за благонравие. Категории добра и зла не имели никакого отношения к представлениям о жизни после смерти, загробном существовании, тем более что туда можно было отправиться и при жизни. Иной

мир был местом столь же определенным и почти столь же осязаемым, как подлунный мир.

Вся кельтская религия основывалась на магии и придавала решающее значение правильному или неправильному исполнению ритуала. Кельтские боги были коварными и непредсказуемыми; если же люди умели умиротворять их с помощью жертвоприношений и заклинаний, они могли быть добрыми и благосклонными. Они проявляли редкую жестокость и беспощадность, если подмечали пренебрежение, и не терпели оскорблений. Боги часто сходили в мир людей и общались с ними. Они не были непобедимыми и бессмертными. Считалось, что они подвержены смерти, как и простые люди.

Заключение

В этом по необходимости кратком обзоре столь обширной и запутанной области, какой является кельтская религия, мы сказали достаточно, чтобы дать самое общее представление об ее основных чертах. Цезарь утверждал, что «все галлы чрезвычайно набожны», и все находящиеся в нашем распоряжении данные подтверждают это наблюдение. Жизнь язычников-кельтов — и, до некоторой степени, их христианских потомков — была окружена и пропитана суевериями и ритуалами, умиротворятельными обрядами и отгоняющими зло заклинаниями. Любой взмах крыла той или иной птицы тут же получал глубокомысленное истолкование. Из-за религиозных запретов нельзя было есть мясо некоторых животных. Нельзя было построить здание без того, чтобы не принести жертву, человеческую или животную, останки которой закапывались в основание. Примеры можно умножать до бесконечности. Во всех аспектах своей повседневной жизни кельты чувствовали необходимость защиты от богов и сил Иного мира и применяли для этого способы, которым их учили сначала друиды, а затем и последующие поколения жрецов и провидцев. Человек считался дурным, если он не выполнял правильных умиротворятельных обрядов и тем самым навлекал гнев богов;

более того, такой человек считался глупцом, не умеющим себя вести.

Хотя языческая религия кельтов может показаться варварской и плохо определенной, без ясной системы, без общепринятых догматов, она производит впечатление своей искренностью и огромной ролью, которую она играла в жизни народа. Более того, она достаточно единообразна на обширной территории в течение долгого периода времени, чтобы иметь свой особый характер, который, по сути, делает ее выразителем духовной жизни создавшего ее народа. Поэтому она заслуживает определенного места среди религий древнего мира.

Глава VII

**КЕЛЬТСКОЕ
ИСКУССТВО**

ЕЛЬТСКИМ ИСКУССТВОМ В ДАННОМ контексте мы называем художественный стиль, уходящий своими корнями в латенскую эпоху истории кельтского общества. Кельты внесли свой самый значительный вклад в основы европейской культуры именно благодаря чрезвычайно самобытному собранию декоративных мотивов. Кельтские художники, очевидно, черпали вдохновение из самых разнообразных источников, но их главная заслуга состоит в том, что они свели эти разнородные влияния воедино и благодаря своей особой одаренности в художественной сфере превратили их в сложное и поразительное целое. Кельты создавали не много произведений из камня; гораздо больше узоров наносилось на предметы из кожи, кости и дерева. Однако подлинный взлет кельтского художественного гения можно увидеть в металлических изделиях. В стиле наблюдаются значительные региональные различия, и искусство Британии и Ирландии, например, существенно отличается от континентальных образцов. Многие критики в эстетическом отношении оценивают сдержанность и строгость островных произведений искусства выше, чем изделия поздних континентальных мастерских, отличающиеся настоящим буйством линий. По сути своей кельтское искусство носило декоративный характер, но его нельзя отделить от религии и магии, которые лежали

в основе множества наиболее типичных художественных мотивов.

В 600 году до н. э. в устье реки Роны была основана греческая торговая колония Массилия (Марсель). Это событие открыло для разнообразных средиземноморских влияний всю кельтскую землю. Среди прочего кельты начали завозить вино из Греции и Этрурии. Вино привозилось в больших сосудах, носивших название *oinoschoai*. Они были украшены античными рисунками, имеющими различное происхождение и предпочитающими изображения растений, листьев и других натуралистических форм. Кельты наслаждались содержимым этих сосудов, а рисунки производили глубокое впечатление на кельтских художников. Сочетая эти античные образцы с древними местными художественными и религиозными мотивами Европы Бронзового века: священными водяными птицами, солярными символами и так далее, — с галлыштатскими геометрическими формами и с прекрасным звериным стилем персов, скифов и других восточных народов, кельты выработали свой совершенно новый самобытный и поразительный художественный стиль. Заимствованные элементы сочетаются столь изящно, что их происхождение полностью забывается; натурализм уступает дорогу фантазии, простой мотив переходит в текучий и сложный рисунок. Кельтское искусство поражает своей внутренней напряженностью и потрясающим разнообразием. Можно часами изучать какой-либо предмет и все-таки ни на шаг не приблизиться к пониманию этого лабиринта. Две части одного рисунка редко бывают полностью идентичными, и все же эта асимметричность каким-то образом производит впечатление полной гармонии. Линии рисунка не имеют ни явного начала, ни явного конца. Они просто текут, переливаются, существуют. Рассматривая этот художественный стиль, мы очень близко подбираемся к сущности кельтского характера. Он отражает извилистую и тонкую природу их мыслительных процессов, сложность их языка; он выявляет сложную, изменчивую, зачастую туманную, природу их религиозных воззрений. Коротко говоря, кельтское искусство представляет собой сумму всех фундаментальных и отличительных свойств кельтской духовной жизни.

Новый художественный стиль использовался для украшения оружия и личных предметов аристократов, от покровительства которых зависели художники. Он использовался для оформления котлов и металлических сосудов, конской упряжи (рис. 75) и деревянных панелей в домах. Он появляется на предметах религиозного обихода, хотя религиозные мотивы постоянно обнаруживаются и на бытовых изделиях. В замысловатых рисунках сочетаются и перетекают друг в друга такие священные символы, как человеческие головы (рис. 76), головы особо почитаемых птиц и зверей, волшебные птицы, священные деревья и многие другие предметы подобного рода.

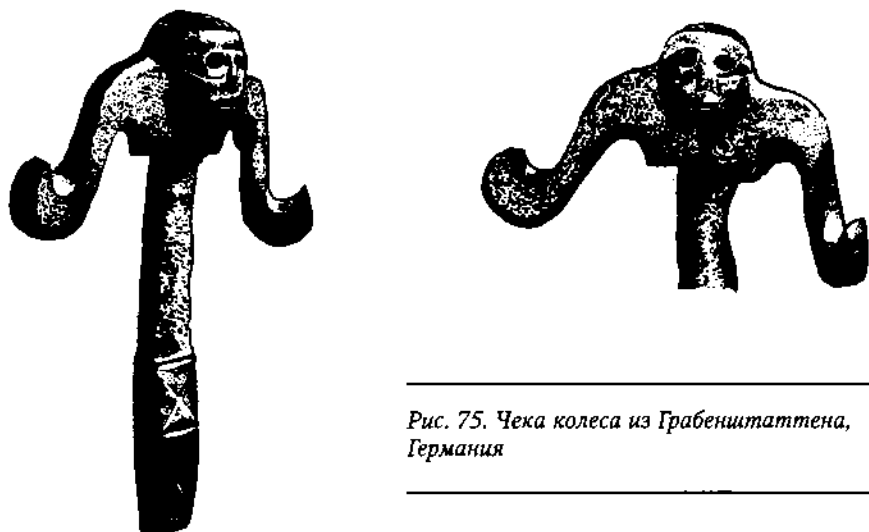

Рис. 75. Чека колеса из Грабенитцтена, Германия

Пауль Якобсталь был первым из знатоков раннего кельтского искусства, выявившим три главных источника, из которых черпали свое вдохновение создатели латенского стиля. Сегодня археологические открытия показали, что, хотя заключения Якобсталя в основном сохраняют свое значение, эти влияния носили более сложный и многообразный характер, чем казалось в его время. Кажется невероятным, чтобы самые экзотические детали, заимствованные ранними кельтскими художниками, пришли напрямую из восточного мира. Все эти мотивы можно обнаружить на произведениях

Рис. 76. Кельтские изображения человеческих голов

средиземноморского искусства, и, вероятно, кельты взяли их из Италии вместе с более знакомыми античными мотивами.

Говоря о раннем кельтском искусстве в целом, Якобсталь замечает: «Репертуар раннего кельтского искусства узок; человеческие каменные изображения ограничиваются гигантскими менгироподобными статуями, бронзовые — немногочисленными бюстами или миниатюрными кукольными фигурками и множеством голов. Очень слабо представлены натуралистические изображения животных; большинство из них фантастичны и в высшей степени стилизованы». Демонстрируя существенные различия между античным и кельтским искусством, Якобсталь пишет: «Однако для греков спираль — это спираль, а лицо — это лицо, и всегда понятно, где заканчивается одно и начинается другое, в то время как кельты „видят“ лица в спиральных или завитках; двусмысленность характерна для кельтского искусства» (рис. 77).

Рис. 77. Латенское искусство:

1 — Вальдальгесхайм, Германия. 2 — Шварценбах, Германия, мотив маски. 3 — Пфальцфельд (Ст. Гоар). 4 — Гольцгерлинген (Оденвальд), реконструкция головы с двумя лицами

Глава VII
Кельтское искусство

Раннее кельтское искусство разделялось на стили, которые соответствуют ранней, средней и поздней фазам латенской культуры; их можно различить только на континентальных изделиях. На Британских островах кельтское искусство развивалось в столь самобытном направлении, что его следует рассматривать отдельно от континентальных процессов. К тому времени, когда около 100 года до н. э. в озеро Невшатель у Ла Тена были брошены богатые votive дары, кельтское искусство на континенте в сущности исчерпало себя. Британии и Ирландии оставалось продолжить кельтскую традицию и внести свой собственный вклад в историю.

Художественные стили

Ранний стиль

Таким образом, на континенте около середины V века до н. э. возникает самобытное кельтское искусство. Эта первая фаза известна под названием «ранний стиль». В начальный период кельтское искусство по необходимости носило экспериментальный и незрелый характер, но даже при таких условиях в нем уже проявляются самобытные и отличительные черты, а заимствованные элементы трансформируются в истинно кельтские мотивы. В 1954 году в Райнхайме под Саарбрюккеном было обнаружено одно из самых впечатляющих захоронений могущественной королевы или принцессы, датированное началом IV века до н. э. Женщина была погребена в большой могиле, богато уставленной погребальными принадлежностями, и это погребение, как и захоронение в Виксе, свидетельствует о власти и влиянии, которых могла достичь женщина в кельтском обществе. Погребальная камера сделана из дуба. По-видимому, в могилу не поместили никаких средств передвижения. Зато там были найдены богатые и высокохудожественные украшения. Одним из лучших образцов является шейная гривна из витого золота. Концы ее искусно украшены женскими головами, увенчанными совиными головами (рис. 78); тела плавно

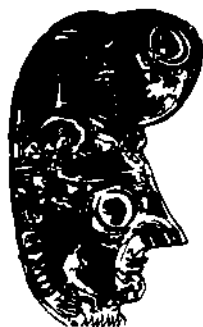

Рис. 78. Женская голова с головой совы, Райнхайм, Саарланд, Германия

перетекают в декоративный узор. Возможно, это богиня, особым атрибутом которой являлась сова (вероятно, кельтский прототип римской Минервы). Кольцеобразный браслет, найденный в могиле, украшен сходным образом. Также в захоронение были положены браслет в виде замкнутого кольца, золотые кольца ажурной работы и другие золотые предметы. Одним из самых красивых предметов в захоронении является знаменитый кувшин. Он сделан из бронзы, снабжен горлышком и напоминает кувшин из кельтского погребения в Вальдальгесхайме (рис. 79). Это обстоятельство стоит отметить еще и потому, что большинство вещей, обнаруженных в этом захоронении, относится к несколько более поздней фазе кельтского искусства — «вальдальгесхаймскому стилю», — однако этот кувшин принадлежит более ранней стадии и относится к рассматриваемой нами фазе (рис. 80). На его крышке изображено фантастическое животное. Верхняя часть ручки украшена человеческими и бараньими головами.

Рис. 79. Рисунок кувшина из захоронения с колесницей в Вальдальгесхайме, Гунсрюк, Германия

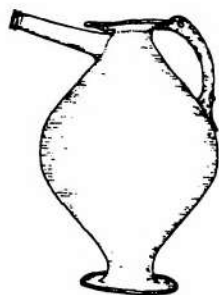

Рис. 80. Один из двух кувшинов раннего латенского периода из Басс-Ютса, Лотарингия, Франция

В Виксе (Шатийон-сюр-Сен) была найдена еще одна могила могущественной королевы или княжны, датируемая приблизительно VI веком до н. э. Ее близость к крупному городищу на Мон-Лассуа и присутствие неподалеку другого крупного захоронения указывают на то, что здесь находился один из центров кельтской власти и влияния. Могильный курган насыпан поверх сложенной из бревен погребальной камеры, в которой находилась повозка с бронзовыми предметами. Одним из самых замечательных предметов в этом захоронении является диадема или, скорее, золотая шейная гривна, украшенная изображениями крылатых коней. В число обнаруженных там предметов входят броши, бронзовые кубки, бронзовый кувшин и большой бронзовый кратер из Греции.

От этого раннего экспериментального стиля мы переходим ко второй фазе кельтского искусства, получившей название «вальдальгесхаймского стиля» (около 325–250 гг. до н. э.). Прежний стиль уступил место новым тенденциям; симметрия ушла в прошлое, и кельтские художники отдали свое предпочтение асимметричным рисункам. Кельтские мотивы теперь еще больше отделились от своих средиземноморских и восточных прототипов. Этот стиль получил свое название по княжескому погребению, найденному в Вальдальгесхайме К. Кройцнахом. Здесь было обнаружено двойное захоронение мужчины и женщины; в могилу также помещена колесница. Это одно из последних погребений в ряду богатых рейнских захоронений. Среди богатой погребальной утвари можно видеть уже упоминавшийся кувшин, относящийся к раннему стилю. Кувшин украшен неглубоко выгравированными узорами. На верхнем конце ручки — баранья голова; нижний конец украшен мужским лицом с бородой и усами; над верхней частью лица отчетливо виден венец из листьев, который Якобсталь считает признаком божественности. На крышке, судя по всему, стояло животное, напоминающее лошадь (рис. 81). Другой металлический объект, найденный в захоронении, демонстрирует черты нового стиля.

В число золотых предметов входят шейная гривна с изящным рисунком из спиралей и петель на концах

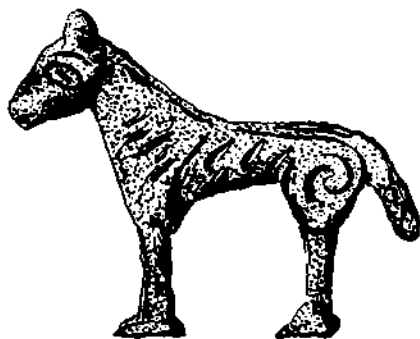

Рис. 81. Похожее
на лошадь животное,
когда-то стоявшее
на крышке
вальдальгесхаймского
кувшина

и соседних частях кольца. Также следует упомянуть витой замкнутый браслет, украшенный зернью между витками; имеются также два великолепных браслета, концы и задняя сторона которых богато орнаментированы кельтскими узорами. Изображения человеческих голов перетекают в спиральный мотив (рис. 82), а спирали, начинающиеся со лба и идущие вверх по обеим сторонам головы, по-видимому, должны были изображать рога. Мы видели, что в латенском искусстве часто фигурирует образ барана и что кельты поклонялись рогатому богу, с рогами оленя, быка или вола. В этой могиле также были найдены два шлема с рогами и орнаментированные детали ярма колесницы; они только слегка декорированы. Можно отметить и пару великолепных бронзовых пластин, украшенных новым стилем. Каждая из них украшена изображениями головы с типичными выпуклыми глазами, отчетливо выделенными бровями, изгибающимися по сторонам лица, и видоизмененным венцом из листьев. Тонкие руки подняты в религиозном жесте друидов. На шее висит шейная гривна.

Таков был стиль, широко распространившийся по всему кельтскому миру. В действительности он появляется на нескольких предметах в крупном ритуальном хранилище в самом Ла Тене.

Пластический стиль

Пластический стиль появился в Европе приблизительно в 275 году до н. э. Он возник одновременно с так называемым стилем «красивых мечей». Пластический

Рис. 82.
Человеческие
маски, вписанные
в рисунок
браслета,
Вальдальгесхайм

стиль широко использовался на бронзовых предметах, предназначенных для личного украшения и для декорирования деталей колесницы. Большой вотивный котел, найденный в Бра в Ютландии, является прекрасным примером этого грубого и схематичного стиля. Как пишет Сандарс, он балансирует между природой и чистой геометрией. На примере этого котла можно продемонстрировать тот факт, что ни один стиль внезапно не прекращает свое существование и что на смену ему немедленно является другой. Котел, ритуальный сосуд вместимостью 28 галлонов, был намеренно разбит. Некоторые его фрагменты представляют собой прекрасные образцы вальдальгесхаймского стиля, хотя в целом котел относится к новому, пластическому стилю. Его диаметр составляет 3 фута. Котел сделан из тонкой листовой бронзы, а его обод — из толстой бронзы. На нем совиные головы, слитые в одно целое с приспособлениями, держащими три ручки, каждая из которых обрамлена парой бронзовых бычьих голов. Котел был создан в III веке до н. э., вероятно, в Богемии или Моравии.

В этом же стиле выполнен и бронзовый предмет из Франции, на котором изображен вариант священного трехголового кельтского мотива. В спиралеобразный рисунок вписаны три человеческие или, правильнее, сверхчеловеческие головы. Мы видим странным образом искаженные черты; большой глаз на одной стороне лица и маленький на другой; уложенные назад волосы только на одной стороне головы и борода только с одной стороны лица. В сочетании с родинкой или бородавкой, как говорит Сандарс, все эти качества очень напоминают описания такого героя, как Кухулин, когда его облик преображался в пылу битвы:

«Между тем обратилось лицо его в красную вмятину. Внутрь втянул он один глаз, да так, что и дикому журавлю не изловчиться бы вытащить его из черепа на щеку. Выпал наружу другой глаз Кухулина, а рот дико искривился» (Похищение, с. 220).

Пластическим стилем чаще всего украшались бронзовые предметы личного пользования. Этот стиль не

так изящен, как его предшественники, и в целом лишен динамики. Впрочем, особенное впечатление производят золотые шейные гривны этого периода. Три изящных шейных гривны найдены с тремя более простыми образцами в Фенуйе, Верхняя Гаронна (рис. 83). Некоторые

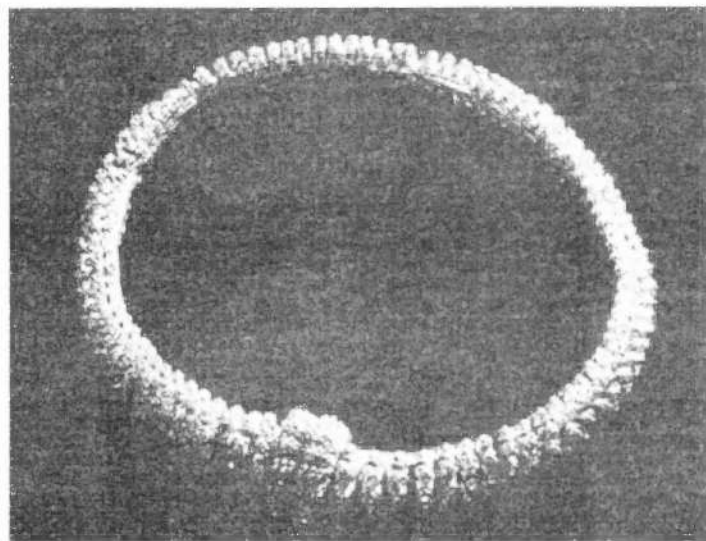
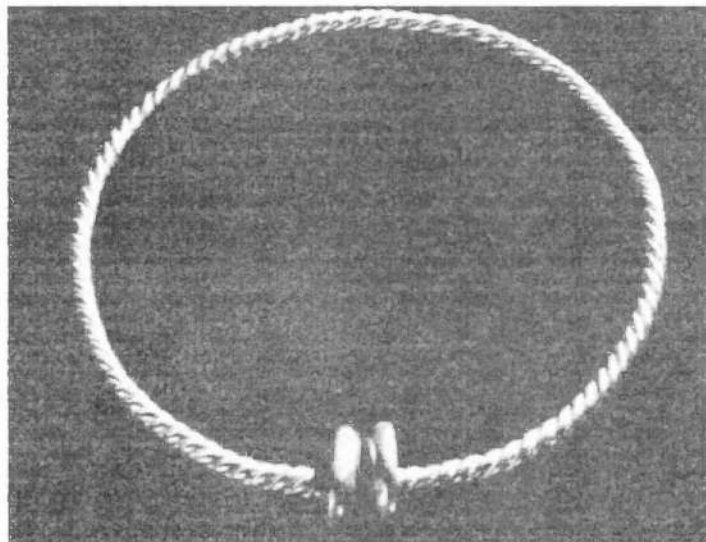

Рис. 83. Шейные гривны, Верхняя Гаронна, Франция

человеческие маски, использовавшиеся в пластическом стиле, имеют почти негроидный вид (рис. 84). Крупный центр производства изделий в пластическом стиле, по-видимому, находился на территории бойев (Чехия). Лучшим его произведением стал котел из Бра.

Глава VII

Кельтское искусство

Рис. 84. Человеческие маски почти того негроидного облика из Марсона, Марна, Франция

Завершая наш беглый обзор основных стадий развития кельтского искусства на континенте, мы переходим к последней фазе, стилю «красивых мечей», который в действительности существовал одновременно с пластическим стилем.

Стиль «красивых мечей»

Этот стиль, начало которого датируется примерно 275 годом до н. э., более оригинален, чем пластический стиль, и состоит из неглубоко выгравированных линейных рисунков на металлических изделиях, таких, как бронзовые и железные ножны, некоторые из которых были найдены в Венгрии и Швейцарии. Этот стиль многое позаимствовал у Вальдальгесхайма и предпочитал асимметричные рисунки.

Таковы несколько стилей, на которые принято разделять континентальное кельтское искусство.

Когда кельтские племена переселились в Британию, их искусство, как и многие другие стороны кельтской культуры, претерпело определенные изменения. Точно так же как мы видели различия в социальной жизни, в размерах жилищ, в степени утонченности домашнего хозяйства и так далее, мы должны искать изменений и модификаций в художественных стилях.

В Британии было найдено несколько завезенных примеров раннего стиля, но вопрос о датировке первых местных образцов остается неразрешенным. Кельтские художники и искусные ремесленники зависели от княжеского покровительства. Кельтские аристократы с континента, возможно, в первую очередь привозили с собой своих художников. Но и при таких обстоятельствах с самого начала различия в стиле бросаются в глаза. Присутствие штриховой техники в британских изделиях, возможно, объясняется тем, что ей отдавали предпочтение местные ювелиры, угождавшие вкусам аристократии Бронзового века. Фокс в своем исследовании обсуждает 16 предметов, которые, как он считает, являются привозными и которые заложили основы островного кельтского искусства. Подвесная чаша из Керриг-и-Дридиона в Денбишире (рис. 85), который

Рис. 85. Нижняя сторона
кромки подвесной чаши
из Керриг-и-Дридиона,
Денбишир (реконструкция)

Рис. 86. Бронзовая пластина
ножен для
короткого меча,
Уисбет, Кем-
бриджшир

был найден в каменной гробнице, украшен выгравированными пальметками и завитками. Он родственен континентальным изделиям последней стадии раннего стиля, а его непосредственные прототипы, судя по всему, происходят из Северо-Восточной Галлии.

Так как украшение основания и выдающегося края можно увидеть только снизу, было выдвинуто предположение, что для того, чтобы их можно было разглядеть, чаша подвешивалась на четырех цепях на достаточно большой высоте.

Далее Фокс обсуждает второй подобный предмет — прекрасные ножны из Уисбека в Кембриджшире (рис. 86). Нанесенные на него украшения сходны с украшениями чаши из Керриг-и-Дридиона, но отличаются большей грубостью. Как отмечает Фокс, рисунок опять-таки можно рассмотреть только с определенного угла; на сей раз он был обращен к глазам владельца, глядящего вниз на свое бедро, ибо только таким образом рисунок из пальметок и завитков виден в перспективе, которую задумал художник. Другим примером изображения, видимого лишь с определенного угла, является великолепная голова, вырезанная из сердцевины дуба, которая была недавно обнаружена в графстве Типперери (Ирландия) и которая ныне изучается знатоками кельтского искусства. Весь сложный и замысловатый рисунок, которым она украшена, лучше всего виден, когда голова помещается над зрителем. Выгравированные треугольники на краю уисбечских ножен являются компонентами рисунка, хорошо известными на континенте. Фокс датирует эти ножны серединой III века до н. э.

Еще одним примером завозных изделий, попавших из Европы на Британские острова, является замечательный бронзовый шлем с рогами из Темзы у Брентфорда в Миддлсексе (рис. 87). Он, в отличие от уже упоминавшихся выше предметов, относится к поздней стадии вальдальгесхаймского стиля. Подлинные изделия этого стиля редко обнаруживаются в Британии. Предполагалось, что этот предмет не был завезен извне, а был создан местными ремесленниками; однако это спорный вопрос. Как мы видели, два шлема с рогами были найдены в вальдальгесхаймском погребении.

Фокс уподобляет завитки на брентфордском шлеме с рогами утиным головам — и на самом деле мы часто находим изображения птиц, а также человеческих голов и животных, на произведениях кельтского искусства.

По всей видимости, некоторые данные позволяют говорить об использовании красной эмали на этом изделии. Эмаль, должно быть, заполняла фон, а контраст между блестящим цветом и светлой бронзой, наверное, производил особое впечатление. Эмаль использовалась на континенте в раннее время, и этот шлем с рогами должен датироваться приблизительно началом III века до н. э.

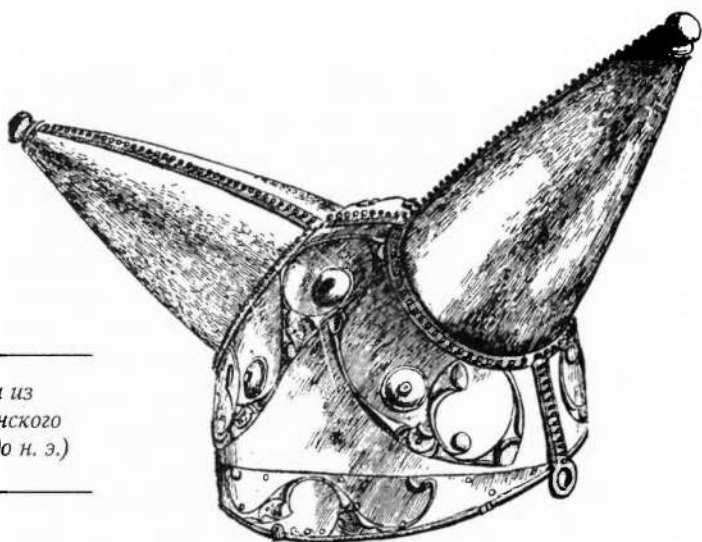

Рис. 87. Шлем с рогами из Темзы. Работа «темзенского периода» (около 25 г. до н. э.)

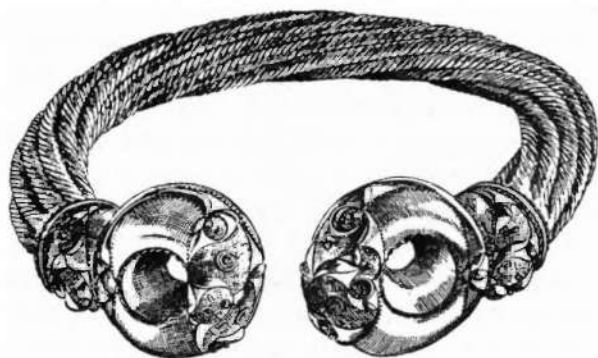

Рис. 88. Электровый браслет из клада в Снеттишеме (Англия)

Мотив пальметки выступает на передний план в этой ранней группе привозных изделий. В дополнение к упомянутым предметам имеется ряд кинжалов с декорированными ножами, которые также следует признать завезенными в Британию с континента. Они украшены изысканными геометрическими рисунками из переплетающихся лент. Фокс отмечает любопытное распределение этих изделий. Одиннадцать было найдено в Темзе выше Лондона между Челси и Ричмондом, и Фокс полагает, что в этой области находился еще не обнаруженный торговый центр или центр захватчиков. Вся группа предметов датируется приблизительно серединой III века до н. э.

Рассмотрев эти изделия, по-видимому, завезенные на Британские острова до того, как произошло масштабное латенское заселение острова, мы переходим к вопросу о том, как кельтское искусство развивалось в Британии. Истинные истоки островного искусства, судя по всему, восходят к марнским поселениям, образованным в Йоркшире примерно в середине III века до н. э. переселенцами из Марнской области во Франции. В этом переселении определенно принимало участие племя паризиев, хотя вместе с ними двигались, вероятно, и другие племена. Эта ранняя стадия островных художественных стилей отражает адаптацию художниками, работавшими в этой стране, вальдальгесхаймского и пластического стилей, а также стиля «красивых мечей».

Эволюция кельтского искусства на Британских островах охватывает период приблизительно в 300 лет. Начиная примерно с 75 и по 25 год до н. э. латенский стиль подвергся видоизменению под влиянием белгов. Тем не менее некоторые из прекраснейших образцов кельтского искусства в форме замечательных декорированных бронзовых зеркал можно найти на последней стадии островной традиции (рис. 89).

При производстве этих предметов наряду с бронзой использовалось железо. Некоторые островные бронзовые изделия были украшены в линейном стиле, говорящем о существовании особой ремесленной школы. Искусная гравировка и штриховая техника достигли своего полного развития в украшении бронзовых зеркал. Одним из самых ранних образцов этого стиля

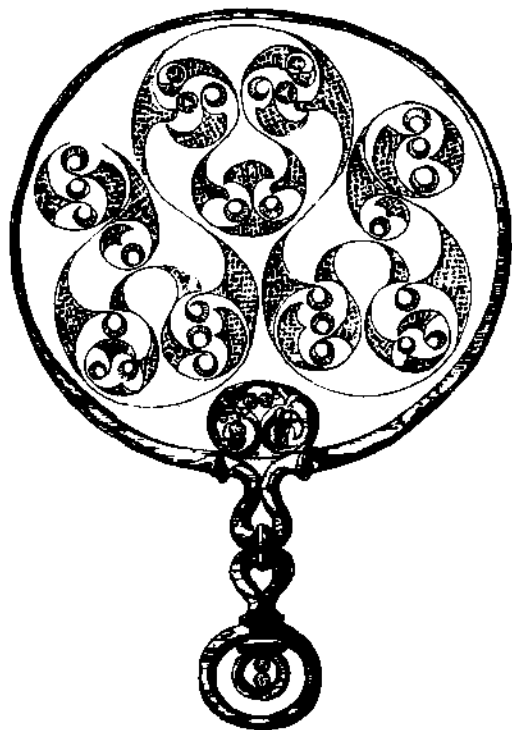

Рис. 89. Задняя сторона
бронзового зеркала, Бердлип,
Глостершир. Ручка украшена
вставками из эмали

является фрагмент оправы щита, найденный в Тал-и-Ллине в Мерионете. Его можно видеть и на шишке щита из Ллин Керриг Баха на острове Англси (рис. 90). В четыре круга на этой шишке, расположенных по обе стороны центрального ребра, вписаны трискелесы. Как и большинство других предметов из Ллин Керриг Баха, этот щит был завезен на остров Англси откуда-то извне.

Рис. 90. Украшение шишки
щита, Ллин Керриг Бах,
Англси

Асимметричные рисунки пользовались большой популярностью в Британии, и здесь гораздо лучше, чем на континенте, представлены неантичные мотивы. Британские художники сосредоточивали свое внимание на зооморфных и орнитоморфных предметах. Великолепный щит из Баттерси, изначально позолоченный, отличается особой симметричностью во всех деталях (рис. 91). Хотя этот щит датируется I веком н. э., он имеет непосредственную связь с древнейшими произведениями кельтского искусства. Животногоподобные лица имеют глаза, украшенные вставками из красного стекла. Украшение центральной шишки напоминает совиную голову с огромными глазами, опять-таки со стеклянными вставками. Сходным образом следует отметить птичий или животный элемент в основном рисунке шлема для лошади из Торрса (Керкубри).

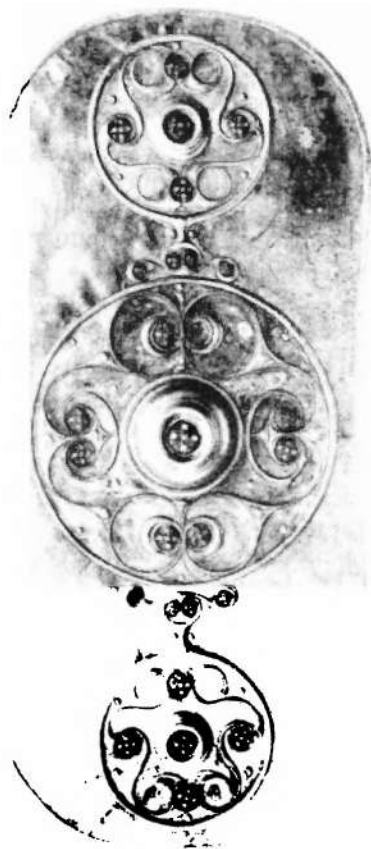

Рис. 91. Щит, найденный
в Темзе у Баттерси, Лондон

Он украшен птичьими головами и стилизованными человеческими масками, которые являются типичным мотивом в кельтском искусстве. Это уникальное произведение датируется второй половиной III века до н. э.

Многие из ранних черт, которые мы видим в этих изделиях, исчезают в ходе эволюции кельтского искусства. В случае с шлемом для лошади Фокс демонстрирует, что этот предмет использовался по назначению, а рисунок в действительности лучше всего мог рассмотреть воин, стоящий на колеснице и смотрящий на шлем сверху. В этом опять проявляется очевидное влияние вальдальгесхаймского стиля.

В Торрс-Моссе были также обнаружены оправы рогов для питья, и, вероятно, они были созданы в той же «школе», что и шлем для лошади. Оправы из тонкой бронзы заканчиваются утиными головами, которые, как мы видели, являются популярным мотивом в кельтском островном искусстве. Глаза были украшены вставками из коралла или красного стекла; выгравированный орнамент чрезвычайно искусен. Фокс считает, что эти предметы на самом деле были созданы в Северо-Восточной Англии, а не в Голуэе, где они были обнаружены.

Шлем для лошади использовался, несомненно, для церемониальных целей, как и многие другие изделия, найденные в болотах, озерах и реках. Именно для таких целей, должно быть, прежде всего предназначались прекрасные бронзовые щиты, потому что они были слишком непрочными для применения в бою.

Таким образом, мы можем различить две основные школы кельтского искусства в Британии. Одна из них предпочитала линейный стиль, а другую можно было бы назвать стилем «красивых щитов». Ни в Британии, ни на континенте не была обнаружена ни одна настоящая кельтская мастерская, но мы знаем, что подобные мастерские должны были существовать. Художники использовали циркуль, но они же делали и рисунки от руки.

В Британии кельтский художественный стиль достиг вершин за очень короткий срок в отличие от медленного развития, которое мы наблюдаем на континенте. Как замечает Сандарс, «в любом случае наблюдателя

прежде всего поражает необыкновенная последовательность и гармония островной традиции».

Другая особенность, отличавшая кельтское искусство в Британии от континента, заключалась в том, что у континентальных кельтов ножны украшали мастера железных дел, в то время как в Британии эту работу исполняли мастера дел бронзовых. На ножнах обнаруживаются некоторые прекраснейшие образцы островного кельтского искусства; большинство из них были найдены в Северной Ирландии; единственное сопоставимое с этими находками британское изделие было обнаружено в Бугторпе в Ист-Райдинге в Йоркшире. На ножны из Бугторпа нанесен великолепный заштрихованный рисунок, позволяющий назвать этот предмет одним из прекраснейших произведений кельтского искусства. Это великолепный образец северной школы. Эти ножны близко родственны ножнам той же эпохи, найденным в Северной Ирландии и датировемым I веком до н. э.

Фокс отмечает, что к I веку до н. э. бронзовые ожерелья, по-видимому, вытеснили золотые шейные гривны. Некоторые из них отличаются особым богатством и красотой отделки. Можно упомянуть ожерелье из Стичилла с берегов Твида в Роксборошире и впечатляющее ожерелье, найденное в Лохар Моссе в Дамфрисшире (около I века н. э.) и составлявшее, вероятно, часть вотивного дара. Верхняя часть ожерелья состоит из бусин, а передняя сторона украшена рисунком из завитков.

Таким образом, существовала процветающая школа северобританского кельтского искусства, которая достигла своего пика на рубеже нашей эры.

Данные о кельтском искусстве, религии и поселении в шотландской области Дамфрисшир заслуживают особого внимания: по-видимому, там существовала крупная процветающая кельтская община.

Ирландия

Ирландия представляет исключительный интерес для кельтолога, ибо она не только является единственной страной, избежавшей прямого римского влияния,

но и сохранила древнюю традицию, разъясняющую ирландские общественные установления и другие особенности на своем архаическом языке. В Ирландии было обнаружено сравнительно небольшое количество латенских предметов искусства, но художественный кельтский стиль в этой стране имел непрерывную традицию, в отличие от областей, подчинившихся римскому правлению, и продолжал процветать, с очевидными видоизменениями, вплоть до средневековой эпохи в форме великого искусства ирландского христианства. Каменные и металлические изделия, рукописи книг почти что стонут от тяжести щедрых и расточительных узоров христианских художников. Они трудились, чтобы прославить своим искусством Бога, столь же страстно, как их языческие предшественники стремились выразить почтение, которое языческое общество испытывало к божествам древнего кельтского мира. В ирландских произведениях христианской эпохи присутствуют скрытые смыслы, но теперь они служат намеками на христианские представления. Иногда можно различить и языческие элементы, служащие для изображения враждебных христианству сил. Иногда можно заподозрить, что художник вставляет завуалированный языческий символ для своих целей, не желая окончательно отпугнуть от себя те силы, которые покровительствовали его предкам.

Внезапный расцвет латенского искусства в Северной Ирландии может объясняться вторжением в страну отрядов кельтских завоевателей, вероятно, во II веке до н. э. Должно быть, они пришли в Ирландию через Британию. Ранняя волна переселенцев достигла западных областей острова где-то в III или II веке до н. э. напрямую с континента. Это переселение объясняет присутствие в Ирландии двух групп латенских народов и, как мы видели, проливает свет на то обстоятельство, что «Похищение быка из Куальнге», самое раннее эпическое ирландское произведение, повествует о традиционном соперничестве между обитателями Коннахта на западе и жителями Ульстера на северо-востоке.

Лучшие образцы латенских ножен с Британских островов на самом деле происходят из Северной Ирландии. Прекрасные ножны из Лиснакрогера подтверждают

высокое мастерство ирландских художников. Лиснакрогер — очень любопытное место само по себе. Он находится в графстве Антрим и состоит из низкого холма, может быть, кранного, на болоте, в котором первоначально был обнаружен богатый клад. Считается, что это был вотивный дар, одно из многочисленных приношений, обнаруженных в Европе в болотах, топях, прудах, озерах, источниках и реках. В 1882 году место было разрушено, а кранного разграблен. Это была трагедия для ирландской археологии. Мы не только утратили бесценный материал, но для потомков было совершенно потеряно само место, которое могло пролить свет на языческую кельтскую религию в Ирландии. Там было найдено несколько бронзовых ножен. Следует обратить внимание на любопытный предмет из того же места. Речь идет о рукояти меча (см. рис. 66), украшенной парой маленьких воронов и лентой из красной эмали, по которой пущены изгибающиеся линии из бронзы. Наличие этого предмета, его культовый смысл, обозначенный воронами, подтверждает предположение, что это действительно было местом, в котором складывались вотивные дары. Сохранившиеся ножны имеют очевидные черты сходства с несколько более поздними ножнами из Бугторпа, о которых мы уже говорили. Тем не менее, хотя британские ножны имеют много общего с латенскими изделиями из Северной Ирландии II—I веков до н. э., как отмечает Фокс, предмет из Лиснакрогера сохранил марнские мотивы, от которых отказались другие кельтские мастерские. Еще одни ножны, демонстрирующие близость к упомянутым изделиям, были найдены в Ривер Банн в Туме и Колрейне. Эти находки говорят о том, что латенский стиль проник в Ирландию приблизительно в 175 году до н. э. Диллон считает, что эти предметы, возможно, являлись произведениями одной ремесленной мастерской, так как ничего похожего не было обнаружено в какой-либо другой части Ирландии, и что они подразумевают прочные связи с континентальным искусством.

В Ирландии были обнаружены и другие великолепные изделия, выполненные в латенском стиле. В их число входят два прекрасных ожерелья: одно — из

Клонмакнойса, графство Оффали, а другое — из Бройтера, графство Дерри. Клонмакнойское ожерелье, похоже, было сделано в Ирландии, но оно во многом напоминает континентальные образцы. Бройтерское ожерелье, напротив, имеет много общего с британским искусством и сопоставимо с ожерельем из Снеттишема. Различные другие объекты предполагают процветание самобытной школы кельтского искусства в Ирландии, которая заложила основы для дальнейшего развития средневекового ирландского творческого гения.

В первые века христианской эпохи в Ирландию начали завозить множество изделий из занятых римлянами областей. Мода на вещи, которые первоначально были римскими по исполнению, но с добавлением кельтских особенностей, продолжалась до VII века н. э. Многочисленные бронзовые закладки и броши завозились из Британии. Эти броши происходили от римских прототипов. Примерно с начала христианской эры они стали украшаться эмалью. Эмальерное искусство было известно в Ирландии и достигло там высокой степени мастерства. Мы уже упоминали изделия из Лиснакрогера. Другой замечательный предмет был обнаружен в Голуэе в 1959 году. Датированный началом I века н. э., он выполнен в форме диска, возможно, крепившегося к дереву или коже (может быть, деталь украшения ремня). На нем виден рельефный рисунок (рис. 92). Он был заполнен красным стеклом. Его декоративную

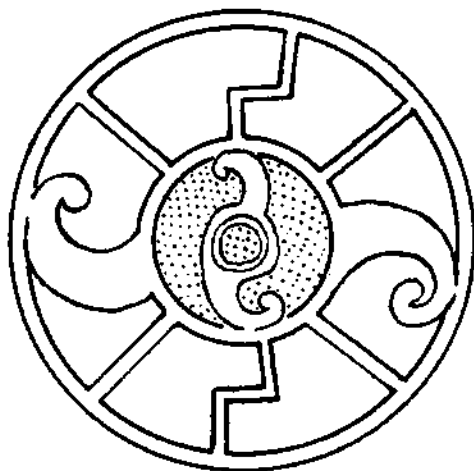

Рис. 92. Бронзовый
эмалированный диск,
Баллинаслоу, Голуэй,
Ирландия

количество выявленных до сих пор образцов говорит о том, что исследователям предстоит открыть или выявить гораздо большее число древних памятников; это также напоминает нам, что множество древних изваяний должно было пострадать от религиозного рвения святых отцов, которые следовали примеру святого Патрика, низвергнувшего каменного идола — Кромм Круаха. Скорее всего, сходной участи подверглись многие другие «демоны». Таким образом, языческая иконография была, вероятно, полностью уничтожена или освящена и поставлена на службу христианству. Многие древние камни в Ирландии украшены христианскими символами, а отвратительные языческие символы были стерты или приспособлены к христианским формулам. Непрерывность традиции помещения каменных голов в церквях, в стенах зданий, на стенах ферм и так далее, по всей видимости, свидетельствует об изначальной силе в Ирландии языческих верований в чудесные свойства человеческой головы. Об этом говорят и находки некоторых голов Железного века. Они и еще несколько образцов монументальной скульптуры, которые на сегодняшний день обнаружены в Ирландии, в совокупности с литературными свидетельствами о существовании каменных идолов, указывают на более мощную традицию дохристианской монументальной скульптуры, чем подразумевает дошедший до нас материал. Этот вопрос заставляет нас обратиться к использованию камня в доримском искусстве.

Монументальные каменные скульптуры

Одним из самых замечательных и поразительных памятников языческой Ирландии является камень из Туро. Он стоял в свое время снаружи оппидума Фирмор в приходе Туро в Голуэе. Камень представляет собой гранитный валун, обтесанный в виде купола и покрытый декоративными мотивами. Кажется, не может быть никаких сомнений в том, что этому камню сознательно придали фаллический вид, а его очевидные культовые ассоциации только подкрепляют этот

вывод. Его высота составляет почти 4 фута. Покрывающие его рисунки по сути своей асимметричны и чрезвычайно криволинейны; основа узора заключается в листообразных и дискообразных мотивах. В целом его можно сопоставить с каменным столбом из Пфальцфельда (рис. 93). Датировка камня из Туро проблематична, и на данный момент по этому вопросу существуют самые различные точки зрения. Тем не менее декоративные мотивы, по-видимому, указывают приблизительно на III век до н. э., и до тех пор, пока мы не получим больше данных, это все, что мы можем утверждать. Небольшой предмет, который по своей форме напоминает уменьшенное подобие камня из Туро, был найден в Барнвуде, Глостершир, и находится сейчас в Челтенхэмском музее (рис. 94). Фокс включает его в свою категорию «магических» объектов, и, по-видимому, не без оснований, ибо он вряд ли мог обладать функциональной значимостью. Он украшен вихреобразными мотивами (трискелес), подразумевающими

Рис. 93. Пфальцфельд, кельтский столб из грубого песчаника

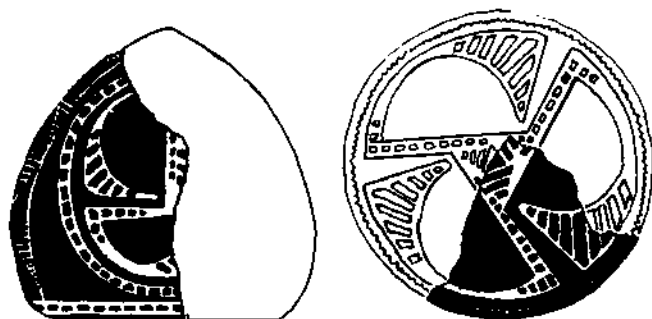

Рис. 94. Известковый конус, Барнвуд, Глостершир,
высотой 9,4 см

мифологические ассоциации: трискелес (рис. 95) был солярным символом и одним из стилизованных представлений символа креста в Бронзовый век. Нельзя не вспомнить о сходных мотивах, украшающих шишку щита из Ллин Керриг Баха и другие предметы. На этом загадочном объекте, имеющем 2–7 дюймов в высоту (немногом больше, чем крупное стеклянное пресс-папье), также изображены вихреобразные мотивы. Техника, использованная для его украшения, говорит о том, что его создание относится к середине I века н. э. Это изделие вышло из местной мастерской и потому, должно быть, является произведением ремесленников племени добуннов. Как мы видели, кельты поклонялись отдельным камням и считали, что они находятся под непосредственным влиянием определенных божеств и духов. Очевидно, камень из Туро использовался как культовый объект, который мог быть связан

Рис. 95. Вихреобразный мотив
(трискелес) на фалере
из Экюри-сюр-Коль, Марна,
Франция

с ритуалами плодородия, составлявшими значительную часть церемониала инаугурации ирландских королей.

В Ирландии были обнаружены и другие камни, декорированные в латенском стиле, которые подтверждают наши предположения о том, что кельтские художники с охотой использовали этот материал. Одно каменное изваяние из Килликлуггина в графстве Каван, дошедшее до наших дней во фрагментарном состоянии, по всей видимости, имеет особое значение (рис. 96). Оно стояло в центре круга из камней и было разбито. Это обстоятельство лишний раз вызывает в памяти рассказ о низвержении Кромм Круаха, идола, который стоял посреди других камней в том же графстве. Обелиск из Килликлуггина украшен спиралевидными мотивами и очень сходен с камнем из Туро. Очевидно, оно выполняло какие-то культовые функции, а сама область была важным религиозным местом в языческую эпоху. Это место использовалось со времен неолита, как Тара в графстве Мит и некоторые другие места. О таких местах Генри пишет: «Они уводят нас в гораздо более отдаленные времена и стадии заселения Тары; холм скрывал мегалитическое захоронение, а в кургане было открыто примерно 40 погребений среднего Бронзового века. Эти открытия говорят о том, что Тара являлась доисторическим некрополем и святилищем, позднее приспособленным кельтами к своим нуждам

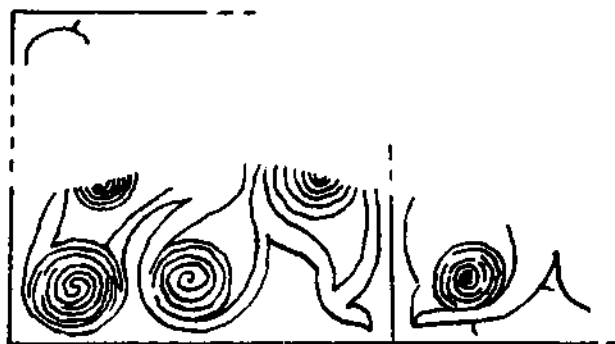

Рис. 96. Фрагмент рисунка, вырезанного на камне в Килликлуггине, графство Каван, Ирландия

и превратившимся в королевскую резиденцию, сохранившую свою религиозную ауру».

Все наши данные говорят о том, что в Ирландии, как, несомненно, и в других частях языческого кельтского мира, древние священные места использовались кельтами для своих религиозных целей. Поверхность другого камня в Каслстрендже, графство Роскоммон, украшена вырезанным криволинейным рисунком и также напоминает камень из Туро. Это гранитный валун примерно двух футов в высоту представляет собой раннюю кельтскую стелу, знакомую нам по британским и континентальным образцам.

Три ирландских образца каменной скульптуры находят близкие параллели в иконографии языческой кельтской Европы. Одно из наиболее впечатляющих изваяний было обнаружено в Пфальцфельде в Гюнсруке и находится ныне в Боннском музее. Оно состоит из столба, имеющего явно фаллическую форму, с основанием, закопанным в землю. Изваяние изящно украшено типичными кельтскими мотивами. Должно быть, когда-то его увенчивало изображение головы. Считается, что оно стояло на кургане. Вероятно, ирландские изваяния первоначально ставились на таких же возвышениях; возможно, они обозначали место погребения какого-либо предка, вокруг которого справлялись религиозные обряды. На каждой из четырех сторон пфальцфельдского столба изображена человеческая голова, украшенная большими рогами (или короной из листьев) и стилизованным листовидным орнаментом.

Изваяние из песчаника, найденное в Вальденбухе (Бюртемберг), от которого сохранилась лишь нижняя часть, украшена рельефом в вальдальгесхаймском стиле. Реалистично изображенная рука обхватывает пояс в манере, сходной с каменной двуликой фигурой из Гольцгерлингена (рис. 97), ныне находящейся в Штутгартском музее. Это статуя из песчаника, а строгие черты и большие рога придают ей отпечаток мрачного достоинства. Рука, рога и брови, изображенные прямыми линиями, связывают ее с более впечатляющей и демонической фигурой из Тандераги (рис. 98). Найденная в окрестностях бывшего крупного языческого святилища, холма Армы, эта фигура производит яркое

Рис. 97.
Янусоподобная
каменная статуя
из Гольцгерлинге-
на, Беблинген,
Германия

технику можно сравнить с техникой щита из Баттерси, с шишкой из Ход-Хилла и другими образцами кельтского искусства из Британии и континента. Техника, примененная для создания этого голуэйского диска, была, как отмечает Генри, применена много лет спустя для создания знаменитой чаши из Арды; но это уведит нас за пределы нашего исследования.

В Ирландии пользовались популярностью броши, пряжки для ремней и подвесные чаши, сделанные по римским образцам. Косвенным влиянием античного мира объясняется и пристрастие к миллефиори*, и производство необходимых для этого цветных стеклянных палочек. Кольцеобразная брошь получила большое распространение, и к моменту падения Римской империи в Ирландии производились эмалированные броши и диски из красной эмали и стекла миллефиори; таким образом, отнюдь не все предметы, демонстрирующие римское влияние, были завезены в Ирландию. В Ирландии все еще использовался циркуль, в то время как в Британии он постепенно выходил из употребления благодаря античному влиянию. Как отмечает Генри, именно в течение этого периода были созданы все предпосылки для возникновения великого искусства поздней, христианской эпохи: «Замечательная континуальность является одной из самых поразительных особенностей ирландского искусства»; и вновь: «Только если мы поймем, что долгая языческая традиция представила первые элементы и важнейшие декоративные принципы искусства, которое процветало в монастырях после V века, мы увидим причину устойчивости этой традиции».

Замечательное кельтское искусство Ирландии в христианскую эпоху использует эту великую традицию языческого кельтского мира.

Пока что мы рассматривали только металлические изделия в дохристианской Ирландии. Тем не менее существовали и каменные изваяния, и небольшое

* Декоративное стекло, которое производилось путем сплавления некоторого количества цветных стеклянных палочек различного размера и затем разрезания получившейся массы на куски для использования в качестве вставки.

впечатление, а сохранившиеся фрагменты рогов, усы и большой рот делают ее воплощением дикой ярости. Ранее считалось, что на ней рогатый шлем, но на самом деле это иллюзия, создаваемая длинной и прямой линией, обозначающей брови, заканчивающейся по краям головы и не продолжающейся на затылке, как было бы в случае шлема. Таким образом, рога вырастают из самой головы, как и на континентальных образцах. Эта фигура также могла помещаться на каком-либо могильном кургане или находилась в простом святилище, которое разрушило или захватило христианское духовенство.

Рис. 98. Каменный бюст
из Тандераги, Арма, Ирландия

Сходные черты можно увидеть на другом фрагменте каменного изваяния из Эхтердингена, ныне также находящегося в Штутгартском музее.

В Ирландии мы находим несколько примеров фигурной резьбы монументального характера, которые, похоже, подтверждают более тесное родство с искусством северной Европы, а не со скульптурами Прованса и долины Роны, испытавшими сильное средиземноморское влияние. В хронологическом плане первая монументальная каменная фигура, которая нам известна (много подобных скульптур, должно быть, создавалось из дерева на протяжении кельтской эпохи),

была найдена в 1962 году. Она замечательна как своей ранней датировкой, так и значительными размерами. Эта скульптура, созданная под очевидным влиянием античных образцов, была обнаружена при раскопках на галльштаттском кургане близ Гиршландена. Она представляет собой фигуру воина (рис. 99) с одной рукой, обхватившей пояс, и поднятым большим пальцем. Исследователи, проводившие раскопки, предположили, что первоначально это изваяние стояло на вершине кургана, но было сброшено вниз и до наших дней дошло во фрагментарном состоянии.

Должно быть, в древности существовало множество подобных памятников, но самые заметные из них подвергались систематическому уничтожению в эпоху Средневековья. Это обстоятельство заставляет нас снова вспомнить об Ирландии. Рогатую фигуру из Тандераги мы уже упоминали; ее можно сопоставить с каменным изваянием, найденным в Блэкнесс-Касле в Западном Лотиане, Шотландия (рис. 100). Во всей своей грубой простоте эта фигура имеет много общего с упоминавшимися ирландскими образцами, и ее следует

Рис. 99. Каменное изваяние воина, найденное близ кургана позднего галльштаттского периода в Гиршландене, Штутгарт, Германия

Рис. 100. Бюст из Блэкнесса, Западный Лотиан

Глава VII
Кельтское
искусство

рассматривать как еще одну культовую фигуру с Британских островов, датируемую I веком до или после н. э. Другое изваяние из Армы также, вероятно, относится к ранней эпохе. Это — обнаженная фигура, очевидно, изображавшая какое-то местное божество (рис. 101). Она напоминает некоторые римско-британские скульптуры из Северо-Западной Англии, особенно из области Мерипорта в Камберленде, и вполне может быть, что именно из этой области подобный тип статуй и проник в Ирландию. Все фигурные изваяния и орнаментированные камни обнаруживаются на севере и западе Ирландии. Две фигуры, найденные на островах в Локерне, Ферманаг, также демонстрируют черты сходства с североевропейскими произведениями. Одна из них двулика. Все внимание ее создателя было обращено на голову с огромными глазами, обведенными двойной линией, прямым носом и маленьким ртом. Голова имеет грушевидную форму, а руки скрещены на ремне. В целом можно сказать, что фигура демонстрирует чрезвычайно архаические черты, как и другое найденное в том же месте изваяние.

В ту же категорию грубых фигурных скульптур североевропейского типа мы можем отнести Бабушку из прихода св. Мартина, остров Гернси (рис. 102). Она

*Рис. 101. Бюст
с лугами из Армы,
Ирландия*

*Рис. 102. Каменная
фигура «Бабушка»,
приход св. Мартина
о. Гернси*

проявляет больше сходства с галльскими матерями-богинями, чем с любой другой категорией образов, и стоит за оградой погоста, откуда была изгнана христианами священниками. Люди все еще приносят ей подношения и верят, что она способна производить определенные движения и при правильном обращении давать ответы на заданные вопросы.

В Провансе мы находим ряд образцов ранней фигурной резьбы гораздо более сложного типа, испытавшего сильное воздействие античных образцов. Например, двойная голова, первоначально раскрашенная (рис. 103),

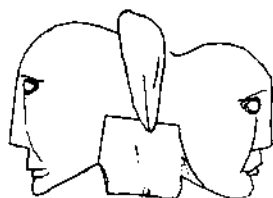

Рис. 103. Две головы из Рокепертюза, Буш-дю-Рон, Франция

была найдена вместе с пятью фигурами больше натурального роста внутри святилища в Рокепертюзе. Присутствие человеческих черепов в специально предназначенных для них нишах; фриз из лошадей и большой хищный гусь, который стоял над портиком (рис. 104), довершают картину. Эти фигуры могут датироваться IV веком до н. э.

Другой образец кельтской фигурной резьбы был обнаружен в Эффиньи, Верхняя Марна, Франция (см. рис. 56). Эта фигура имеет такой вид, как если бы была сделана из ствола дерева, и, несомненно, из дерева были сделаны ее непосредственные прототипы. На передней стороне вырезан кабан в латенском стиле. В данном случае он, должно быть, является изображением какого-то бога, чьим специальным культовым атрибутом был кабан. Как мы уже говорили, кабан считался самым важным и самым священным из всех животных кельтского мира.

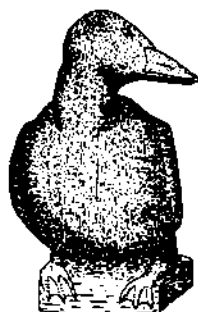

Рис. 104.
Каменный гусь
из Рокепертюза,
реконструкция

Глава VII
Кельтское
искусство

Каменные головы в целом с трудом поддаются точной датировке. В число многочисленных голов, обнаруженных в римской среде, могут входить некоторые головы, на самом деле созданные до римского завоевания. Весь вопрос о датировке этих голов требует пересмотра. Так как головы уже рассматривались с точки зрения их отношения к кельтской религии, теперь мы упомянем лишь о двух ранних образцах. Самый знаменитый и впечатляющий образец был обнаружен в Мшецке-Жехровице, Чехия (рис. 105). Он сделан из известняка и был найден в чрезвычайно любопытном месте, которое представляло собой одновременно железную мастерскую и святилище. Голова датируется приблизительно II веком до н. э. Изображение ушей напоминает уши на великолепной голове из Глостера (рис. 106). Она имеет «дырку для сигареты» у рта. Эта таинственная черта характерна для изображений кельтских голов по всей Европе, включая Британские острова.

Странные головы попирает лапами ужасное чудовище на знаменитой скульптуре из Новэ. В Ирландии, в Корлеке (графство Каван) мы встречаем трехликую

*Рис. 105. Каменная голова,
Мшецке-Жехровице, Чехия*

*Рис. 106. Голова из известняка,
Глостер*

голову, странные, строгие черты которой характерны для ранних кельтских культовых голов (см. рис. 56). У этого трехглавого существа нет ушей. В основании камня имеется отверстие, в которое вставлялся штырь, и, возможно, эта голова первоначально была установлена на верхушке столба в каком-либо святилище. Сам Корлек, по всей видимости, был важнейшим культовым центром. Когда была обнаружена трехликая голова, вместе с ней были откопаны две янусоподобные головы, но, очевидно, они были впоследствии утеряны. Впрочем, в этом месте на свет постоянно извлекаются и другие головы, так что существует возможность, что рано или поздно здесь еще найдут двуликие образцы.

Голова из Кортинана, также найденная в северной части Ирландии, является еще одним образцом ранней стадии.

Каменная голова, недавно обнаруженная в садовой стене в Гемпшире, обладает отчетливо выраженными кельтскими чертами и в некоторых отношениях напоминает фигуру из Тандераги: небольшие, круглые и выпуклые глаза; брови, вырезанные в виде одной линии; рога — в данном случае бараньи; усы, загибающиеся вверх; большой рот — который, хотя и поврежден, должен был быть большого размера — все эти черты указывают на кельтское происхождение и сравнимы с особенностями изваяния из Тандераги. Каменные скульптуры животных также известны на континенте и в Арме в Северной Ирландии (рис. 107).

Итак, имеется множество примеров, которые говорят о том, что, кроме декорирования металлических поверхностей кельтскими рисунками и кроме вырезания фигур и голов из дерева — и, несомненно, также декорирования их вырезанными рисунками (напоминающими татуировку), — кельты создавали натуралистические фигуральные изваяния и головы из камня. Имеющийся в нашем распоряжении корпус образцов ведет нас

Рис. 107. Каменная фигурка медведя, Арме, Ирландия

к предположению о существовании в древности гораздо более богатого репертуара каменных изваяний, чем предполагалось до сих пор. Религиозный пыл Средневековья, несомненно, объясняет исчезновение многих из них. Другие, наверное, ожидают открытия либо в земле, либо в церквях, либо в частных собраниях, где их подлинная природа не была установлена, либо в музейных подвалах.

Бронзовые статуэтки и котлы

Кроме уже обсуждавшихся в предыдущем разделе предметов кельты изготавливали великолепные бронзовые изделия; некоторые из них не отказался бы создать и современный скульптор, например, Генри Мур.

Замечательная коллекция бронзовых фигурок (рис. 108) из Неви-ан-Сюлли (местечко на реке Луаре, расположенное напротив крупного кельтского святилища Флери-Флориак и определенно связанное с религиоз-

ными кельтскими культами), а также богатый клад, по всей вероятности, спрятанный кельтскими жрецами от римлян, говорят о том, что в этой местности находился важнейший культовый центр. Еще один образец бронзовой скульптуры, изображающий танцующую женщину, прекрасно передает ритмику танца (см. рис. 42). Бронзовая фигурка танцующего обнаженного мужчины выражает типично кельтские черты (см. рис. 43). Среди прочих бронзовых скульптур, найденных в Неви-ан-Сюлли, можно выделить фигурку мужчины, играющего на арфе или кимвалах. К сожалению, часть скульптуры, изображавшая сам музыкальный инструмент, утеряна. На мужчине узкие штаны (*bracae*) и узкая куртка, являющиеся любопытным примером одного из видов кельтской одежды. Его волосы выполнены в кельтском стиле (рис. 13). Здесь же было обнаружено замечательное изображение кабана, размеры которого составляют более 4 футов в длину и более 2 футов в высоту; очевидно, таковы были стандартные размеры

Рис. 108. Бронзовая статуэтка «жонглера», Неви-ан-Сюлли, Луара, Франция

(см. рис. 67). В эту уникальную коллекцию входит также прекрасный бронзовый олень. Все изделия отличаются высоким качеством и лишний раз подтверждают, что кельты были способны создавать как фантастические, так и более или менее натуралистические скульптуры.

Кельты использовали котлы не только в качестве предмета домашнего обихода, но также и в ритуальных целях. Три ритуальных котла были найдены на территории Дании. Судя по всему, они использовались как votive дары какому-то божеству. Вообще же, их наличие в Дании дает повод к размышлениям и составляет часть более общего вопроса о природе кельтского влияния в Дании. Существуют свидетельства, говорящие о значительном воздействии кельтской культуры на население этой страны, но мы еще не знаем, каким образом и по каким каналам протекали культурные контакты. Возможно, толчок исходил от кимбров (северное племя германского происхождения: Страбон упоминает «благосостояние кимбров»), но на сегодняшний день мы не можем составить ясного представления об этих процессах, хотя и очевидно, что в этом регионе работали кельтские художники. Один из трех котлов был найден в Ринкеби, на острове Фунен. Он сделан из бронзы, датируется приблизительно I веком до н. э. (впрочем, как и остальные два котла) и украшен изображением человеческого лица со стилизованными волосами, большими глазами, которые первоначально были инкрустированы каким-то другим материалом, и небольшим четко очерченным ртом (рис. 109).

Рис. 109.
Фрагмент
бронзового котла,
Ринкеби,
Ютландия, Дания

Шею охватывает массивная шейная гривна. По обе стороны от головы видны изящные изображения быков. Когда-то внутренняя часть котла также была выложена бронзовыми пластинами. До нашего времени дошла только одна из них, украшенная изображениями двух животных, стоящих лицом друг к другу. Одним из зверей является кабан, а другой зверь считается львом. Диаметр котла составляет 2 фута 4 дюйма. В нем заметны черты сходства с двумя ведрами, завезенными в Британию с континента и также датируемыми I веком до н. э. Речь идет о «чане из Мальборо» и «ведре из Эйлсфорда». Оба ведра представляют собой деревянные сосуды, скрепленные декорированными обручами.

К той же эпохе относится и другой сосуд: большой ритуальный котел, прекраснейший образец известной нам ритуальной утвари и важнейший памятник доримского кельтского культа. Он был найден в 1891 году в Дании в Ютландии, в местечке Гундеструп, и потому получил название «котел из Гундеструпа» (рис. 110). Серебряный котел был преднамеренно разломан и положен на землю в качестве votivного дара. И внешняя, и внутренняя стороны котла были выложены декоративными пластинами с изображениями божеств на внешней стороне и культовых сцен на внутренней. Внутренняя сторона основания котла также изображает культовую сцену, которая, как и изображения божеств, первоначально была покрыта тонким слоем листового

Рис. 110.
Серебряный
культовый
котелок.
Гундеструп,
Ютландия

золота. Глаза фигурок были инкрустированы красным и синим стеклом. Таким образом, каждая пластина либо представляет какую-то культовую сцену, либо содержит изображение определенного бога или богини с их спутниками, культовыми животными, птицами и символами. В некоторых случаях изображение бога появляется на фоне мифологической сцены. Отчетливо проявляется влияние восточного кельтского мира, а в качестве места производства некоторые исследователи указывают область под Братиславой. Техника изготовления серебряных изделий ясно свидетельствует о восточном происхождении котла, в то время как мифологические сцены и культовые фигуры находят близкие параллели как в кельтской иконографии, так и в островных кельтских текстах. Была выдвинута гипотеза, что сцена на основании котла, изображающая убийство огромного быка, отражает влияние митраизма, но эта гипотеза остается под вопросом. Одним из главных персонажей великого ирландского эпоса «Похищение быка из Куальнге» является гигантский сверхъестественный бык, и хотя речь в нем вовсе не идет об охоте на быка в собственном смысле слова, у нас нет причин полагать, что в устной традиции по крайней мере какой-то части кельтских континентальных племен не имела хождения в том или ином виде легенда о преследовании и убийстве могучего божественного быка; впрочем, пока мы не обладаем более определенными сведениями, этот вопрос носит исключительно абстрактный характер. Рога быка первоначально были сделаны из какого-то другого материала, но теперь они утрачены. Другой интересный котел, о котором мы уже говорили в связи с пластическим стилем кельтского искусства, был найден в Бра под Хорсенсом в Ютландии. Он был изготовлен раньше, чем остальные два котла, и может датироваться концом III или началом II века до н. э. Этот котел был сделан из бронзы, затем разбит на части и положен в яму, вырытую в земле. Скорее всего, он также был принесен в votивный дар какому-то божеству. Как и котел из Гундеструпа, по всей видимости, он был изготовлен в восточной части кельтского мира, скорее всего, в Чехии или Моравии. Нам неизвестно, каким образом эти кельтские котлы

попали в Данию, к тому же до сих пор ждет своего решения вопрос о характере и размерах кельтского влияния в этой стране.

Кельтские монеты

Еще одним способом художественного самовыражения служили кельтские монеты, составляющие чрезвычайно интересную область исследований. Они проливают свет на политические и экономические процессы, свидетельствуют о передвижениях отдельных племен, а изображенные на них мотивы способствуют дополнению наших знаний о кельтской мифологии.

Среди кельтов, обитавших в Трансильвании, ходила серебряная монета. Как отмечает Пауэлл, некоторые рисунки, выбитые на серебре, «по-видимому, иллюстрируют кельтскую мифологию, сохранившуюся в Ирландии». Таким образом, кельтские монеты потенциально представляют собой кладезь мифологических мотивов, оставаясь при этом прекрасным материалом для проявления мастерства и искусства кельтских художников. Монетное дело возникло в тот период, когда (оставляя в стороне Британские острова) кельтское искусство исчерпало себя, то есть с конца III века до н. э. до римского завоевания.

Создатели кельтских монет, в частности, опирались на такие образцы, как золотые статеры Александра III; они играли большую роль в экономике восточных частей кельтского мира. Менее влиятельным источником служили золотые статеры Филиппа II Македонского. Они достигли западных районов по Дунаю и в конечном итоге попали в Британию вместе с племенами белгов. Кроме того, кельты изготавливали серебряные монеты под воздействием массильских образцов, а также монет других западных греческих колоний (рис. 111). Однако, как отметил Дерек Аллен, заимствование того или иного типа монет всегда до некоторой степени зависело от предпочтения, которое определенное племя высказывало к определенным мотивам; свою роль играл и выбор мифологических мотивов. Кельтские художники восприняли основные античные модели

Рис. 111. Кельтская золотая монета в Чехии, самая древняя на этой территории:

1. Неханице, подражание статеру. 2 – Монета со свернувшимся драконом.
 3 – Копидлно, монета с изображением кабана. 4 – «Раковина».
 5–6 – Золотые «радужные гашетки»

и внесли в них свои изменения точно так же, как ранее они модифицировали античные и восточные мотивы, заложив основы латенского стиля. Формальный натурализм античных монет приобрел типичные кельтские черты, как бы мы ни расценивали эти изменения в эстетическом плане. Мы обнаруживаем на кельтских монетах отрубленные головы, лошадиные ноги, отделенные от туловища, катящиеся сами по себе колеса колесниц, культовых животных и птиц, солнечные символы, магические знаки и множество других экстравагантных мифологических мотивов. Позднее, под влиянием римских монет, кельты стали чеканить на своих монетах легенды, состоявшие по большей части из сокращенных названий племен или имен отдельных вождей и титулов (рис. 112). Таким образом, изучив

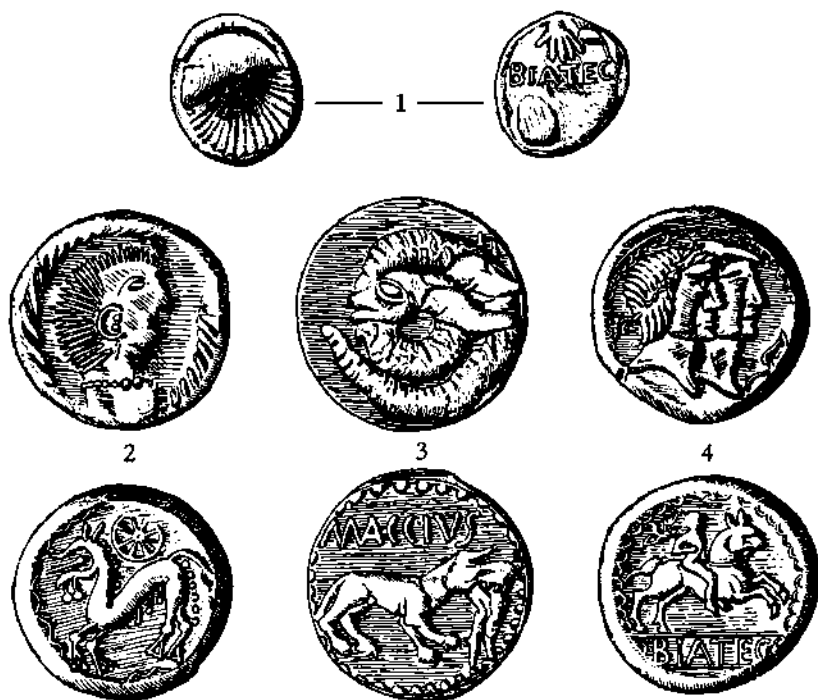

Рис. 112. Кельтские биатековые монеты первой половины I в. до н. э.:

1 — Золотая раковинообразная монета с именем «Биатек». 2 — Реца в Словакии. 3 — Братислава (клад биатековых монет). 4 — Яровце

распределение этих монет, мы можем получить существенную информацию об изменениях, протекавших в кельтском обществе, и о политических процессах того времени. В Ирландии, как и в Шотландии и других областях Британии, местная монета не чеканилась.

Сдвиг в сторону натурализма проявляется в монетах позднего периода и особенно заметен в белгских областях Британии; похоже, он произошел под влиянием ремесленников из восточных кельтских регионов, предпочитавших работать именно в этом стиле.

Итак, мы видим, что в целом в западной части Европы в качестве денег использовалось золото, в то время как в восточных областях преобладало серебро. Скорее всего, монетное обращение ограничивалось сферой торговли с чужеземными купцами, и в монетах нуждались только те племена, которые обладали налаженными торговыми связями с народами, обитавшими за пределами кельтского мира. Торговля между самими кельтскими племенами, должно быть, была организована по принципу обмена товарами. Единицей стоимости в Ирландии была корова, и таким же образом, несомненно, обстояли дела и в Галлии. Например, рабыня оценивалась в три коровы. Но чужеземцы, по-видимому, не желали обменивать свои товары на скот, который нужно было перегонять на большие расстояния, и требовали плату в более удобной для них денежной форме.

В конце II века до н. э. белгские племена принесли искусство чеканки монет на Британские острова, и в крупных центрах, таких как Силчестер и Колчестер, были организованы монетные дворы. На западе Англии имели хождение куски необработанного железа стандартного веса. И в Британии монеты и их географическое распределение проливает свет на политические и экономические процессы. Монеты с легендами, датированные последними десятилетиями до римского завоевания и сообщающие названия племен и имена вождей в Южной Британии, также помогают нам лучше понять обстановку, сложившуюся на Британских островах в этот период. Ранние монеты из Южной Британии демонстрируют большое разнообразие и поразительное искусство; монеты северных племен не

отличаются этими чертами. В этом отношении, возможно, самыми замечательными являются монеты из Арморики. Они представляют большой интерес для исследователей кельтской мифологии, а изображенные на них человеческие головы с покрытыми татуировкой лицами, развевающимися волосами, священными символами и яростными, искаженными чертами чрезвычайно напоминают описания искажений героя-полубога, которые мы находим в ирландских сагах.

Кельтские зеркала

Великолепные бронзовые зеркала, создававшиеся в Британии начиная с I века до н. э., являлись еще одним средством выражения кельтских художников (рис. 113). Они свидетельствовали о социальном статусе владельца, отражая степень его благосостояния и власти. Производство зеркал достигло своего пика около 30 года н. э. В конечном итоге кельтские мастера ориентировались на греческие и этрусские, а затем и на римские образцы; однако, несмотря на различные влияния, зеркала, как и другие предметы кельтского искусства, в высшей

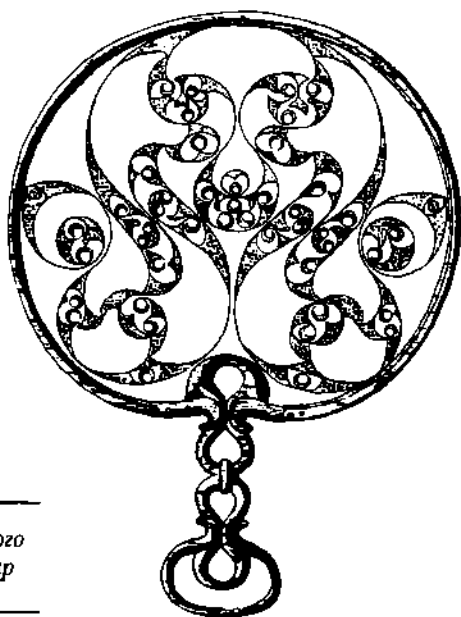

Рис. 113. Задняя сторона бронзового зеркала, Десборо, Нортгемптоншир

степени отличаются индивидуальностью и своеобразием. Сандерс писал об искусстве ремесленников: «Самообладание и сдержанность давно уже были известны ювелирам Бронзового века». Ретуширование использовалось для достижения излюбленного кельтскими мастерами эффекта плетенки. В некоторых образцах, таких как зеркала из Десборо и Бердлип (см. рис. 89), проявляется невероятное мастерство, напоминающее искусство поздних кельтских иллюминированных рукописей. Сфера распространения бронзовых зеркал ограничивается территорией Южной Британии. Рисунки на зеркалах основываются на изображении круга. Обычно три круга соединялись вместе и сочетались с античными лировидными пальметками. Иногда штриховкой покрывались лишь отдельные части зеркала, иногда же она заполняла весь фон. Ручки зеркал сами по себе являются произведениями искусства. Они также по большей части выполнены из бронзы и имеют разнообразные, но всегда элегантные формы. У ранних зеркал ручки более простые; позднее кельтские художники осознали новые возможности, открывавшиеся перед ними в этой области, и ручки приобрели более изящный вид. Кельтское зеркало из Колчестера было найдено в захоронении с трупосожжением, в котором также была обнаружена белгская керамика.

Распределение зеркал на территории Британских островов, как отмечает Фокс, отличается своеобразием. Он объясняет их сосредоточение в портовых районах на юго-восточном и юго-западном побережьях Британии тем, что самые светские и модные дамы того времени проживали в областях, наиболее открытых римскому влиянию; так как зеркала с декорированными пластинами неизвестны в Галлии, их нельзя считать привозными изделиями. Тонкость и изящество этих бронзовых зеркал наряду с искусством чеканки монет составляют две отличительные черты искусства британских белгов начиная с I века до н. э. до похода Клавдия в 43 году н. э. Более прогрессивные и утонченные, чем островные кельты, племена белгов, вторгшиеся в Британию, принесли с собой оппидумы, захоронения с трупосожжением и более высокие стандарты производства. Кроме того, они ввели в употребление

в Южной Британии колесный плуг, тем самым вызвав революционные изменения в сельском хозяйстве этого региона.

Изделия из железа, керамика и эмаль

Хотя этот обзор кельтского искусства и его достижений по необходимости носит чрезвычайно поверхностный характер, в нем нельзя обойтись без упоминаний о подставках для дров и керамике, являвшихся непременным атрибутом захоронений с трупосожжением. Могилы устраивались всем необходимым для пира аристократа и его спутника. В погребальное убранство входили и железные подставки для дров (рис. 114). Они должны были поддерживать дрова над очагом. Здесь можно упомянуть о предмете, выполнявшем сходные функции. Речь идет о квадратной раме, служившей для хранения амфор с вином (рис. 115). Предполагалось, что, так как одному очагу требуется только одна подставка для дров, наличие двух подставок в белгских захоронениях говорит о двух очагах, один из которых устраивался для вождя, а другой — для его спутника. Кельтская традиция поединка между двумя воинами ушла в прошлое; вождь проводил загробную жизнь в пирах и веселье со своим другом, и, как видно по захоронению в Велвин-Гарден-Сити, в могилу

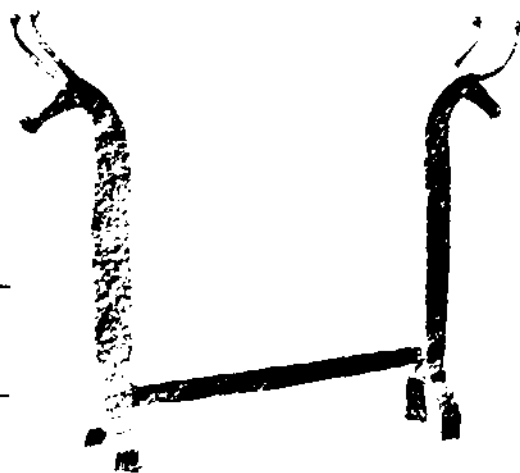

Рис. 114. Железная подставка для дров,
Лордс-Бридж, Кембриджшир

помещались настольные игры, способные скоротать время играющим до прибытия в Иной мир на великий пир богов. Концы подставок исполнены в форме бычьих голов, и некоторые из них отличаются выдающимся мастерством. Фрагменты игральных фигурок и музыкальных инструментов говорят о том, что, по мнению кельтов, потусторонние развлечения схожи с земными и будут служить времяпрепровождению духовной сущности так же, как они служили живому человеку.

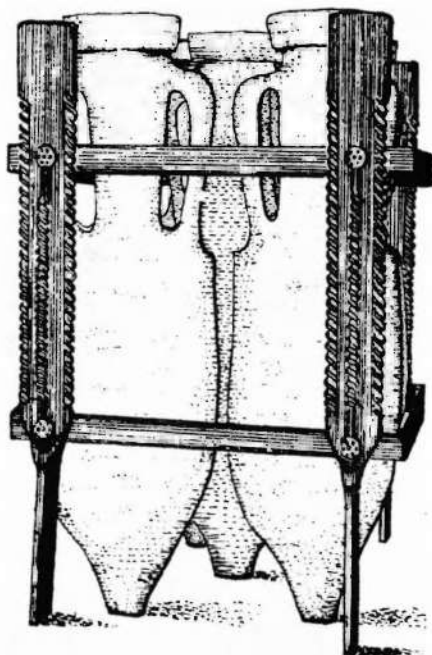

Рис. 115. Подставка для амфор, Уэлвин, Гертфордшир, с пятью амфорами

Белгская керамика является еще одной чертой позднего кельтского искусства, хорошо представленной в белгских захоронениях. Различают два типа изделий, сделанных на гончарном круге. Первый тип (*tazza*) или чаша с ножкой (рис. 116) восходит к металлическим прототипам; второй представляет собой изящную урну, в которую часто помещали прах покойного. Чаще всего белгские сосуды окрашены в черный и серый цвета. Существовали и другие виды гончарных изделий, и все они подтверждают искусство и мастерство белгских ремесленников.

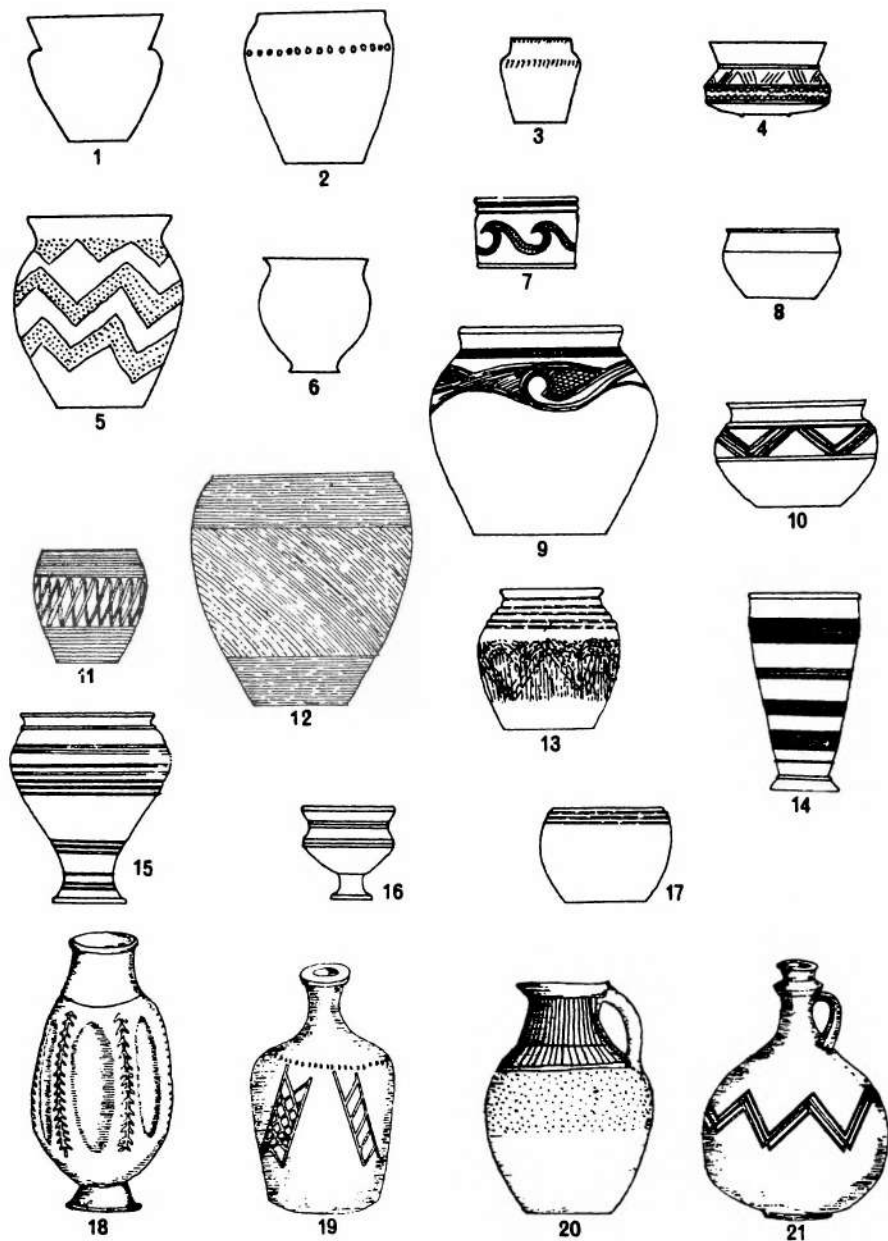
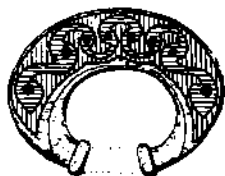

Рис. 116. Бриттская керамика

1, 2 — Парк-Броу, Сассекс; 3, 4, 5 — Олл-Кеннингс-Кросс, Уилтшир; 6, 7 — Кэберн, Сассекс; 8 — Трандл, Сассекс; 9, 10 — Хенгистбери-Хед, Гемпшир; 11 — Когдин, Дорсет; 12 — Ротерли, Уилтшир; 13–17 — Сворлинг, Кент; 18–21 — Нью-Форест, Гемпшир

Широкое использование эмали составляет другое отличительное свойство белгского искусства. Эмалью украшались многие предметы, включая кольца, удила и другие детали упряжи. В доримскую эпоху по большей части для украшения использовалась одноцветная эмаль, чаще всего красная. Впрочем, иногда добавлялись кусочки синей и желтой эмали. Это искусство было широко распространено в восточных областях Британии, в зоне белгского влияния. Иногда с эмалью комбинировали синее стекло, которое использовалось кельтами в декоративных целях начиная с галльштаттской эпохи. В раннебелгской среде эмаль употреблялась в форме маленьких вставок, предположительно, вместо вставок из коралла, которые прежде доминировали в сходной среде. В тот период изделия украшались эмалью относительно просто. В конце I века до н. э. эмаль стала использоваться для украшения больших поверхностей. Применялась и техника выемчатой эмали (рис. 117)*. Предметы, выполненные в такой технике, обнаруживаются только в Британии. По всей видимости, она зародилась у племен белгов, занимавших территорию между Кентом и Саффолком непосредственно перед походом Клавдия. Белгское искусство

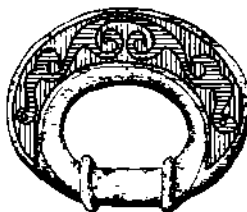

1

Рис. 117. Эмалированные кольца
1 — Бангайльд, Кент; 2 — Стюарттри,
Керкубри; 3 — Вестхолл, Саффолк

2

3

* Техника заполнения эмалью пустот в металле, подчеркивающая рисунок.

использовалось для декорирования предметов личного украшения, таких как фибулы, пряжки, тяжелые браслеты, ножны. В Северной Британии эмаль продолжала применяться до тех пор, пока римляне полностью не поглотили местную культуру (рис. 118). Такие предметы, как замечательная фибула из Эсики (рис. 119) близ вала Адриана в Нортумберленде и великолепные браслеты из Касл-Нью в Абердиншире, датируемые приблизительно I веком до н. э., знаменуют завершение истории самобытного кельтского искусства в Британии и наступление периода римско-британского искусства, совершенно отличного от предыдущего.

Рис. 118. Фибула в форме дракона
из Карлайла, Камберленд,
со вставками из эмали двух
оттенков синего цвета

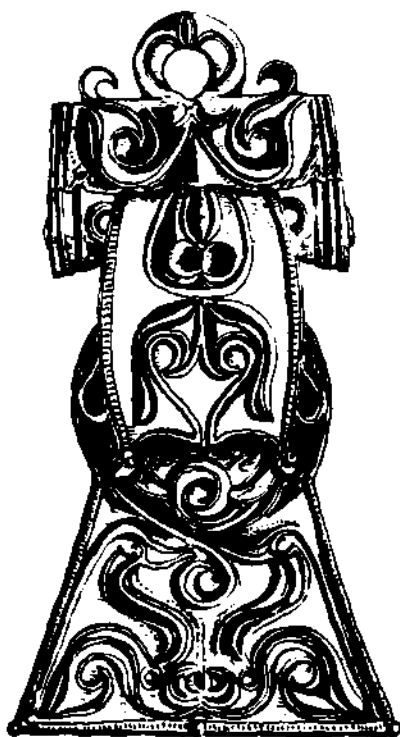

Рис. 119. Позолоченная бронзовая
фибула из Грейт-Честерс,
Нортумберленд

Проникновение римского влияния во все сферы кельтской жизни привело к изменению структуры общества, от которой зависело благосостояние кельтских художников, и тем самым препятствовало дальнейшему развитию кельтского искусства. Кельтским ремесленникам требовалось покровительство богатых аристократов, дававших им средства к существованию и заказы. Характеру варварского вождя были в высшей степени свойственны тщеславие и хвастовство. Его снаряжение состояло как из оружия, использовавшегося в представительских целях на параде, так и из оружия, применявшегося по своему прямому назначению. Он должен был владеть доспехами, если только не относился с презрением к дополнительной защите. Его колесница и лошади должны были украшаться соответствующими декоративными и магическими рисунками; одежда как самого вождя так и его супруги украшалась богатой вышивкой и различными символами. Его дом был покрыт резьбой в соответствии с его социальным статусом и индивидуальным мастерством его ремесленников. Как только перестал существовать слой потребителей, из-под кельтского художественного искусства была выбита опора. После римского завоевания кельтское искусство возродилось лишь через несколько столетий благодаря трудам ирландских и британских художников, работавших под эгидой Христианской Церкви. Кельтское искусство находилось в скрытом состоянии и только время от времени проявляло себя. Например, горшечники из Нью-Фореста, трудившиеся в III и IV веках н. э., сыграли свою скромную роль в деле сохранения и поддержания кельтской культуры, и простые, но по сути кельтские узоры, которые они наносили на свои изделия, свидетельствуют о том, что огонь, который кельтские художники в латенской Европе превратили в сильнейший пожар, еще не погас. Горшечники, жившие в изоляции в гемпширских болотах и лесах, украшали свои кувшины изображениями странных птицеподобных богинь с телами, состоящими из завитков и спиралей. Эти изображения чрезвычайно напоминают богиню с совой, изображенную

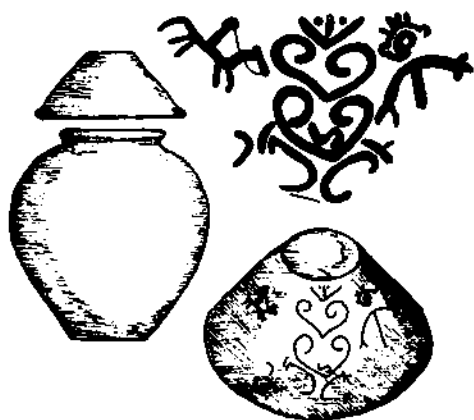

Рис. 120.
Кувшин
и крышка,
Линвуд,
Гемпшир

несколькими столетиями ранее на шейной гривне из Райнхайма (см. рис. 78). На гемпширской керамике можно также увидеть одноглазую фигуру с расставленными руками и странного безрукого всадника, держащего поводья во рту и балансирующего на спине своей неуклюжей лошади с очень длинным туловищем (рис. 120). Таким образом, эта изолированная группа не давала окончательно зачахнуть художественному духу своих предков, хотя все их усилия носили неизбежно ограниченный характер. Гемпширские художники старались привлечь удачу, призывая древних кельтских богов, и, несомненно, проводили время, слушая и рассказывая древние культовые легенды, составлявшие основу всего духовного мира их более могущественных предшественников.

 Воистину многим был славен Кухулин: красотой, сложением и видом, даром пловца и наездника, даром игры в фидхелл и брандуб, даром борьбы, поединка, сражения, даром чудесного зрения и речи, даром совета, даром охотника, даром опустошителя и разорителя чужих земель» (Похищение, с. 141).

Все, что имеет начало, должно иметь и конец, и подобно кольцевым песням гебридских женщин или извилистым текучим линиям кельтских художников, мы завершаем тем, с чего начали, понятием кельтского «идеала»: идеала телесной красоты и силы; умения проводить время как в физических, так и в интеллектуальных упражнениях; героизма в битве и ловкости в верховой езде; проницательности, мудрости и красноречия. Эти «идеалы» внешнего облика и поведения наряду с понятием «соразмерности» сделали больше, чем могло бы сделать политическое единство для того, чтобы сплотить кельтов в древности и последующие эпохи в самобытный единый народ и приподнять их чуть выше общего уровня варварских племен Железного века. Многие стороны их повседневной жизни, несомненно, были полны варварства, а их поведение в реальности, скорее всего, далеко не соответствовало столь высоко ценимым ими стандартам. Однако факт состоит в том, что они были способны выработать такие идеалы и представления о правильном поведении — вне зависимости от того, какую роль они играли в их повседневной жизни, которые выделяют этот народ из общей массы варварских племен в большей степени, чем даже его материальная культура.

В этой небольшой книге мы, естественно, не могли сколь-нибудь подробно рассмотреть предмет, изучению которого можно было бы посвятить всю жизнь. Поэтому в предыдущих главах освещались те стороны повседневной жизни кельтов в языческую эпоху, которые казались нам самыми характерными для кельтских племен, в которых наиболее ярко проявилась их индивидуальность и которые приводили в наибольшее удивление их современников. По этой причине значительная часть этой книги посвящена обсуждению кельтской религии и кельтского искусства, двух самых типичных аспектов их культуры, и таких отличительных признаков материальной культуры, как кельтская одежда и внешний облик, оружие и боевая тактика, ученость и законы. Мы были вынуждены обойти молчанием множество других вопросов, таких как сельское хозяйство, заклинания и заговоры, медицинские средства, технологию, обряды при родах и погребальные обычаи, а также лишь вскользь описали кельтские музыкальные инструменты. Однако в этих областях кельты не многим отличались от других народов, а мы старались сосредоточить наше внимание только на тех чертах кельтского общества, которые могли полнее раскрыть истинную сущность его самобытности.

Как мы неоднократно отмечали выше, у нас нет единого всеобъемлющего источника, подобного достоверной истории, на который мы могли бы опереться при реконструкции картины повседневной жизни кельтов. Используемые нами свидетельства не были бы признаны достаточными ни в одном суде. Нам кажется уместным привести выдержку из заключительной речи, произнесенной в 1903 году ирландским судьей по поводу золотого ожерелья из Бройтера, которое было объявлено драгоценным кладом Королевской Ирландской академией:

ответчик уверяет, что эти предметы были брошены в море, которое, как полагают, покрывало этот район, в качестве votивных даров, принесенных каким-то ирландским королем или вождем какому-то ирландскому богу моря в промежуток времени между 300 годом до н. э. и 100 годом н. э., и для этого они

просят суд принять на веру существование моря в данном месте, существование ирландского бога моря, существование обычая приносить вотивные дары в Ирландии в течение данного периода времени и существование королей или вождей, которые приносили такие вотивные дары. Все их свидетельства (если я могу назвать их этим словом) на этот счет носят чрезвычайно туманный характер».

Мы можем предложить свидетельства такого рода, которые могли бы удовлетворить юристов, немногим больше, чем ответчики в так называемом «деле золотых украшений». Однако в данном контексте подобные свидетельства не представляются ни возможными, ни необходимыми. Для начала мы рассмотрели несколько неоспоримых фактов, а затем совместили их со всеми находящимися в нашем распоряжении данными, которые можно обнаружить в разнообразных источниках, как первичных, так и вторичных, и в итоге попытались реконструировать картину жизни кельтских народов Железного века. Мы предлагаем эту книгу читателям в надежде, что она хоть немного поможет осветить жизнь этих языческих кельтских племен, вклад которых в европейскую культуру нельзя недооценивать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	7
Глава I. Происхождение и ранняя история кельтов; источники	9
Глава II. Структура общества; внешний облик и платье	39
Глава III. Военное дело, пути сообщения, укрепления и дома	71
Глава IV. Игры и охота; музыка и развлечения; еда и питье	123
Глава V. Законы, «соразмерность», учение и литература	145
Глава VI. Языческая религия кельтов	173
Глава VII. Кельтское искусство	231
Эпilog	285

Научное издание

Анна Росс

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КЕЛЬТОВ В ЯЗЫЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Главный редактор Чубарь В. В.

Редактор Иванов С. В.

Ведущий редактор Трофимов В. Ю.

Художественный редактор Лосев П. П.

Макет Капитоновой Е. А.

Корректор Мартынова Г. Н.

Подписано в печать 25.02.2003. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 23,4. Гарнитура OctavaC.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ № 3159

ООО «Издательская группа Евразия».

197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3.

Тел. 303-93-25

e-mail: evrasia@peterlink.ru

Издательский дом «София»

109028, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 15/38, стр. 9

Издательство «София»

04119, Украина, Киев-119, ул. Белорусская, 36-А

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12